

Взаимосвязи
Ежеквартальный журнал

(Русское издание серии Connections)

Том III, № 1
март 2004

Консорциум “Партнерство ради мира”
военных академий и институтов по
изучению вопросов безопасности

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления о терроризме

Некоторые экономические соображения о войне США с терроризмом 1

Дэвид Голд

Трансатлантическое сотрудничество функционирует, по крайней мере, в борьбе с терроризмом 19

Филипп Коессенс

Трансформирование терроризма: «новый терроризм», расширяемость воздействия и динамика обоюдного восприятия угроз 23

Дорон Циммерманн

Эмоции, бедность или политика? Неправильные представления об исламистских движениях 49

Энн Мари Байлоуни

Будущие тенденции в мировом морском терроризме 59

Джошуа Синай

Воины и цивилизация?

Образование (военного) руководящего состава в постмодернистском мире 81

Эдвин Р. Мисевски

Гражданская направленность военных? Профессиональные дисциплины, этос и европейские вооруженные силы 89

Патрик Майлхэм

Точка зрения

Центральная Азия: возвращение к идеям Маккиндера? 113

Мишель Хесс

Лучшее из трудов военных академий

Кипр в Европе: возможно ли решение кипрской проблемы
путем придания ей европейского масштаба? 127

Петер Зервакис

Некоторые экономические соображения о войне США с терроризмом

Дэвид Голд *

«Действия террористов-смертников – усилия корпоративного плана»¹

Несомненно, начиная с 11 сентября 2001 года, если не ранее, «война» с международным терроризмом стала центральным организующим принципом внешней и военной политики Соединенных Штатов. Как и большинство войн, война с международным терроризмом главным образом определяется на основе военных и политических целей, но тем не менее важны и другие соображения. Терроризм является комплексным явлением, которое с трудом поддается четкому определению. Как нам напомнила специалист по вопросам терроризма Джессика Стерн, «студент, изучающий вопросы терроризма, сталкивается в литературе с доброй сотней определений этого понятия».² Многие исследования по терроризму, наряду с предписаниями, касающимися методов работы с ним, подчеркивают его политические, социальные, идеологические и экономические аспекты, хотя этим факторам обычно уделяется меньшее внимание, чем факторам безопасности в формировании политики.

Популярные обсуждения экономических аспектов терроризма зачастую концентрируются на том, каким образом перекрыть потоки финансовых ресурсов террористическим организациям, каким образом разместить бюджетные ресурсы для борьбы с терроризмом, и насколько экономические трудности способствуют международному терроризму. Все же экономические аспекты терроризма намного сложнее. Существуют экономические затраты, являющиеся непосредственным результатом террористической деятельности, но также имеется и целый ряд затрат, кроме тех, которые выделяются из государственных бюджетов на финансирование борьбы с терроризмом. Внушительные размеры этих затрат предполагают, что активизированные усилия по нейтрализации источников терроризма смогут привести к существенной экономической пользе.

Связь между терроризмом и бедностью очень простая, но часто неправильно понимается. Ведь звенья сцепления должны иметь дело со структурой вознаграждений и системой поощрений, которые развиваются во многих обществах. И роль экономики в борьбе с терроризмом может включать намного больше, чем

* Дэвид Голд преподает экономику для студентов, обучающихся по программе международных отношений, в Университете Нью Скул в Нью-Йорке.

¹ “Special Report: Suicide Terrorism: Martyrdom and Murder,” *The Economist*, 10 января 2004 г.

² Jessica Stern, *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill* (New York: Harper Collins, 2003 г.), xx.

попытку разрушения финансовых сетей. Терроризм и меры, предпринимаемые для борьбы с ним, требуют экономических затрат. Все же у терроризма существуют экономические источники, и попытке противостоять терроризму и даже нанести ему поражение может способствовать принятие экономических стратегий.

В данной статье будут проанализированы четыре аспекта экономики терроризма: описание затрат терроризма, оценка затрат на борьбу с терроризмом, оценка источников терроризма и выдвижение некоторых альтернативных вариантов в борьбе с терроризмом.

Экономические затраты терроризма

Непосредственные экономические затраты терроризма вполне очевидны: уничтожение жизни и собственности. В случае атак 11 сентября 2001 года, хотя личные затраты, понесенные теми, кого коснулась эта трагедия, громадны и могут затянуться на значительные периоды времени, хотя размеры затрат в долларовом исчислении выглядят огромными – по одной авторитетной оценке порядка 33 – 36 млрд. долларов, – разрушение физического и человеческого капитала и соотносимая с этим потеря производства были достаточно малы по отношению к размеру экономики. Хотя деловая активность и в особенности авиаперевозки пострадали от спада, региональная и национальная экономики, кажется, восстановились, и в настоящее время в них доминируют тенденции и циклические структуры соответствующего типа, которые были до сентября 2001 года.³

Когда терроризм продолжает существовать длительные периоды времени, затраты могут продолжать расти. Страны и регионы, в значительной степени зависящие от индустрии туризма, несут существенные экономические убытки из-за продолжения существования терроризма. Исследование, проведенное по Баскскому региону в Испании, выявило тот факт, что ВВП на душу населения снизился на десять процентов относительно контрольных цифр в результате снижения туристической активности, вызванного волной террористического насилия со стороны сепаратистской группировки ETA.⁴ Снижение расходов в сфере туризма и прибылей от обмена валют в результате терроризма также наблюдалось

³ Jason Bram, James Orr и Carol Rapaport, “Measuring the Effects of the September 11 Attack on New York City,” и Jason Bram, Andrew Haughwout и James Orr, “Has September 11 Affected New York City’s Growth Potential?” *Federal Reserve Bank of New York Economic Policy Review* 8:2 (ноябрь 2002 г.), www.nyfed.org/research/epr/2002.html. Дополнительную информацию в отношении оценок расходов в связи с нападениями 11 сентября см. Robert Kelleher, “The Economic Costs of Terrorism,” Joint Economic Committee, United States Congress, май 2002 г.

⁴ Alberto Abadie и Javier Gardeazabal, “The Economic Costs of Conflict: A Case-Control Study for the Basque Country,” National Bureau of Economic Research Working Paper No. W8478, сентябрь 2001 г., www.nber.org/papers/W8478.

в Австрии, Египте, Греции, Израиле, Италии, Кении и Турции.⁵ Кажется, что из-за терроризма также уменьшается приток прямых иностранных инвестиций.⁶ С угрозой терроризма стандартные деловые сделки и потребительская активность требуют больше времени, повышенной безопасности и, так как они влекут за собой повышенный риск, то зачастую и более высокую компенсацию. Таким образом, терроризм может вести к общему снижению темпа деловой активности. Банк Израиля провел оценку, согласно которой ВВП страны за 2002 год снизился в пределах 3 – 3,8 % в результате второй палестинской интифады, начавшейся ближе к концу 2000 года. Первоначально негативное воздействие, оказанное на туризм, экспорт в оккупированные территории и строительство, усилилось, когда в сознании людей существование террористических инцидентов стало восприниматься как долгосрочное снижение их доходов, что в результате привело к снижению потребительской активности. Таким образом, затронутым оказался более широкий спектр экономической деятельности.⁷

Экономические затраты на борьбу с терроризмом

Борьба с терроризмом требует ресурсов, поэтому терроризм приводит к огромным экономическим затратам. По мере роста угрозы терроризма, бизнес вынужден выделять большее количество ресурсов на безопасность. Террористы используют насилие для создания эффекта драматизма, и террористические акты кажутся жертвам беспорядочными. Таким образом, общество рассматривает терроризм как проблему страхового плана, примерный эквивалент «стихийного бедствия». Как таковые, существуют дополнительные затраты на развитие и введение соответствующих страховых продуктов. Кроме того, потеря времени из-за введения более строгих ограничений на поездки, дополнительная работа при прохождении товаров через таможню и возросшие трудности для рабочих, работающих за границей, - все это расходы, которые ложатся на бизнес и покупателей.

Эти дополнительные расходы похожи на взимание налогов на экономическую деятельность. Они требуют ресурсов, которые в результате не могут

⁵ Todd Sandler и Walter Enders, “An Economic Perspective on Transnational Terrorism,” *European Journal of Political Economy* (в печати), www-ref.usc.edu/~tsandler/complete-terror02.pdf; Arthur Andersen, Inc., “Tourism and Terrorism – The Road to Recovery in Egypt,” декабрь 2000 г., www.hotel-online.com/Trends/Andersen/2001_Egypt.html; William Wallis, “Terror Takes Toll on Kenya’s Tourism Industry,” *Financial Times*, 8 декабря 2003 г.

⁶ Walter Enders and Todd Sandler, “Terrorism and Foreign Direct Investment in Spain and Greece,” *Kyklos* 49:3 (1996): 331–52.

⁷ Банк Израиля, “The Economy: Development and Policies,” *Bank of Israel Annual Report – 2002*, июль 2003 г., www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch02/eng/dochoze.htm#topart1.

использоваться где-либо в другом месте. Те компании, которые предоставляют востребованные в данное время услуги, такие как охранные фирмы, могут наблюдать активизацию своей деятельности, но это происходит за счет других видов деятельности, которые, вероятно, являются более продуктивными. Денежные суммы, выделяемые на безопасность, напрямую связаны с проблемами, которые они предписаны решать: преступностью, терроризмом, войной и т.д. Решение или уменьшение негативного воздействия проблемы безопасности может восстановить *status quo ante*, но не принесет никаких текущих выгод в долгосрочной перспективе.

Наиболее заметными формами затрат на антитерроризм являются затраты, осуществляемые правительствами. В Соединенных Штатах в федеральном бюджете с 11 сентября была введена дополнительная функция защиты отечества. Хотя большинство видов деятельности, содержащихся в этой новой функции, уже выполнялось до террористических атак, были добавлены новые направления деятельности, а старым была придана новая актуальность. Бюджет нового Министерства защиты отечества резко вырос с 17,5 млрд. долларов в 2002 финансовом году (ФГ) до 31 млрд. – в 2003 ФГ. Конечно, расходы Министерства обороны, Министерства юстиции, Министерства финансов и других правительственных агентств, включая Центральное разведывательное управление (бюджет которого никогда не был достоянием общественности), также резко выросли в результате действий, предпринимаемых в войне против терроризма.

На правительственные расходы, конечно, оказывает воздействие спрос, особенно при дефиците финансирования. Данное воздействие нейтрализуется тем, что существует тенденция значительной внешней утечки издержек, связанных с безопасностью, как это проиллюстрировали продолжающиеся расходы на оккупацию и военные действия в Афганистане и Ираке. У всех издержек есть приоритетные затраты, в которых большее количество расходов в одной области предполагает меньшее количество расходов в другой. В целом, увеличившиеся расходы США на национальную оборону и безопасность отечества, в сочетании с программой администрации Буша по уменьшению налогов, снизили естественный прирост расходов в областях, которые потенциально вносят вклад в экономический рост и национальную безопасность. Например, в ряде федеральных правительственных гражданских программ в области здравоохранения и образования, которые являются важными элементами создания людского капитала, уже сократился рост финансирования и планируется снижение финансирования в будущем.⁸ Более того, налоговые снижения, планируемые администрацией, также создают эффект «пересыхающего ручейка» финансирования. Правитель-

⁸ Richard Kogan и David Kamin, "President's Budget Contains Larger Cuts in Domestic Discretionary Programs than has Been Reported," Center on Budget and Policy Priorities, 5 февраля 2004 г., на сайте www.cbpp.org/2-5-04bud.htm.

ства штатов в значительной мере используют ту же базу по налогам на доход и благосостояние, что и федеральное правительство, что ведет к нехватке дохода на уровне штата, так как федеральное правительство снижает налоговые ставки. Когда штаты не могут справиться с дефицитом, они вынуждены снижать расходы. Больше всех при этом теряют здравоохранение, образование и общественная безопасность, такие структуры, как полиция, пожарные службы и службы по чрезвычайным ситуациям – неоднократно достаиваемые похвал «первые службы реагирования», которые прекрасно выполнили свою работу 11 сентября.⁹ Сочетание роста расходов и снижения налоговых ставок привело к большому дефициту федерального бюджета, что повышает вероятность существенного движения процентных ставок вверх. По мнению некоторых экспертов, такие события могут привести к затратам для экономики в будущем, что касается известных возможностей роста, особенно в контексте потребности выделения ресурсов на пожилое население.¹⁰

Нельзя предполагать, что увеличение расходов равно или хотя бы приблизительно равняется увеличению эффективности работы с проблемами, связанными с безопасностью. Специфические издержки представляют сложную задачу в отношении того, насколько они эффективны в борьбе с терроризмом, или же их существование уменьшает возможность участия в других, более эффективных видах деятельности. Оборонный бюджет включает в себя несколько систем крупного оружия, куда входят, например, истребители-штурмовики Ф-22 с высокой точностью поражения с больших высот, которые изначально создавались для противодействия ожидаемым советским системам следующего поколения. С распадом Советского Союза данная угроза не воплотилась в жизнь и перестала быть актуальной, но все же система работает и требует 72 млрд. долларов будущих расходных обязательств, не учитывая вероятный рост стоимости в будущем. Действительно, оборонная программа Буша, рассматриваемая в комплексе, потребует значительных дальнейших увеличений федеральных затрат, если бу-

⁹ Nicholas Johnson и Rose Ribeiro, “Severe State Fiscal Crisis May be Worsening,” Center on Budget and Policy Priorities, 9 мая 2003 г., на сайте www.cbpp.org/5-9-03sfp2.htm. Снижение финансирования для первых реагирующих структур было также отмечено на федеральном уровне; Robert Block, “Police, Firefighters to Get Less,” *Wall Street Journal*, 3 февраля 2004 г.

¹⁰ См., напр, Martin Muhleisen and Christopher M. Towe, ред., *U.S. Fiscal Policies and Priorities for Long-Run Sustainability*, Occasional Paper No. 227 (Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2004 г.).

дуг выполнены текущие планы. С сокращением налогов и ростом расходов в других областях это классический рецепт краха бюджета.¹¹

В то же время ряд программ, напрямую направленных на контртеррористическую деятельность, испытывает трудности с обеспечением достаточного финансирования. Одной из них является Программа совместного снижения угрозы, известная больше под названием программы Нанна-Лугара и разработанная для выделения финансовых средств на цели безопасного и надежного демонтажа и ликвидации ядерных материалов в бывшем Советском Союзе. Администрация Буша первоначально хотела закрыть эту программу и выделяла финансовые средства на уровнях, ниже минимального порога эффективности действий. Еще один пример: США до сих пор не создали единой базы данных по людям, подозреваемым в террористической деятельности, вместо этого полагаясь на списки, получаемые от восьми различных агентств. Такая ситуация наблюдается вот уже более десятилетия после первой бомбардировки Всемирного торгового центра, когда эта проблема впервые привлекла международное внимание, и вот уже более двух лет после событий 11 сентября, вслед за которыми президент Буш не раз призывал правительство создать единый список, с которым можно было бы эффективно работать. Первого декабря 2003 года в структуре ФБР открылся межведомственный орган – Центр проверки террористов (ЦПТ), - цель которого состояла в консолидации данных, удалении устаревшей информации и разработке новых технологий для более качественного опознания подозреваемых террористов. Однако ЦПТ страдает от «недостатка выделяемых для этой цели бюджетных средств», и ему «никак не удается привлечь к сотрудничеству различные агентства для обмена информацией». Как выразился один критик, ЦПТ – «пустая коробка».¹²

Возможно, наиболее показательный пример – это война в Ираке, которая оправдывалась непрекращающимися иракскими программами по оружию массового поражения (ОМП) в нарушение санкций Организации Объединенных Наций, связями Ирака с главными террористическими группами и возможностью того, что в будущем Ирак мог бы снабжать террористов ОМП и таким образом угрожать Соединенным Штатам, американскому народу и жизненным интересам

¹¹ См. Steven Kosiak, “Cost Growth in Defense Plans,” Center for Strategic and Budgetary Assessments, 26 августа 2003 г., на сайте www.csbaonline.org; и David Gold, “The Coming Bush Defense Budget Train Wreck in Historical Perspective.” Статья была представлена на заседании исследовательской группы по экономике безопасности в мире после событий 11 сентября Университета Нью Скул, 14 ноября 2003 г., на сайте www.worldpolicy.org/projects/110503SG.html.

¹² Robert Block, Gary Fields и Jo Wrighton, “U.S. ‘Terror’ List Still Lacking,” *Wall Street Journal*, 2 января 2004 г.

США.¹³ Доминирующая теория, стоявшая за этими оправдывающими обстоятельствами, заключалась в том, что международные террористические группы могут существовать только при поддержке государства, и, если такую поддержку ликвидировать или действительно поставить под угрозу ее существование, террористические группы будут гораздо менее эффективными. Такие оправдывающие обстоятельства широко обсуждались до начала войны. Вслед за войной, однако, в ситуации отсутствия у Ирака какого-либо ОМП и недостатка серьезных доказательств связей режима Хуссейна с международными террористическими организациями, стало все труднее сохранять аргументацию, что внушительные суммы, которые были потрачены в Ираке, эффективны в борьбе с терроризмом.

Еще более недавний пример: появились доказательства в отношении пакистанской программы по ядерному оружию, указывающие на то, что пакистанские ученые, возможно, с помощью военного и разведывательного персонала из правительства, переправили технологии изготовления ядерного оружия в Иран, Ливию и Северную Корею - страны, которые Соединенные Штаты связывали в прошлом с террористическими группами.¹⁴ В то же самое время «Аль-Каида» и подразделения «Талибана» продолжают активно действовать в Западном Пакистане и Афганистане, значительно усложняя восстановление и политическое преобразование в Афганистане.¹⁵ Пакистан считается союзником в борьбе против терроризма и получает со стороны США финансовую и политическую поддержку. Потребность сохранять оккупационные и боевые силы как в Афганистане, так и в Ираке связывает действиями около половины сухопутных сил США, считая тех, кто необходим для ротации и материально-технического обеспечения. Другой дополнительный эффект состоит в том, что произвести набор новых сил становится все труднее. Эти условия снижают общую способность

¹³ Заместитель министра обороны Пол Волфовитц представил этот набор оправдывающих обстоятельств в интервью журналу «Вэнизи Фэйр», опубликованном 9 мая 2003 г. Стенограмма телефонного интервью находится на веб-сайте Министерства обороны, www.defenselink.mil/transcripts/2003/tr20030509-depsecdef0223.html. Что интересно, Волфовитц поднимает и явно отвергает тему наиболее часто озвучиваемого оправдывающего обстоятельства *ex poste* о том, что «преступное обращение» режима Хуссейна «с иракским народом» ... является причиной для оказания помощи иракскому народу, но ... не может быть основанием для того, чтобы подвергать риску жизни американских людей и уж, разумеется, не в том масштабе, в котором это происходило...».

¹⁴ David E. Sanger и William J. Broad, "From Rogue Nuclear Programs, Web of Trails Leads to Pakistan," *New York Times*, 4 января 2004 г.; Mark Landler and David E. Sanger, "Pakistan Chief Says it Appears Scientist Sold Nuclear Data," *New York Times*, 24 января 2004 г.

¹⁵ См., например, Andrew Higgins, "U.S. Ambitions Run into Reality on an Afghan Road," *Wall Street Journal*, 6 февраля 2004 г.

США использовать силы безопасности в контртеррористических действиях.¹⁶

Экономические источники терроризма

После событий 11 сентября реакцией многих людей было приписать волну неистового терроризма недостаткам процесса развития, в частности, существованию бедности во многих развивающихся странах – особенно, контрасту между богатством единиц и бедностью остальных людей – и отсутствию эффективной системы образования, рассматриваемого повсеместно как источник экономического развития и общий элемент «цивилизованности». Алан Крюгер и Йитка Малечкова проанализировали имеющиеся данные, отражающие связь между бедностью и образованием, с одной стороны, и проявлению террористической деятельности, с другой, и обнаружили «лишь небольшую связь между бедностью или образованием и участием в терроризме».¹⁷ Они проанализировали данные по уровням образования и дохода тех, кто участвует в деятельности террористических организаций, а также опросы общественного мнения об отношении к терроризму и данные по уровням дохода и бедности среди народонаселения в районах, откуда исходит терроризм. Представляется, что терроризм не связан с экономическими лишениями. Действительно, Крюгер и Малечкова приводят данные о том, что у тех, кто является членом террористических организаций и участвует в террористической деятельности, образование и статус доходов оказались выше, чем у остальной части населения, живущего в том же регионе. Основываясь на оценке полученных данных, Крюгер и Малечкова приходят к заключению, что отсутствие гражданских свобод, а не экономические лишения, и качество и содержание образования, а не его уровень, представляются более важными детерминантами террористической деятельности.

Данные, приводимые Крюгером и Малечковой, а также в работе Клода Берреби, ученика Крюгера, охватывают широкий спектр вопросов, но их интерпретация, возможно, слишком узка. Например, и Эли Берман, и Джессика Стерн (последняя основывалась на лично проведенных интервью) указывают на тот факт, что действительные террористы отбираются из большого количества волонтеров, которые по большей части происходят из беднейших слоев общества.

¹⁶ В исследовании, проведенном Военным колледжем СВ США, как раз говорится об этом; см. Jeffrey Record, “Bounding the Global War on Terrorism,” Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, Carlisle, PA, декабрь 2003 г., на сайте www.carlisle.army.mil/ssi/pubs/2003/bounding/bounding.htm.

¹⁷ Alan V. Krueger и Jitka Maleckova, “Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection?” *Journal of Economic Perspectives* 17:4 (осень 2003 г.): 141. См. также Alan V. Krueger и Jitka Maleckova, “Does Poverty Cause Terrorism?” *The New Republic*, 24 июня 2002 г.; и Claude Berrebi, “Evidence About the Link Between Education, Poverty and Terrorism Among Palestinians,” Princeton University Industrial Relations Section Working Paper #477, сентябрь 2003 г., на сайте www.princeton.edu/~cberebi/edu-pov-terror.pdf.

Этот момент разделяют Крюгер и Малечкова, но, по-видимому, он вытесняется у них дополнительными данными. Стерн цитирует слова одного разочарованного джихадиста:

«Большинство людей, которые приходят в эти группы, - представители беднейших классов. Восемьдесят пять процентов живут за чертой бедности, двенадцать процентов – представители среднего класса, и около трех процентов – богатые люди».¹⁸

Людьми, отбираемыми для миссий, вероятнее всего, будут те, кто считается наиболее приверженным идее, но также наиболее способным справляться со сложностями и трудностями, которые могут возникнуть, и поэтому у них образование и технические навыки лучше, чем у большинства членов групп. Как указывает Берман, «трудно ожидать, что «Аль-Каида» пошлет кого-либо из тысяч своих полуграмотных наемников в Афганистане в летные школы во Флориде, если можно найти недовольных студентов, обучающихся в Европе».¹⁹

Кроме того, исследования, проведенные в отношении террористических групп и других групп, применяющих насилие, предлагают ряд подходов, где экономические соображения могут играть важную роль. Экономика касается не только того, являются ли определенные экономические переменные источниками изучаемых результатов. Главным образом, она касается того, каким образом взаимоотношения между стимулами и ограничениями формируют поведение и цели. В этом отношении могут быть полезны две объектные группы исследования.

Одна касается уголовных банд и повстанческих групп в гражданских войнах, где наблюдаются похожие модели. В одном своем примере Левитт и Венкатеш описывают организацию банды торговцев наркотиками, действовавшей в микрорайоне одного города.²⁰ Большинство таких банд структурировано как общественные организации, для того чтобы люди, по большей части молодые, обрели чувство принадлежности сообществу и осознали собственную идентичность в окружающей обстановке, которую они воспринимают все более обезличенной и

¹⁸ Stern, *Terror in the Name of God*, 214.

¹⁹ Eli Berman, "Hamas, Taliban and the Jewish Underground: An Economist's View of Radical Religious Militias," National Bureau of Economic Research Working Paper No. w10004, сентябрь 2003 г., 3, на сайте www.nber.org/papers/w10004.

²⁰ Steven D. Levitt и Sudhir Alladi Venkatesh, "An Economic Analysis of a Drug-Selling Gang's Finances," *Quarterly Journal of Economics* 115:3 (август 2000 г.): 755–89. Название и местонахождение бандформирования остаются неизвестными, но в аналогичной статье о подобной банде дается название банды и говорится о том, что она располагается в Чикаго. См. Sudhir Alladi Venkatesh и Steven D. Levitt, "Are We a Family or a Business? History and Disjuncture in the Urban American Street Gang," *Theory and Society* 29:4 (август 2000 г.): 427–62, www.sociology.columbia.edu/people/professors/sv185/miscellaneous/family_or_business.html.

враждебной. С появлением в 1980-х годах кокаинового крэка – продукта, характеризующегося низкой стоимостью, высокими наценками, легкостью в употреблении, – многие банды перешли на торговлю наркотиками. Банда, деятельность которой исследовали Левитт и Венкатеш, держала у себя детальную подборку бухгалтерских документов как инструмента управления. Изучение этого материала выявило то, что банда в чем-то была организована по типу франшизы в национальных и международных организациях розничной торговли. Какими бы мотивами ни руководствовались первоначально люди при вступлении в эту банду, в основе лежала экономическая доминанта. В отличие от (большинства) франшиз в легальном мире, банда несла существенные затраты, связанные с применением силы, такие как наем подрядчиков («мускулов»), закупка оружия и организация похорон. Соревнование за рынки в этом мире часто предполагает насилие.

Исследования в отношении организаций, участвующих в гражданских войнах, приводят к аналогичным результатам. Переходной зоной в анализе терроризма является то, что терроризм часто накладывается на гражданскую войну. Некоторые группы, которые используют терроризм, такие как ИРА в Ирландии и Великобритания, «Хамас» в Израиле и другие, считают себя борцами с оккупационными властями. Подобным же образом, в гражданских войнах, хотя основными целями нападения являются оппозиционные армии, террор против гражданского населения используется как тактика. Группы присоединяются к восстанию или провоцируют его по ряду причин, но все большее количество исследований указывает на то, что все чаще эти группы продолжают свою деятельность из-за экономической выгоды. Пол Коллье и его коллеги из Мирового банка пришли к заключению, что восстание, независимо от своих истоков, имеет тенденцию к сохранению, когда оно сопровождается низким уровнем экономического развития, когда природные ресурсы могут стать легкой добычей, а правительство не может защитить эти ресурсы, возможно, вследствие неблагоприятного географического положения.²¹ Таким образом, несостоятельность государства и перспективы экономической выгоды, а не политические или идеологические поводы для недовольства являются ключевыми элементами в продолжении существования восстаний. Дэвид Кин описывает гражданскую войну как продолжение экономики другими средствами, акцентируя внимание на неспособности государства создать и поддерживать институциональные рамки для нормальной экономической деятельности как распространенной причине восстания.²² В этом анализе ключевую роль играет слабое развитие, при этом оно приводит к

²¹ Paul Collie и др., *Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy* (Washington, D.C.: World Bank, 2003); Paul Collier and Anke Hoeffler, “On Economic Causes of Civil War,” *Oxford Economic Papers* 50 (1998 г.): 563–73.

²² David Keen, *The Economic Functions of Violence in Civil Wars*, Adelphi Paper No. 320 (Oxford: Oxford University Press for the International Institute of Strategic Studies, 1998 г.).

появлению большого количества людей с минимальными альтернативами – по существу, с нулевыми возможностями расходов, – и эти люди становятся естественными новобранцами в какую-либо повстанческую группу. Примером таких перемещений служит карьера Жонаша Савимби из Анголы, который начал свою деятельность как харизматический лидер восстания, целью которого было свержение португальского колониального правления. Затем Савимби перешел на правые позиции, одновременно получая поддержку США против просоветского правительства, и далее, после окончания «холодной войны», он совершил ряд военных нападений на правительство с целью кражи бриллиантов. К моменту своей смерти в 2002 году Савимби был необычайно богатым человеком.

Второй объектной группой исследования являются сами террористические группы. Как представляется, многие из этих групп развиваются в направлении, схожем с тем, что мы наблюдаем в бандах и повстанческих движениях. Например, Стерн описывает некоторых конкретных участников, которые разочаровались в своих организациях.²³ Один из таких участников

получает приличную зарплату, больше той, которую он мог бы получать, работая в общественном секторе ... Но он видит, как его начальники богатеют на джихаде, и поэтому чувствует себя отвратительно. У них грязные офисы, им дают плохую еду, только чтобы показать, что у них нет денег. А начальники живут в больших особняках... Организации джихада получают много пожертвований, и большинство этих денег идет в конечном счете руководителям.

Стерн приводит высказывания еще одного разочаровавшегося члена организации джихада:

«Поначалу я думал, что [начальники] служат религиозным идеям, но сейчас я чувствую, что это их бизнес. Они ... поставщики людей. Они используют бедных и неграмотных мальчиков в своих личных целях и называют это джихадом... Действительным способом добывания денег является контрабанда товаров через Афганистан, Иран и Индию. Это включает торговлю наркотиками, в некоторых случаях в Индии ... Моджахеды привозят с собой много контрабандных товаров, таких как косметика ... электротовары из Афганистана и Пакистана, чтобы получить деньги».

А вот высказывания третьего человека:

«Сначала у меня было мнение, что они совершают джихад, но сейчас я считаю, что это бизнес, что люди таким способом зарабатывают себе деньги... Я думал, что [руководители] были настоящими мусульманами, но сейчас я думаю, что все они мошенники, они продают ислам как какой-то продукт... Сначала я был там ради джихада, сейчас я там по финансовым причинам».

²³ Stern, *Terror in the Name of God*, 213–17.

Как указывает Стерн, как и в любой профессии, существуют неденежные выгоды:

«Важны не только деньги: решающее значение имеют эмоциональное удовлетворение и статус. Действующие участники говорят об эмоциональном удовлетворении, получаемом от своей работы, и о статусе, который они приобретают в своей общине. «Ты приобретаешь вес благодаря своей работе. Успешные операции приносят бойцу известность и расположение товарищей...».

И Берман, и Стерн изучали группы, которые добились успеха, благодаря тому, что оказывали услуги населению, среди которого они проживают. «Хамас», например, стал успешным агентством социального обеспечения, а «Талибан» сначала снискал известность, предлагая реальную безопасность на торговых маршрутах между Афганистаном и Пакистаном после ухода Советского Союза, в то время как базирующиеся в Пакистане джихадские группы организовали целые сообщества. Эти террористические группы стали предоставлять местные общественные товары, в сущности, заполняя бреши, образовавшиеся из-за бездействия правительств и международных организаций. Частные группы, которые поставляют общественные товары, известные под названием «клубных» товаров, создают механизмы, которые позволяют контролировать доступ к поставляемым товарам и услугам. С точки зрения Бермана и тех исследователей, которые работают по данной проблематике, потребность в контроле над доступом объясняет тщательно разработанные процессы отбора и обращение к насилию со стороны террористических групп, даже когда это поведение, как кажется, не приводит их вплотную к указанным ими целям. Террористические группы вместо этого являются механизмами связывания членов в группы, и людям уже трудно покинуть группы, таким образом, предоставляя решение проблемы «вольных наездников», присущей всей продукции общественных товаров. Когда правительства осуществляют поставку общественных товаров, их деятельность финансируется через налогообложение. Частные поставщики общественных товаров добывают деньги из внешних источников через благотворительность, призывы к диаспоре или от различных правительственных или международных организаций.

Террористические группы, криминальные организации и люди, участвующие в гражданских войнах, какими бы первоначальными мотивами они ни руководствовались, все более вовлекаются либо в бизнес по получению денег, либо в предоставление социальных и экономических услуг, которые правительства не могут или не хотят предоставлять. Исследователи называют этот феномен «смещением повестки дня». Организации, которые первоначально, возможно, имели политическую цель, переходят к деятельности по накоплению богатств в нелегальной экономике – доставая и продавая наркотики, алмазы, минералы, лес, оружие и т.д. Первоначальное логическое обоснование перехода на нелегальную деятельность обычно состоит в том, чтобы раздобыть денег на продолжение по-

литической деятельности. И «Талибан», и «Аль-Каида», например, несмотря на строгие религиозные запреты на торговлю наркотиками, занимаются выращиванием и торговлей опия, что является важным источником получения доходов.²⁴ Многие исследователи, однако, полагают, что накопление богатства становится доминирующей задачей, в то время как политическая деятельность все более является оправдывающим обстоятельством, а не целью. Кроме того, ссылка на политические мотивы позволяет группам участвовать в различных формах добычи денег, в том числе путем их получения от частных благотворительных учреждений и частных лиц в Европе и Северной Америке. Добывание денег из внешних источников важно, так оно позволяет организациям уделять все больше времени политической деятельности и деятельности военного характера, которыми эффективно движет цель сохранения целостности групп.

Экономические курсы по борьбе с терроризмом

Терроризм является сложным явлением, и борьба с ним требует разнообразия разработок, включая безопасность (военную и полицейских сил), политику и дипломатию, экономическую и социальную политику и т.д. Все же часто подчеркивается именно аспект безопасности. Когда происходит террористический акт, реакция правительств обычно состоит в том, чтобы сначала осуществить тем или иным образом возмездие, а затем сформулировать ряд дополнительных мер, разработанных для наказания преступников и ослабления их позиций. Такая формула наказания/устрашения имеет ряд преимуществ. Она создает чувство немедленного удовлетворения, так как за шок, испытываемым от нападения, быстро следует удовлетворение от наложения наказания на тех, кто в ответе за совершенное нападение. У правительства это вызывает чувство легитимности, что «что-то» было сделано для того, чтобы удовлетворить желание граждан ощутить наглядную реакцию.

Реагирование на акт терроризма после его совершения также может зависеть от сравнительных затрат. Основной альтернативой модели наказания/устрашения является модель предупреждения, в которой обращаются к коренным причинам терроризма для ограничения или даже, возможно, недопущения его роста. Но так как количество действительных террористических случаев намного меньше количества потенциальных террористических случаев, решения о распределении ресурсов принимаются легче, когда агентства по безопасности акцентируют внимание на реагировании. Подобная проблема наблюдается и в местных полицейских службах, когда полицейские агентства не имеют ресурсов для выделения

²⁴ Douglas Farah, "Al Qaeda Gold Moved to Sudan," *Washington Post*, 3 сентября 2002 г.; Owais Tohid, "Bumper Year for Afghan Poppies," *Christian Science Monitor*, 24 июля 2003 г.; Bronwyn Curran, "Afghan Opium Trade Widens, Taliban and al-Qaeda Linked to Drugs Money," *Agence-France-Presse*, 30 октября 2003 г.

личного состава для защиты возможных мишеней преступников. Вместо этого полицейские агентства стремятся патрулировать или наблюдать те места, которые рассматриваются наиболее вероятными для совершения преступлений, или места, где последствия преступлений могут быть самыми серьезными, с точки зрения стоимости собственности или возможных человеческих потерь, и выделяют значительные ресурсы на обнаружение и задержание преступников сразу же после совершения преступлений.

Это, однако, другая сторона вопроса сравнения стратегий и их относительных преимуществ. Реагирование такого рода на случаи терроризма, возможно, психологически и политически является удовлетворяющим, но не ясно, является ли оно эффективным. Конечно, может оказаться трудным оценить успех, поскольку трудно измерить количество и размер террористических операций, которые *не были* осуществлены благодаря эффективной системе сдерживания. Приведем один пример, когда возмездие, возможно, имело минимальное воздействие. Это случилось, когда после бомбежки дискотеки в Берлине в 1986 году США совершили нападения на целевые объекты в Ливии. В последующие месяцы активность террористических нападений на американские и британские цели сначала возросла, затем уменьшилась, а затем возобновилась по прежнему образцу. Создается впечатление, что возмездие со стороны США побудило террористов передвинуть запланированные операции вперед по времени как реакцию на действия США, но не уменьшило общее количество случаев терроризма.²⁵

Существует ряд экономических принципов, которые представляются полезными при формулировании стратегий борьбы с терроризмом. Один из них – это принцип замещения.²⁶ Как проиллюстрировал вышеупомянутый пример с Ливией, террористические группы ведут себя, как будто они стеснены в затратах и, следовательно, избирают тактику, которая, по их мнению, является экономически эффективной. Если относительные затраты на то или иное средство возрастают, то террористы готовы и могут перейти на другую тактику или переместиться на другие направления и в другие временные периоды. В сегодняшнем контексте США тратят значительные ресурсы на повышение безопасности авиаперевозок после событий 11 сентября, но являются более медлительными и выделяют намного меньше ресурсов на улучшение безопасности морских перевозок. На начало 2003 года только четыре процента контейнеров, прибывающих в американские порты, подлежали инспектированию, а развитие и применение инспекционных технологий заметно запаздывает. Такая картина наблюдается,

²⁵ Walter Enders и Todd Sandler, “The Effectiveness of Anti-Terrorism Policies: Vector Autoregression-Intervention Analysis,” *American Political Science Review* 87:4 (1993): 829–44. Похожая модель наблюдалась в отношении возмездия Израиля в ответ на нападения палестинцев.

²⁶ См., напр., Sandler и Enders, “Effectiveness of Anti-Terrorism Policies,” и Jurgen Brauer, “On the Economics of Terrorism,” 12 марта 2002 г., на сайте www.aug.edu/%7Esbajmb/.

несмотря на тот факт, что эксперты по терроризму определили прибывающие морские грузы как наиболее вероятное средство, которое будет использоваться той или иной террористической группой для ввоза в США ОМП, - возможность, которая становится еще более вероятной после усиления безопасности в аэропортах. Синди Вильямс, специалист по оборонному бюджету, работавший ранее в Управлении Конгресса США по бюджету, произвел оценку, в соответствии с которой выделение Министерством обороны 5 млрд. долларов позволило бы США увеличить инспекцию контейнеров в десять раз.²⁷

Эти примеры недофинансирования контртеррористической деятельности выдвигают важность другого экономического принципа приоритетных затрат. Хотя правительства зачастую рассматривают свои ресурсы как безгранично расширяемые, реальность состоит в том, что существенные увеличения в одном наборе программ часто сопровождаются возросшими трудностями в финансировании других программ. В области безопасности массированные увеличения наступательных военных операций и программ начиная с 11 сентября не сопровождаются эквивалентным ростом программ, которые являются прежде всего оборонными по своей ориентации, а также таких программ, которые можно было бы классифицировать в качестве превентивных. В некоторых случаях сотрудники администрации по бюджету направляют свои действия на ограничение роста оборонительных программ, мотивируя это тем, что бюджетные ресурсы сильно ограничены. Слишком часто программы получают одобрение без проведения сравнительных оценок, и доминируют программы, имеющие самую сильную политическую, институциональную и региональную поддержку. В результате, в очень многих областях происходит ослабление, а не укрепление позиций США в сфере безопасности.

Третьим важным принципом является признание роли стимулов. Показательным примером неспособности признания стимулов является одна из основных программ США, принятая после «холодной войны» для работы с потенциальной проблемой обеспечения безопасности расщепляющихся материалов. В бывшем Советском Союзе (БСС) были приняты обязательства по демонтажу большого количества ядерных боеголовок, и США согласились заплатить БСС за высокообогащенный уран (ВОУ), который был бы извлечен из боеголовок, чтобы БСС «перешел на смесь с меньшим содержанием» ВОУ, используя добываемую урановую руду для создания низкообогащенного урана (НОУ), который подходил

²⁷ Cindy Williams, "Paying for the War on Terrorism: U.S. Security Choices since 9/11," Статья была представлена на заседании группы специалистов ECAAR на ежегодной встрече Союзнической ассоциации общественных наук 5 января 2004 г., на сайте www.esaar.org/Articles/AEA2004.htm. «Аль-Каида», разумеется, использовала морскую тактику в прошлом, как, например, бомбардировку корабля ВМС США «Коул» в Йемене.

бы в качестве ядерного топлива, но не был бы более пригоден для создания ядерного оружия. Тогда США использовали бы НОУ для ядерного топлива.

Администрация Буша-старшего обсудила это соглашение и создала полугосударственную Обоганительную корпорацию США в качестве агента правительства США по закупке и перепродаже российского НОУ. Но администрация Буша-старшего решила провести приватизацию Обоганительной корпорации США, и это обязательство было выполнено администрацией Клинтона, несмотря на явные возражения со стороны ее главного экономиста Джозефа Стиглицца. Проблема состояла в том, что приватизированная фирма, переименованная в ЮСЕК, руководствовалась неверными стимулами. Будучи частной фирмой, эта компания прежде всего думала о своих акционерах, перед которыми она несла ответственность, а не о целях национальной безопасности правительства США. И, следуя выполнению своей личной цели получения прибыли, ЮСЕК искала источники урана по низким ценам; не было никакой гарантии, что она закупит весь НОУ, который у русских имелся для продажи после снижения уровня смеси ВОУ. Альтернативно, целью национальной безопасности было бы изъять этот материал с плохо охраняемых русских хранилищ, не допустить его утечки на черный рынок и предоставить России стимулы для демонтажа максимального количества ядерных боеголовок. Выполнение этой цели могло бы потребовать от США закупать весь ВОУ, который могли бы предоставить русские, несмотря на его стоимость.

Вопрос ЮСЕК является примером, когда стимулы, подходящие для национальной безопасности, могут быть несовместимы со стимулами, подходящими для эффективности частной компании.²⁸

Эта проблема также высвечивает другой важный экономический принцип, состоящий в обеспечении общественными товарами. Чисто общественные товары не могут поставяться частными рынками, даже если имеется спрос на этот товар, так как не существует никаких способов взимания платы за его использование и никаких способов распределения этого товара среди пользователей. Национальная оборона – классический пример общественного товара, который финансируется посредством общественных доходов – т.е. налогообложением и заимствованиями, – так как невозможно исключить «вольных наездников» из пользования предоставляемыми услугами. Использование бюджетных ресурсов для закупки всего имеющегося в наличии ВОУ для поставок со стороны БСС, как представляется, подходит под определение общественного товара. Кроме этого,

²⁸ См., напр., Joseph Stiglitz, *Globalization and its Discontents* (New York: W.W. Norton & Company, 2002 г.) 176–78; Matthew Weinstock, “Meltdown,” *Government Executive* (февраль 2001 г.): 31–37, на сайте www.govexec.com/features/0201/0201s2.htm; Richard Falkenrath, “Uranium Blues: Economic Interest vs. National Security,” *Milken Institute Review* (четвертый квартал 2000 г.): 34–48, на сайте www.milkeninstitute.org/publications/review/2000_12/34-48mr8.pdf.

как полагают Берман и другие исследователи, одним из источников силы террористических групп является их способность поставлять местные общественные товары и усиливать членство в клубе, который использует поставляемые товары. Для правительств альтернативой является производство и справедливое распределение этих общественных товаров всем членам сообщества без наложения обременительных ограничений на тех, кто может участвовать в этом процессе. Рассматриваемые общественные товары охватывают целый спектр вопросов – экономических, социальных, политических, безопасности – и могут пройти долгий путь, прежде чем закрыть брешь, созданную бездействием прежних правительств.

Как уже обсуждалось выше, существует некоторый спорный момент в отношении роли бедности и неспособности развития в подпитке терроризма. Не все общества, пораженные бедностью, питают террористов, и не все террористы бедны и страдают от отсутствия общественных товаров, недостатка личных возможностей или отсутствия общественных свобод. Действительно, терроризм может более напоминать преступность, которая никогда не была полностью выкорчевана даже в богатых обществах, чем он напоминает войну, в которой успешная борьба уменьшит, но не ликвидирует терроризм, хотя успешная война, вероятно, может ликвидировать противника. Примеры, приведенные выше, имеют своей целью предположить, что применение экономических принципов может расширить спектр доступных инструментов для использования в этой особой борьбе.

Заключение

Признание того, что террористы, действующие как индивидуально, так и в составе групп, являются экономическими субъектами, может приблизить нас к пониманию явления терроризма и формулированию линии борьбы с терроризмом и его минимизации. Рассмотрение терроризма в качестве продукта экономических трудностей является неполным объяснением этого явления, точно так же, как и рассмотрение преступности как результата бедности является неудовлетворительным. Все же общества, в которых индивидуальные возможности и совокупные перспективы роста ограничены, с большей вероятностью переместят индивидуальную линию поведения к тому, что в лучшем случае, прямо противоположно общепринятому росту и развитию, а в худшем – склонны к насилию. Исходя из данного анализа, предлагаются необходимые замечания для ведущих политиков:

- Во-первых, обеспечение безопасности является существенным, но при ограниченных ресурсах большее внимание должно уделяться эффективности определенных курсов в отношении цели уменьшения терроризма;

- Во-вторых, должны быть тщательно оценены приоритетные затраты в политике безопасности. Это трудно, так как политика безопасности формулируется в сильно обремененном политическом контексте и поддерживается интересами властных структур. Но затраты при неправильной линии поведения могут быть очень большими;
- В-третьих, сфера деятельности должна быть адресована как к дефицитам в ресурсах, так и к дефицитам в управлении. Таким образом, помощь и безопасность должны предоставляться едино; это тот урок, который, можно надеяться, был пройден в Афганистане;
- И, наконец, разрабатываемая линия поведения должна оценивать побудительные структуры и работать с ними; мы не должны предполагать, что все террористы действуют иррационально, что ими движет простая ненависть. Расширение спектра реально существующих альтернатив, включая действенное участие и подтверждение того, что социальные, политические, экономические условия и условия в сфере безопасности улучшаются – и будут продолжать улучшаться, – может и не нейтрализовать все импульсы террористов, но с большой долей вероятности уменьшит их привлекательность.

Трансатлантическое сотрудничество функционирует, по крайней мере, в борьбе с терроризмом

Филипп Коессенс *

Хотя в последнее время много говорится о разногласиях, существующих между Соединенными Штатами и Европейским Союзом по целому спектру вопросов глобального характера, сотрудничество по контртеррористической деятельности по обе стороны Атлантики является относительно успешным. Это, несомненно, та область, в которой у Европейского Союза и Соединенных Штатов одни и те же общие цели.

Ясно, что терроризм и связанные с ним проблемы, такие как наркоторговля, отмывание денег, нелегальная иммиграция и организованная преступность, являются вопросами глобального характера. Поэтому антитеррористические усилия Европейского Союза, можно сказать, имеют положительное воздействие на мир в целом и на Соединенные Штаты – в частности. Это распространяется не только на внутренние достижения Союза, но также и на его усилия по укреплению сотрудничества с другими странами и на его участие в многосторонних форумах, таких как Организация Объединенных Наций, «Большая восьмерка» лидирующих промышленных стран.

Европейский Союз приступил к работе по новой антитеррористической инициативе сразу же после террористических атак 11 сентября 2001 года, буквально недель позже созвав специальное заседание Европейского Совета, и представил всеобъемлющий план действий по поддержке Соединенных Штатов перед лицом террористических атак. Этот план содержал ряд действий, направленных на укрепление полицейского и судебного сотрудничества, разработку международных правовых инструментов, активизацию усилий по перекрытию источников финансирования террористов в мировом масштабе (путем немедленного замораживания средств значительного количества террористических организаций), повышение безопасности в воздухе и внесение вклада в систематическую оценку отношений с третьими странами в свете их позиций по терроризму.

Начиная с того времени, Европейский Союз и Соединенные Штаты заключили ряд важных двусторонних соглашений по полицейскому и судебному сотрудничеству (особенно, соглашения между Европолом и Соединенными Штатами,

* Филипп Коессенс является главой секции политических, научных, внутренних дел и правосудия в Делегации Европейской комиссии в Вашингтоне. С 1998 по 2003 г.г. он возглавлял отделение европейских корреспондентов в Главном директорате внешних сношений. До перехода на работу в Европейскую комиссию был сотрудником Бельгийского министерства иностранных дел. Впервые данная статья была опубликована в осеннем (2003 г.) номере журнала «Юропиен Эффейрз», выпускаемого Европейским институтом.

усиливающие потенциал правоохранительных органов в обмене данными), а также по совместной юридической помощи и экстрадиции. Все это, при условии работы в полную силу, сделает более легкой процедуру привлечения к суду террористов и других злостных уголовников в юрисдикциях, где их разыскивают.

Внутри Европейского Союза акцент делается на судебном сотрудничестве между государствами-членами, а также на более тесном сотрудничестве между службами полиции и разведки, пограничным контролем и средствами противодействия финансированию терроризма. Главными достижениями в этих областях стали соглашение о едином европейском ордере на арест и рамочное решение ЕС о борьбе с терроризмом, которое включает следующее: определение террористических операций; более скоординированную шкалу наказаний; составленный ЕС общий список мировых террористических организаций и общее признание ордеров на замораживание собственности террористов или обеспечение безопасности для свидетельствующих против них. Также прорабатываются планы о более надежной защите от подделки виз и проездных документов.

Ни одно из этих соглашений не было легко достигнуто. Однако сейчас они уже имеют действительный оперативный результат, улучшая правовые рамки для борьбы с преступностью и терроризмом по всему пространству Европейского Союза. Сочетание этих новых инструментов, действенным образом лишает «спокойной жизни» тех, кто финансирует, планирует или совершает акты терроризма. Кроме того, Европейский Союз одобрил пересмотренные рекомендации со стороны Оперативных сил по финансовым действиям, направленные на воспрепятствование потокам финансовых средств террористам и на дальнейшую борьбу с отмыванием денег.

Союз также разрабатывает многоаспектный и более скоординированный подход, направленный на объединение борьбы против терроризма во всех аспектах своей внешней политики. Например, он проводит анализ угроз, исходящих со стороны различных стран и регионов (Центральной и Латинской Америки, Южной и Юго-Восточной Азии), что ведет к выработке конкретных политических рекомендаций.

В соответствии с этими рекомендациями Европейский Союз запускает пилотные проекты для оказания помощи трем приоритетным странам (Индонезии, Пакистану и Филиппинам) в сдерживании финансирования террористов, усилении правопорядка и развитии более эффективной судебной системы. Такие страны и такие действия были определены на совещании с Комитетом ООН по противодействию терроризму в целях оказания помощи их правительствам в выполнении Резолюции 1373 Совета безопасности ООН от сентября 2001 года, в которой призывалось перейти к принятию широкомасштабных мер по борьбе с терроризмом.

Вторым важным шагом является введение Европейским Союзом в свои торговые соглашения и соглашения о сотрудничестве статей, направленных против

преступности и терроризма. Такие статьи требуют от сторон обмениваться информацией в отношении террористических групп и организаций, поддерживающих такие группы, с целью предотвращения актов терроризма или наказания террористов. Такие положения постепенно включаются в соглашения с Чили, Алжиром, Египтом и Ливаном, в настоящее время они фигурируют в трудных переговорах с Сирией, Ираном и с Советом по сотрудничеству в Персидском Заливе.

«Большая восьмерка», в которую входят четыре государства-члена ЕС (Великобритания, Франция, Германия и Италия), вместе с представителями учреждений ЕС, также активно работает над выполнением Резолюции 1373 Совета Безопасности ООН. «Большая восьмерка» незамедлительно осознала потребность в оказании технической поддержки другим странам, чтобы помочь им создать необходимый потенциал для выполнения их обязательств в соответствии с данной резолюцией.

На своей последней встрече в верхах в июне 2003 года в Эвиане, «Большая восьмерка» приняла план действий, который также концентрирует свое внимание на программах широкомасштабных действий и построении потенциала. Основное внимание в плане уделяется борьбе с терроризмом в определенных регионах, таких как Юго-Восточная и Центральная Азия, и в определенных специфических областях, таких как укрепление пограничной безопасности и оснащение институтов техническими возможностями для перехвата потоков отмываемых денег и финансирования террористических организаций.

В более общем плане политический диалог между США и ЕС углубляется по всему спектру проблемы терроризма. В настоящее время сотрудники судебных органов, органов внутренних дел и борьбы с терроризмом проводят регулярные встречи друг с другом; после событий 11 сентября их сотрудничество стало значительно более тесным. По обе стороны Атлантики также ведется активная работа по мерам противодействия распространению оружия массового поражения и его приобретению со стороны террористических групп, а также по мерам выработки линии поведения с так называемыми государствами-изгоями.

В июне в Тессалониках Европейский Союз также принял важный политический документ, в котором излагаются руководящие принципы и конкретный план дальнейших контртеррористических действий. В этом плане курс действий в будущем выработан таким образом, чтобы не был потерян импульс борьбы с террором.

Все эти усилия по улучшению трансатлантического сотрудничества в борьбе против терроризма должны оцениваться на данный момент как положительные. После 11 сентября сотрудничество стало значительно более тесным. Разведка работает в беспрецедентном масштабе по всей Атлантике, был ликвидирован ряд террористических ячеек, а многие подозреваемые в террористической деятельности преследуются в судебном порядке в различных странах.

У Европейского Союза и Соединенных Штатов одни и те же ценности и цели. В настоящее время мы также применяем одинаковые инструменты в обуздании террористической деятельности. После всех тех дискуссий, которые у нас были в отношении различных подходов к мультилатерализму с той или иной стороны Атлантики, поразительно то, что в данной области обе стороны подчеркивают важность работы Организации Объединенных Наций и Комитета по контртерроризму. Это говорит о том, что в отношении, по крайней мере, терроризма у Европейского Союза и Соединенных Штатов общие позиции как у действующих субъектов международного сообщества.

Трансформирование терроризма: «новый терроризм», расширяемость воздействия и динамика обоюдного восприятия угроз

Дорон Циммерманн *

«Потребность в концентрации наибольших сил и в нанесении сокрушительного удара в решающий момент будет соперничать с потребностью в том, чтобы перехитрить, ввести в заблуждение, обмануть и удивить противника. Победа, как обычно, будет за той стороной, которая лучше понимает, как уравновесить эти два противоречащих друг другу требования, не только в теории, но и в конкретное время, в конкретном месте и против конкретного противника».¹

I. Переоценка «нового» вида терроризма

Насколько нов «новый терроризм», и насколько точно данная парадигма отображает действующую угрозу современного терроризма и последующей волны ближайшего будущего? Более того, необходимо ли нам фундаментально пересматривать нашу концепцию парадигмы терроризма в свете существенного количества исследований по современному терроризму, которые полагают, что «различные мотивы, различные действующие субъекты, различные спонсоры ... и явно возросшее количество жертв» служат примером этого предположительно нового поколения политического насилия?² Вряд ли будет уместным принять за чистую монету «новый терроризм» в том виде, как его обрисовали ученые, объявившие о его приходе.³ При более пристальном рассмотрении так называемый «новый терроризм» не заслуживает того, чтобы быть названным «новым», каким

* Дорон Циммерманн является старшим исследователем Центра по изучению вопросов безопасности Швейцарского федерального института технологий (ETH), Цюрих, Швейцария.

¹ Martin Van Creveld, *The Transformation of War* (New York: The Free Press, 1991), 226.

² Ian O. Lesser, "Changing Terrorism in a Changing World," в *Countering the New Terrorism*, Ian O. Lesser, и др. (Santa Monica: RAND Corporation, 1999), 1–5; цитируемый отрывок на с. 1.

³ По избранным работам, предлагающим обсудить появление «нового терроризма», см.: Harvey Kushner, "The New Terrorism," в *The Future of Terrorism: Violence in the New Millennium*, ред. Harvey Kushner (Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998); Mark Juergensmeyer, "Understanding the New Terrorism," *Current History* (April 2000): 158–163; Walter Laqueur, *The New Terrorism. Fanaticism and the Arms of Mass Destruction* (London: Oxford University Press/Phoenix Press, 2001), особенно 3–5; Bruce Hoffman, *Inside Terrorism* (New York: Columbia University Press, 1998); Lesser, и др., *Countering the New Terrorism*.

он может показаться на первый взгляд. Таким образом, я предполагаю, что к парадигме «нового терроризма» требуется по ряду причин относиться скептически. Наиболее важный аргумент, говорящий против общепринятой концепции «нового терроризма», - это простой факт, что этот термин потенциально искажается тем, что он почти неизменно следует с не поддающимся четкому определению, импрессионистским изображением политических насильственных движений (ПНД) периода после окончания «холодной войны».⁴

В порядке вступления замечу, что должно быть четкое понимание того, что простое существование оружия массового поражения (ОМП) – даже знания о конструировании и возможности нелегального приобретения составляющих материалов для создания оружия, кустарных атомных, биологических и химических устройств – не представляет собой новое явление и само по себе не оправдывает названия «новый терроризм». Осознание правительственными аналитиками потенциальной опасности, которую несет ОМП в руках негосударственных действующих субъектов, пришло в конце «холодной войны», но называть эту проблему по этой причине новой – значит путать ее появление на государственном небосклоне с ее действительным началом или допускать, что «террористы» - как правило, тупоголовые олухи и хронические неудачники, полностью лишенные творческих начал.

Если современная история не характеризуется эффективным сдерживанием разрушительных технологий, то она и не отмечена отсутствием религиозного фанатизма. Поэтому ее недавнее возобновление, олицетворенное в ислализме, в свете исторического послужного списка религиозной воинственности, не удивляет тех, кто сведущ в историческом ходе событий. Наконец, по причине продвинутых организационных принципов среди «новых террористов», остается заметить, что террористические группы 1970-х годов были образцами сложных,

⁴ Терминология, используемая в этой работе, в особенности термин «политическое насильственное движение» (ПНД) является попыткой создать функциональную и, будем надеяться, более ясную систему обозначений путем перемещения смысловой нагрузки, уничижительных и «заклейменных» коннотаций, присущих широко распространенному употреблению плохо определенного и инструментального термина «терроризм». Термин «политическое насильственное движение» является родовым понятием, включающим религиозно или политически идеологизированных и/или радикализованных субгосударственных действующих субъектов, использующих террористические тактики в следовании своим стратегическим (т.е. однопредметным, политическим и/или религиозным) целям. По этому пункту см. Walter Laqueur, *The Age of Terrorism*, 149. Кроме того, Дэвид Таккер заметил: «В той степени, в какой террористы с религиозными мотивациями также имеют в своей повестке дня политические и общественные вопросы – например, образование исламского государства, - они будут испытывать такого же рода ограничения, которые испытывают террористы с политическими и общественными повестками дня, когда они ведут борьбу за достижение своих политических целей. David Tucker, “What is New About the New Terrorism and How Dangerous is It?” *Terrorism and Political Violence* 13:3 (осень 2001 г.): 7.

прекрасно разработанных организационных структур и, пожалуй, показали свою находчивость, изобретательность, эластичность и *необыкновенную гибкость* перед лицом комбинированной репрессивной силы, применяемой со стороны правительств, которым эти группы противостояли.

При рассмотрении дополнительных характеристик, выдвигаемых их сторонниками в средствах информации и академических кругах, нужно отметить, что последние и общепринятые описания этого нового поколения ПНД заставляют думать о террористических группах, которые действуют свободно от имевших ранее силу мотивационных сдерживаний, которые обладают беспрецедентными возможностями по доступу к ОМП и/или современным военным техническим средствам, каждое из которых – очевидно - должно быть выпущено по беззащитной публике в преследовании этими группами своей темной, нерациональной и крайне загадочной повестки дня. Проблема в изображении «нового терроризма» состоит в том, что здесь проявляется недифференцированный и *неполный* взгляд на рассматриваемый вопрос. К сегодняшнему дню одно из наиболее убедительных (и частично подразумеваемых) объяснений появления и быстрого распространения парадигмы «нового терроризма» было выдвинуто Мартой Креншоу:

Как изучение терроризма, так и политики контртерроризма характеризуются событийностью. Почему же понятие «нового», опасного и неконтролируемого терроризма становится настолько неопровержимым? Движут ли восприятием импульсы ряда событий, тесно связанных по времени, но необязательно вызванных одними и теми же факторами? Движут ли восприятием угрозы общественное мнение, средства информации, передающие новости, или элиты в правительственных и научных сообществах?⁵

Если предположения Креншоу в отношении движущих факторов парадигмы «нового терроризма» действительны, что представляется правдоподобным, тогда тот факт, что исследования по терроризму событийны, может предположительно привести к более коварному вопросу. Этот вопрос таков: являются ли споры в определении терроризма единственными, которые страдают от вероятной инструментализации со стороны капиталовложений среди держав? Если ответ на этот вопрос отрицателен, это также может вызвать серьезные сомнения в отношении научного качества парадигмы и поднимет вопрос о том, чьим интересам это служит. Говоря в общем, в какой степени можно порождать, стимулировать восприятие угрозы и манипулировать им? Даже если терроризм со стороны повстанцев всех мастей только частично основан на заповедях психологического ведения войны, отсюда следует, что средства для борьбы с ним, возможно, не являются разнородными. К сожалению, явление терроризма подпадает под характеристики таких вопросов, которые являются не только инструментальными,

⁵ Martha Crenshaw, “The Psychology of Terrorism: An Agenda for the 21st Century,” *Political Psychology* 21:2 (июнь 2000 г.): 415.

но также и сильно политизированными и даже строго относятся к плану безопасности.

Измерением в исследованиях по терроризму, которым также пренебрегают из-за сенсуальной ценности террористических нападений, – а кроме того из-за формируемого средствами массовой информации восприятия угрозы со стороны ПНД, и маниакальной озабоченности правительств в отношении оборонительных мер за счет превентивных стремлений, – является собственно террористический действующий субъект, его организация, его мотивы, а также космология и физическая окружающая обстановка, которые плодят его. Как только центрированные на действующем субъекте и относимые к действующему субъекту вопросы заменяют визуально более зрелищную «запекшуюся кровь» террористических атак, становится видно, что не существует практически ничего нового в повестке дня и в мотивационных, организационных и однообразных элементах методических аспектов «нового терроризма».

Во-первых, предполагаемая новизна «новой террористической» политической, религиозной или социальной программы по существу зависит от временных рамок, задействованных в анализе терроризма, «террористов» и актов терроризма. Чем тогда, за исключением места и времени, различаются цели (или методы) сикариев движения еврейских zelотов от преследуемых целей (и используемых средств) более недавнего времени со стороны пособников относительно непонятной организации «МАК» (Мактаба аль-Хидамата, моджахедского «Управления служб»), которая впоследствии завоевала дурную славу под маской «Аль-Каиды»? В принципе, и в какой-то степени даже на практике, существуют сходства в обоих движениях, заявляющих, что их целью является очищение священной земли от иностранных осквернителей путем силового выталкивания всех неверующих.

В первом примере, римляне при правлении императоров Нерона и Веспасиана заняли части библейского Израиля, таким образом спровоцировав второе из трех еврейских восстаний, длившихся в 66-73 г.г. до н.э. Воинственное движение zelотов, чей отряд вооруженных ножами сикариев устраивал публичную резню легионеров и их начальников в вызывающей ужас и захватывающей манере, в сельской местности нападал из засады на римские патрули, травил воду в колодцах, кидая туда гниющие трупы животных, – в общем, в качестве бойцов нерегулярной армии оказывал яростное сопротивление намного превосходящей их римской военной машине, используя особые, «асимметричные» тактики. Второй пример касается войск западной коалиции после войны в Персидском заливе (1990-91 г.г.), которые так и не ушли с Аравийского полуострова – «земли двух святых мест» (Медины и Мекки) – и со временем стали объектом для нападений со стороны радикальных исламистских сил, например, в районе Хобарских башен в 1998 году.

Ни в одном из случаев не иллюстрируется каким-либо образом ни расплывчатость, ни новизна мотива ПНД. Точно так же, в отношении этого вопроса, религиозно-ирредентистская цель Усамы бен Ладена воскрешения величия халифата седьмого и восьмого веков (включая восстановление его географических границ) вместо сегодняшних режимов в арабском мире не может в полной мере служить в качестве иллюстративного примера *революционной* инициативы. Оцениваемое по любым стандартам, видение Бен Ладеном будущего является *реакционным* в такой степени, которую действительно редко можно встретить.

Следуя далее, можно сделать предположение, что исламизм просто стремится к успеху в каком-либо предприятии сегодняшнего времени (например, в объединении ислама), следуя консервативным идеалам, там, где панарабизм потерпел в прошлом наглядную неудачу, следуя революционным идеалам (например, идеалам объединения арабского мира и освобождения от западного влияния). Суть здесь состоит в том, что идеологии, используемые для мобилизации общественных сил, в каждом из этих двух случаев могут различаться (религиозный радикализм как противопоставление светскому национализму), но механизм, лежащий в основе обоих исторических процессов – структуральный компонент как таковой, – по существу тот же самый. Цель движений в обоих случаях заключается в том, чтобы объединить людей под одним флагом, насильственно предлагая новый общественный или политический порядок, действуя средствами саботажа и опровержения старой системы, и чтобы вызвать мысль о великолепии прошлой золотой эпохи как волнующем предвестнике желаемого ближайшего будущего.

Практически бесконечно разнообразные конфликты на протяжении истории человечества следуют этой модели на определенной стадии своего развития. Но, для того чтобы дать пример все более вероятного нового мотива не только для ПНД, но также для других действующих субъектов в международной политике, мы, возможно, захотим представить, что мы находимся на начальных стадиях раскрываемой драмы будущего, в сердце которой будут долгосрочные риски *абсолютного* истощения ресурсов. За всю свою историю человечество никогда не сталкивалось с планетарной перенаселенностью или дефицитом ресурсов, в равной степени воздействующими на все части земного шара как экзистенциальная угроза.

То, что цели «нового терроризма» не настолько расплывчаты, какими их описывают, можно даже увидеть в случаях экстремистских мотивов. Например, в апокалиптических культах, питающих пристрастие к террористическим тактикам, возможно определить не только мотив, но также и цель. Если вдруг окажется, что указанный мотив и/или цель ПНД вдруг ведут к концу мира, каким мы себе его представляем, то сложность будет состоять не в том, чтобы найти запасные пути, обсуждая наличие здравого смысла в таком положении или плане, а в том, чтобы со всей серьезностью отнестись к такому плану и сделать его частью стратегического рассмотрения мер по контртерроризму. Такое понимание жиз-

ненно важно, если средства, при помощи которых такая группа пытается привести мир к концу света, включают оружие массового поражения. Сегодня разрушение мира или больших его частей негосударственными действующими субъектами, не важно, по каким причинам, более не является исключительной областью научной фантастики; оно стало представлять международный риск для политики и безопасности, и оно не остановится ни перед какими границами.

Фанатики тысячелетних годовщин, эсхатологические секты и другие виды апокалиптических движений существуют вокруг нас уже долгое время. Их система координат действительно очень сильно отличается от общепринятого восприятия реальности. Но думать, что эта особенность делает их менее рациональными и расчетливыми в следовании своим задачам или в чем-то менее решительными в осуществлении своих целей, является грубой ошибкой. История последних тридцати с лишним лет подтверждает это и не требует дальнейших объяснений. Прецеденты таких событий, хотя они, разумеется, не в изобилии, уже имели место, включая по большей части раскрытые или по иным причинам неудавшиеся нападения, предполагавшие массовое количество жертв и запланированные апокалиптическими группами (а в Соединенных Штатах - также реакционными группами правого толка).

Во-вторых, предположение о том, что «новые террористические» группы организуются в соответствии с новаторскими линиями, не может быть принято, если мы обратимся к данным прошлых лет, которые решительно противоречат такому предположению. Даже ролевая модель «новых террористических» организаций, оперативно децентрализованная ячеистая структура со своими независимыми структурами командования, которая успешно используется в форме Подразделений боевой службы (или ПБС, самых маленьких полунезависимых оперативных боевых подразделений Временной ирландской республиканской армии), сражающихся против Британских вооруженных сил и разведывательных служб последние три десятилетия, все еще основывается на принципе традиционно иерархической военной инициации командования.

Идея Луиса Бима о «сопротивлении, осуществляемом без руководства» как организационном принципе ПНД, может в действительности применяться в качестве исключения из правила – как это было понято Федеральным бюро расследований (ФБР) США по отношению к реакционным и экстремистским христианским фундаменталистским группам в Соединенных Штатах, – но уж точно не применяется к союзнической системе ПНД, основанной на прочно сложившемся на культурном уровне порядке неофициального подчинения, создаваемом в квинтэссенциально иерархическом исламском вероучении, таком как «Аль-Каида». Как показывает Дэвид Такер, «поразительная вещь в отношении сетевой структуры нового терроризма состоит в том, что такая структура мало чем отличается от структуры старого терроризма». Исследователь ссылается на хорошо известный пример ООП (Организации освобождения Палестины), образца тер-

рористической зонтичной организации, если считать, что таковая когда-либо существовала, сводя вместе разнообразность палестинских светских политических движений и их соответствующие военные крылья. В общем, террористические союзнические системы в форме стабильного и эфемерного брака по расчету, инструментальных и идеологических коалиций, зонтичных организаций и других форм организационных суперструктур вовсе не новы для ПНД.

Одна группа террористических организаций, которая характеризуется сложными, конфликтующими, иерархическими и децентрализованными взаимоотношениями и которая активно действует на большом Ближнем Востоке с начала 1980-х годов, возможно, служит здесь современным примером. Я говорю о ней здесь как об альтернативе мрачной концепции якобы новой «глобальной террористической сети». Согласно разведывательным источникам, которые по большей части согласуются с исторически повторяющимся террористически-союзническим положением, Исламская Республика Иран (особенно ее секретные службы МОИС/ВЕВАК (Министерство информации и безопасности Ирана/Министерство разведки и безопасности Ирана), преемник наводившей ужас шахской службы САВАК (Спецслужба Ирана) и элитные Иерусалимские силы Иранской революционной гвардии «Пасдаран»), прежде всех других действующих субъектов, расширяет свою организаторскую и управленческую роль в координации деятельности ПНД на большом Ближнем Востоке.

Благодаря умелому руководству Имада Файеза Мугния, директора «Хезболлы» по зарубежным операциям, иранская связь соединяет «Аль-Каиду» с шиитской милицейской организацией «Хезболла» и – в смертоносной коалиции – преимущественно суннитской палестинской группой «Харакат аль-Мукавана аль-Исламийя» (ХАМАС), «Джихад аль Ислами» и суннитской радикальной группой «Усбат аль Ансар» («Федерация приверженцев»), действующей на юге Ливана. Альянс ПНД, поддерживаемый Ираном, также завоевал дурную славу как соучастник в деле перехваченной перевозки военной контрабанды на имя Палестинской автономии Ясера Арафата (или ПА, официального правящего органа автономных палестинских территорий в Газе и на Западном берегу после 1993 года), перевозившейся на борту грузового судна «Карин-А» в Красном море в январе 2002 года.

Альянс субгосударственных действующих субъектов, использующих террористические тактики, которые получали поддержку от государственного спонсора и действовали за пределами определенного региона, далеко не так драматичен, как постоянно поддерживаемый имидж глобальной законспирированной сети, такой как «Аль-Каида». Но она, по крайней мере, существует. И, напротив, даже если «Аль-Каида» охватывает западные и восточные цивилизации с точки зрения ее подтвержденного оперативного действия, это в лучшем случае делает ее «трансрегиональной террористической сетью» в Юго-Восточной и Центральной Азии, Средиземноморье (включая Северную Африку), большом Ближнем

Востоке, Западной Европе и США. Но все же она вовсе не та организация, которая активно действует поистине в глобальном масштабе, что, в свою очередь, указывает на то, что сеть размещаемых ею боевиков (пока еще) не охватывает земной шар.

В-третьих, если действительно существуют различия между старым видом терроризма и «новым терроризмом», то они, пожалуй, не качественные, а количественные – с исключительной ссылкой на размеры нападения и его последствия. Способность вызывать большее количество жертв путем развертывания оружия массового поражения может пониматься как составляющее качество само по себе, но, вновь, смысл здесь в том, что это не новое явление в истории вооруженного конфликта; только потенциально разрушительный масштаб современного ОМП в руках ПНД сам по себе не имеет прецедента. Например, сознательное развертывание биологического оружия, приведшее к массовым жертвам, имеет прецеденты в позднем Средневековье, в эпоху Возрождения и в раннем новейшем периоде в Европе и на американском континенте.

Предположительно, в течение целых веков до наступления двадцатого столетия эффективность ведения войны с применением особых тактик и видов оружия, таких как преднамеренное распространение эндемических патогенов, даже близко не приближалась, ссылаясь хотя бы только на один пример, к ужасающему количеству погибших от удушья ипритом во время Первой мировой войны. Но, в сущности, неумело превращенные в оружие патогенные возбудители существовали и в прошлом, и их использовали разнообразные действующие субъекты. «Политические террористы» 1970-х и 1980-х годов на Западе были неравнодушны к потенциальному использованию особых видов оружия; интерес к химическому и биологическому оружию проявляли самые разнообразные ПНД, от «Везер Андеграунд» и фракции «Красная Армия» (или РАФ) до «Завета, Меча и Оружия Господа» (или Си-Эс-Эй, военизированной группы выживания, действующей в США).

Поэтому угроза «свободного использования ядерного оружия», а также угроза, которую несут в себе другие, плохо охраняемые, ядерные материалы, не являющиеся оружием, но выступающие в качестве его элементов, была *обострена*, но не *инициирована* развалом Советского Союза. Подобным образом, опасения более недавнего времени по поводу развертывания радиологических бомб могут исходить от растущей осведомленности государств – и, следовательно, субгосударственных действующих субъектов – о заложенном в низкообогащенном уране и отработанном топливе потенциале при определенной обработке стать оружием, и к знанию того, что уровень охраны таких материалов от воровства в настоящее время не соответствует нормам.

То, что ставит ПНД двадцать первого века отдельно от их предшественников, я полагаю, это не угроза использования или даже действительное использование радиологических, биологических или химических веществ для ведения войны. А

это - масштаб, и, что более существенно, *расширяемость* массового поражения и уничтожения с применением обычных и особых средств со стороны ПНД, а также то, как эти угрозы использования или действительное использование его переводятся в *психологическую систему рычагов*. Рассматриваемое по-иному (и, скорее, это более уместно к нашему сегодняшнему времени), сочетание технологий, способных вызвать массовые жертвы, измеряемые в сотнях, тысячах или даже в миллионах человек, с одной стороны, и возрастающей вероятности приобретения средств для осуществления такого массового уничтожения жизни со стороны субгосударственных действующих субъектов - с другой, представляет собой единственно очевидно новаторский аспект в развитии современного терроризма.

Этот последний момент особенно актуален, когда помещается рядом с часто повторяемым суждением, что цели «новых террористов» менее четко очерчены, чем цели, которые преследовали их предшественники. Прямо противореча такой точке зрения, желание и намерение ускорить приход Армагеддона, вызываемые некоторыми культами, связанными со сменой тысячелетий (напр., «Аюм Синрикё»), в эпоху распространения ОМП трансформировались в 1990-е годы в очень конкретный курс действий в следовании окончательной цели, и, соответственно, это представляет непосредственную угрозу. В конечном счете, средства и цели даже самых радикальных ПНД сегодня так же ясны, как это было в случаях двадцатилетней давности. Но сегодняшние ПНД даже более опасны, чем их предшественники, именно потому, что они *не* поменяли соответствующим образом свои ценности – т.е. свои взгляды, мотивы и интерпретацию своего религиозного, политического и социального окружения.

Если мы принимаем предлагаемый критицизм, направляемый до сих пор на концепцию «нового терроризма», то, на первый взгляд, может показаться, как будто изменениям подверглись только «инструменты торговли» преступников-исполнителей – их арсенал вырос от автоматических винтовок, взрывчатки и гранат до оружия массового поражения и обычной тяжелой военной техники, – хотя сами террористы остались такими же.⁶ Предположительно, в некоторых случаях выбор террористами целей стал более дерзким в последние несколько лет, как это продемонстрировали инциденты 11 сентября 2001 года. В других случаях их цели становятся более амбициозными, такие как ускорение Армагеддона. Такие тенденции могут, по крайней мере, частично объясняться обстоятельствами, что возможность вызывать большое количество жертв также предоставляет группам значительные рычаги воздействия в осуществлении своих соответствующих требований или достигать свои цели перед подавляющим

⁶ Мы намеренно исключили масштабируемое оружие массового поражения, такое как электронные атаки на компьютерные сети, различные типы информационных операций, а также импульсное, взрывное или фокусное оружие высоких энергий.

военным превосходством противника, не считаясь с ним, как это можно увидеть на примере обычных вооруженных сил Соединенных Штатов.

Отсюда, будет неправильным допускать (и такое неправильное понимание может дорого обойтись), что ПНД сами по себе фундаментально различны, что они существенным образом пересмотрели свое психологическое строение и преоформили свой мотивационный ландшафт, или даже сомневаться в том факте, что они до сих пор организованы в группы (несмотря на то, что они более или менее сразу же подпадают под центральный контроль), только из-за доступности оружия массового поражения вслед за окончанием «холодной войны» и возобновлением религиозного рвения после 1979 года. Этот анализ верен только в том случае, если ПНД в наши дни и эпоху продолжают подпадать под ограничения, накладываемые обязательствами их собственной рациональности, какими бы те ни были. То, что рациональная система мысли – включая ее высоко идиосинкратические, радикальные варианты – также подлежит со временем изменению, здесь не оспаривается, как и не отвергается то, что факторы и процессы принятия решений со стороны ПНД, вероятнее всего, подверглись некоторым изменениям под влиянием более доступного оружия массового поражения.

Наоборот, ПНД, несомненно, являются продуктами своего собственного окружения. Из этого следует, что они не чужды реальности, в которой мы вместе существуем, и что их аргументация, следовательно, также не выходит за пределы понимания. Восприятие реальности со стороны ПНД представляет собой ценную, выводимую логически основу для анализа, концентрирующегося на действующем субъекте. Называя террористов и их организации «новыми» или иррациональными, не заставит их уйти или ослабить угрозу, которую они представляют, трудность будет состоять в том, чтобы предвосхитить их действия на их же собственном интеллектуальном поле. Это выполнимый курс действий, но только в том случае, если мы направим ресурсы на качественные исследования в отношении достижения некоторой меры понимания того, чем террористы живут – на исследования того, что Марта Креншоу назвала «автономной логикой, которая постижима, несмотря на свою необычность».⁷ И, если будет можно вникнуть в мотивы, цели и образ действия ПНД, тогда их можно будет побороть.

В свете вековых исторических фактов, охватывающих использование террористических нападений как со стороны повстанцев, так и наделенных властью, различие между старым терроризмом и «новым терроризмом» в лучшем случае носит искусственный характер, а сама концепция представляется тавтологичной и, скорее всего, ненужной. С одной стороны, это происходит из-за того, что дифференциация, которую данная концепция стремится создать, является вопро-

⁷ Martha Crenshaw, "The Psychology of Terrorism: An Agenda for the 21st Century," 410; Jean-Francois Meyer, "Cults, Violence and Religious Terrorism: An International Perspective," *Studies in Conflict and Terrorism* 24 (2001): 372.

сом взглядов и в некоторых случаях, как указывалось выше, может служить, в плане определения, «троянским конем» для инструментального набора ценностей, защищаемых мятежниками и наделенными властью. Поэтому она потенциально подвижна интересом и, следовательно, не может находиться вне подозрений. С другой стороны, если мы тщательно рассмотрим некоторые из ключевых аргументов, приводимых в поддержку тезиса «нового терроризма» - то есть отсутствия четко идентифицируемых групп среди новых действующих субъектов на международной арене, неясных или новых мотивов, расплывчатых целей и высокой частотности летальных случаев в недавних нападениях, – тогда принимаемое проведение различий по отношению к более ранним вариантам терроризма также неубедительно в силу очевидности фактов.

Рассматриваемая отдельно от своей эвокативной силы, концепция «нового терроризма» не предлагает никакой дополнительной ценности к тому, что мы подразумеваем под терроризмом. Более того, обстоятельства, которые выдвинули эту концепцию, сомнительны. Вопрос капиталовложений как движущей силы, скрывающейся за формулировкой парадигмы «нового терроризма», также был поднят покойным Эхудом Спринзаком, который без обиняков утверждал, что «угроза супертерроризма, вероятно, сделает некоторых подрядчиков, работающих в оборонном секторе, очень богатыми, а большое количество специалистов - достаточно богатыми и кроме того - знаменитыми». По мнению Спринзака, «дебаты [о «новом терроризме»] сводятся к деньгам».⁸

II. Допускающий двойное толкование характер расширяемости воздействия и динамики обоюдного восприятия угрозы

Как показано ранее в данной статье, несмотря на наличие сомнений в отношении мотивов, целей, организаций и средств ПНД в прошлом, нет ничего действительного нового по своей природе в отношении парадигмы «нового терроризма» - за исключением *консенсуса* среди экспертов в области терроризма, что оружие массового поражения в наши дни и эпоху намного вероятнее, чем в прошлом, будет применяться субгосударственными действующими субъектами. Даже если так, вопрос о том, движет ли таким взглядом плод общественного воображения, созданный средствами массовой информации, который выгоден определенным политическим кругам, имеющим свои собственные бюджетные программы, будет, почти наверняка, далее выхолощивать очерченный выше парадигматический проект и двигать консенсус экспертов по угрозе ПНД-ОМП просто в сторону предположений. И вновь, превалирует оценка экспертов, поскольку оружие массового поражения, *кажется*, становится все доступнее в период, наступивший

⁸ Ehud Sprinzak, "The Great Superterrorism Scare," *Foreign Policy* (осень 1998 г.): 6, 7; цитируемая статья находится на сайте: www.findarticles.com/cf_0/ml181/1998_Fall/56021078/print.jhtml.

после «холодной войны». По этому вопросу Мортен Бремер Маерли утверждает, что «подавляющее большинство инцидентов ... не отражает никакого существенного увеличения масштабов угрозы массового поражения, а, скорее, выявляет *растущий интерес* к особым видам оружия среди политически и религиозно мотивированных групп и частных лиц».⁹

Этим я не хочу сказать, что нет никаких оснований для опасений, высказанных теоретиками «нового терроризма». Даже если интерес таких групп пока еще не был направлен на современное ОМП, то угроза остается. Это верно, несмотря на массовые усилия, направленные против распространения ядерного оружия, такие как, например, Закон Нанна-Лугара, прошедший в Конгрессе Соединенных Штатов в 1991 году. Это подтверждается тем фактом, что ПНД могут рассматривать применение ядерного, химического или биологического оружия как приемлемое или даже предпочтительное и «престижное» средство для какой-либо цели, особенно в форме реальной угрозы или устрашения по отношению к более могущественному противнику. Действительно, вслед за «холодной войной», мрачные предчувствия, касающиеся приобретения со стороны ПНД современного ОМП, не были лишены оснований. В то время, как самая последняя война в Персидском заливе была начата с целью удаления из Ирака предполагаемого у него в наличии потенциала ОМП, в ряде спорных сообщений высказывались опасения в отношении того, что «Аль-Каида» через «Усбат-аль Ансар», дочернее ливанское суннитское ПНД, успешно приобрела химические вещества иракского производства, разработанные для оружия и ведения военных действий.

Хотя и имеются единственное исключение и заключение по поводу следующего довода в отношении оружия массового уничтожения, о котором говорится в этой работе и в контексте более широких дебатов по терроризму: осведомленности ПНД в отношении новоявленной, потенциально не ограниченной возможности определять величину масштаба воздействия своих нападений, эта оценка угрозы, вытекающая из парадигмы «нового терроризма», возможно, в чем-то и является точной. К сегодняшнему дню выполнимость в настоящее время совпадающих трех характеристик - *намерения, способности и возможностей* - ПНД в отношении того, чтобы вызывать массовые жертвы, осуществлять разрушения целых городских районов и причинять неизмеримые травмы в общественной психике в масштабе, до настоящего времени мыслимом только в вооруженном конфликте, выходящим за пределы внутригосударственной войны, не имеет параллелей. Действительно, это условие представляет собой значительное историческое своеобразие. В ближайшем будущем (для которого настоящее служит определяющим моментом), потенциал ПНД в почти безграничной *«расширяемо-*

⁹ Morten Bremer Maerli, “Relearning the ABCs: Terrorists and “Weapons of Mass Destruction,”” *Nonproliferation Review* (лето 2000 г.): 110 (курсив мой). По данному вопросу в отношении химического и биологического оружия см. сноску 17 ниже.

сти воздействия» будет формироваться и уже формируется как единственно самый важный содействующий фактор радикальной трансформации терроризма и, тем более, ведения военных действий в целом. Я введу новое значение для понятия «стратегической асимметрии».

Для того чтобы лучше представить себе эту идею, вообразите банду радикальных бойцов, успешно ставящую самое мощное государство на планете на колени, угрожая осуществить какую-либо крупную ядерную, химическую или биологическую атаку, вслед за рядом успешно проведенных мелких нападений с применением ОМП, которые привели к массовым жертвам. Если хотите, это именно «расширяемость воздействия», находящаяся всецело в распоряжении террористических действующих субъектов, может сейчас сделать, и в какой-то степени уже делает, ПНД более опасными, чем когда-либо ранее. Расширяемость воздействия увеличивает спектр асимметрических характеристик террористической тактики тем, что она позволяет ПНД градуировать даже нападения, совершаемые с использованием ОМП в соответствии с их требованиями.

Но, хотя вопросы, касающиеся средств – финансов, материально-технического снабжения, оружия и т.д., – обсуждаются по большей части во время дебатов по «новому терроризму» и нераспространению ядерного оружия, многочисленные нематериальные факторы, такие как специфика истоков, окружающая обстановка и другие виды идиосинкразии, которые информируют о мотивах и воспринимаемой реальности, а также конечных политических и стратегических приоритетах ПНД в их настоящих намерениях по разворачиванию оружия массового поражения, до сих пор не были до конца исследованы. И хотя кое-какие исследования ведутся в этой *terra incognita* насильственного способа мышления ПНД, по существу игнорируется очень важное развитие, ответственное за оформление восприятия риска терроризма: динамика *обоюдного восприятия* угрозы между преступниками-исполнителями и жертвами нападений ПНД, ведущим к массовым жертвам.

Характер отношений между агрессивным желанием ПНД применять обычные или особые виды оружия, ведущие к массовым жертвам, и полным страхом ожиданием все более разрушительных нападений, ведущим к массовым жертвам, с применением ОМП, порождается вызванной средствами массовой информации «боязнью супертерроризма» (заимствуя терминологию Эхуда Спринзака) в широких слоях общества, то, что делает сегодняшние ПНД более опасными, чем это было раньше. Причина этого, я полагаю, банальна. В эпоху, в которой призрак «супертерроризма» безраздельно господствует и за последнее десятилетие подорвал правительственную и общественную уверенность, большинство ПНД, по всей вероятности, испытывают возрастающее давление, принуждающее их сделать «популярный» кошмар терроризма с массовыми жертвами еще сильнее, что является навязчивой идеей западных правительств, их союзников и всякого рода средств массовой информации.

Такая абсурдная ситуация доминирует именно потому, что, странным способом, сила, парализующая мощное государство путем угрозы применения оружия массового уничтожения, является не только решающим активом ПНД, но также, по крайней мере, десятилетие находится в центре общественного внимания и в настоящее время считается еще более вероятной. И эта «чаша» общественного ожидания опасений продолжает наполняться. Это условие коварно соотносится с растущим давлением на ПНД наращивать вооружение массового поражения для того, чтобы «соответствовать» уровню общественных опасений и таким образом *сохранить свое собственное правдоподобие* по отношению к своей публике. И, наоборот, ПНД также подвергаются усилению давления из-за возможностей, предоставляемых им динамикой обоюдного восприятия угрозы и ее воздействия.

В итоге, из-за того, что сами ПНД не изменились фундаментально относительно своих мотивов и целей, вопрос о том, является ли терроризм сегодня более опасным или нет, имеет мало общего с канвой исследований, которые породили концепцию и последнее толкование так называемого «нового терроризма». Вместо этого, этот критический вопрос замысловатым образом связан с взаимозависимыми проблемами долгосрочной неспособности обуздать распространение ядерного оружия; последующей возросшей возможностью того, что оружие массового поражения рано или поздно попадет к террористическим действующим субъектам; сопутствующим новым развитием ПНД, корректирующих свою стратегию и цели, включая дополненную «расширяемость воздействия» особых средств, имеющихся в их распоряжении; и воспринимаемой угрозой, которую они представляют, а также с общим чувством отсутствия безопасности, которому способствует ситуация. Что более важно, опасность терроризма, ведущего к массовым жертвам, в настоящее время стала более осязаемой и серьезной из-за действия «обоюдной динамики восприятия угрозы». В отличие от простой гипотетической угрозы, которая присуща данному процессу, по мнению экспертов, я полагаю, что именно «обоюдная динамика восприятия угрозы» действует как главный структуральный катализатор в иницировании террористических нападений, ведущих к массовым жертвам, с применением обычных или специальных видов оружия.

Учитывая ведущиеся до сих пор дискуссии, было бы более продуктивным и благоразумным вспомнить более ранние типы субъектов, использовавших террористические методы (например, зелотским сикариям, которые ранее упоминались в этой статье, или «Исламской секте убийц»), которые много веков назад возвели на поток преднамеренное систематическое убийство как средство терроризирования своих врагов и подчинения своих противников, даже ценой их жизни, совсем как их современные ближневосточные собратья), чем заранее гадать о приходе «нового терроризма». В итоге получается, что никаких сильных изменений просто не произошло. Преступники-исполнители до сих пор намерены порождать страх, применяя тактику терроризма. Состоит ли задача в нагнета-

нии страха на некоторых или многих людей – это совершенно иной вопрос, который всегда эффективно ограничивался средствами, наличествовавшими у действующих субъектов. Применение терроризма только в меньшей степени зависимо от великой стратегии или оптимистического оперативного планирования. Причина этого в том, что арсеналы ПНД до настоящего времени так и не соответствуют арсеналам, находящимся у их противников.

С приходом и недавним усилением распространения ОМП судьба терроризма может подвергнуться благоприятным изменениям; само обстоятельство доступности особых видов оружия может способствовать этому, но нельзя, естественно, исключать и другие причины. Сейчас то, что максимальная огневая мощь в самом широком смысле более не является недоступной, *тот* мотив, в отличие от технических средств, сможет в будущем допустить определяющее положение в формировании структуры стратегии ПНД и в процессе выработки решений в отношении развертывания оружия массового поражения.

Иными словами, доступность этих видов оружия не является тем исключительным фактом, который делает современные ПНД более опасными; опасными их делает осознание этими движениями в прошлом десятилетии того, чего они могут добиться путем реальной угрозы применения этого оружия в преследовании даже самых дерзких, но крайне специфичных целей, таких как разрушение столицы какого-либо государства или конец света. Более решающим все же является тот факт, что, для того, чтобы достигнуть «мандата ОМП», ПНД, почти наверняка, должны будут наращивать это устрашающее оружие как доказательство своих намерений в его использовании. Непредсказуемые «виды эгоизма», импульсивная месть, соревновательное «бахвальство» - целый спектр непостижимой, диакритической и спонтанной внешней динамики групп и других внешних и внутренних мотивов ПНД - также являются составной частью этого сценария как возможные факторы в необдуманной заранее категории.

Разительная асимметрия расширяемости воздействия на службе ПНД выходит на первый план в сценариях, в которых эффективное применение ОМП даже не является необходимым. Из-за повсеместно распространившегося страха воспринимаемой в последнее время угрозы, ведущей к большому количеству человеческих жертв, ПНД, возможно, и не придется совершать свои наихудшие злодеяния, чтобы достигнуть своих целей, конечно, при условии, что уничтожение жизни на планете не является самоцелью. Брюс Хоффман полагает, что

... даже ограниченное террористическое нападение с использованием химического, биологического или радиологического оружия в умышленно маленьком масштабе может иметь непропорционально огромные последствия, порождая беспрецедентный страх и тревогу, и таким образом служить цели террористов

так же хорошо, как большее количество оружия или более амбициозное нападение с массовым количеством жертв.¹⁰

Хотя наблюдение Хоффмана очень ценно само по себе, оно поднимает некоторые вопросы. Начнем с того, что выполнение такой операции с ОМП совершенных высоких технологий предполагает наличие значительного опыта со стороны тех, кто его применяет, а также доступность продвинутых оружейных технологий в области систем доставки, которые обязательны для контролирования размеров нападения. Во-вторых, и это более соответствует настоящей цели, наблюдение Хоффмана поднимает проблему взаимности в идее обоюдной динамики восприятия угрозы. Страх перед терроризмом, ведущим к массовым жертвам, не только оказывает давление на террористов в отношении соответствия общественному «стандарту» или «точке отсчета» страха, но также максимизирует результаты угрозы использования или действительного использования сравнительно малого количества радиологического, биологического или химического оружия.

Поэтому эта опасная динамика представляет собой такое развитие, которое выходит за рамки чьего-либо контроля и несет угрозу по своему собственному усмотрению. Ее движущим силам - активизации общественного страха перед терроризмом с использованием ОМП и оценке террористами по большей части не затрагиваемой и очень привлекательной «системы рычагов» против правительств, представленной просто угрозой разрушительного применения такого оружия, - очень трудно, а может, и невозможно, помешать.

Первый шаг в противодействии некоторым худшим результатам динамики обоюдного восприятия угрозы вне правительственных организаций мог бы быть предпринят активизацией чувствительности средств массовой информации и особенно вещательных средств к дестабилизирующему потенциалу динамики обоюдного восприятия угрозы и к обузданию экономических стимулов и давления в средствах массовой информации, а также к снижению их вредного воздействия на характер и качество материалов, выдаваемых журналистами. И, наоборот, учреждение самоцензуры и наложение строгих ограничений на безответственных, падких на сенсации репортеров со стороны ведущих членов разнообразных медийных средств должно оцениваться по-новому в интересах общественного спокойствия.

Расширяемость воздействия и оказание давления на террористов-преступников и жертв терроризма, которые возникают из самоподдерживающейся динамики обоюдного восприятия угрозы, должны быть высокоприоритетным вопросом в области современных исследований по терроризму. В свете предполагаемых

¹⁰ Bruce Hoffman, "New Forms of Terrorism and The Threat of Terrorist Use of Chemical, Biological, Nuclear and Radiological Weapons," в *Terrorismus als Weltweites Phänomen*, ред. Kai Hirschmann and Peter Gerhard (Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2000), 43.

исследований в области модернизированного оружия, включающих развитие технически продвинутых и управляемых систем доставки для химического и биологического оружия, таких как дирижабли и пространственно ограничиваемые аэрозоли, а также увеличивающие свое действие развертываемые вирусы (вирусы заражающегося и триггерного действия), работа над результатами расширяемости воздействия террористических атак становится даже более неотложной. Исследования по атомному оружию, например, достигли высшей точки в разработке точного ядерного оружия малой мощности. Более того, проблемы распространения ядерного оружия в результате распада Советского Союза могут служить здесь примером того, как продвинутые оружейные технологии в форме своей продукции – оружия – и их создателей – ученых – тем временем стали не только достижимы, но и доступны для субгосударственных действующих субъектов. Выйдя из-под контроля правительства, ответственного за развитие передовых точных систем доставки, либо специально, либо по ошибке, эти системы доставки могут перейти к ОМП как средству угрозы терроризмом, ведущим к массовым жертвам, даже у тех ПНД, которые до сих пор не рассматривали их в качестве возможного варианта в силу своей зависимости от «клиентуры». Продолжая ход этих мыслей, замечу, что такими новыми пользователями биологического и химического оружия, вероятно, будут те, у кого самый большой опыт оперативной работы в применении террористических тактик с обычными видами оружия и асимметричного ведения войны: функционирующие долгое время, непобежденные националистско-ирредентистские этнико-сепаратистские группы, такие как ИРА или ЕТА.

Еще более худшим является то, что управляемые системы доставки биологического и химического оружия в руках ПНД могут снизить пороговый уровень использования оружия массового поражения в выполнении критериев «доказательства концепции» у какой-либо террористической группы-обладательницы оперативного специального оружия с эффектом массовых жертв; ущерб не был бы таким всеобщим, как с «обычным» использованием биологического или химического оружия. Если группа действительно обладала бы такой точной системой доставки, из этого бы следовало, что ценность сдерживания, представленная риском подвергнуть опасности свою собственную «клиентуру», была бы существенно снижена.

Находясь в очевидном противоречии к установленному использованию в традиции нисходящего анализа политики, спаренные концепции расширяемости воздействия и динамики обоюдного восприятия угрозы, первоначально определенные как вероятный катализатор для будущего использования со стороны ПНД терроризма с применением особых средств массового поражения, стремятся приблизительно соответствовать восходящему характеру асимметричного ведения войны и поэтому косвенным образом связаны с террористическими действующими субъектами как *terminus a quo* терроризма. Как только средства ста-

новятся доступны для преступника, использующего ОМП, знание психологических характеристик преступника, индивидуального или группового плана, – хода работы его мыслей – станет наиболее мощным средством для противостоящих ему сил.

Такой центрированный на действующем субъекте подход также отличается от широко распространенного акцента на последствиях террористических актов и их интерпретации в средствах массовой информации, или от представлений о нападениях ПНД, вытекающих из более широкого контекста общественных рассуждений о террористической угрозе; он нетерпим к мимолетной, безликой угрозе, встречающейся на уровне политики. В конце концов, говоря проще, как много из содеянного «Аль-Каидой» является авторством Усамы бен Ладена, Мухаммеда Атефа и Аймана аль-Завахири (все они члены «шура» - руководящего совета «Аль-Каиды»? И в какой степени общественное восприятие этой организации движимо отсутствием серьезного антагониста Западу вслед за снижением напряженности «холодной войны», внезапной информированностью западных правительств в отношении новых видов уязвимости, и основанным на стимулах освещения событий в средствах массовой информации?

III. Понимание расширяемости воздействия, динамики обоюдного восприятия угрозы и их стратегических последствий: случай центрированного на действующем субъекте подхода в исследованиях по терроризму

Мне хотелось бы завершить данную работу формулированием некоторых мыслей в манере, в которой мы ведем исследование по ПНД и терроризму, а также степени их воздействия на наше восприятие. В эпоху возможного, даже вероятного, развертывания оружия массового поражения, воздействие которого каким-то способом управляемо и находится в распоряжении субгосударственных действующих субъектов с известным террористическим багажом, обязательная оценка ПНД, которые являются потенциальными преступниками-исполнителями нападений с применением как обычных, так и, в особенности, специальных видов оружия массового поражения, имеет жизненно важное значение.

Неотложность решения проблемы может в ближайшем будущем драматически возрасти из-за надвигающейся революции в военной области по отношению к управляемым и пространственно ограничивающим системам доставки для неатомного оружия массового поражения. Если мы рассматриваем стратегические сценарии по политике в сфере внешних сношений и безопасности современных государств, то можно выделить одну возможность, никогда не покидающую невозмутимо параноидное воображение аналитика по обороне, которая состоит в наличии субгосударственного действующего субъекта, вооруженного ОМП и провоцирующего международный кризис, действуя против государства путем скалированного, хирургического нападения с применением особых ОМП, возможно, от имени другого государства или с его скрытой поддержкой. Вероятное

последствие такого хода событий является меньшим по отношению к серьезной дестабилизации или даже разрушению глобальной стратегической обстановки в области безопасности.

Потенциальная возможность ОМП калибровать воздействие радиологического, биологического или химического нападения обостряет эту ситуацию. Это может означать, что преступники-исполнители будущих террористических актов могут к своему великому преимуществу определять масштаб нападения точно рассчитанным образом, для того чтобы провоцировать ожидаемую реакцию со стороны государств, запугивать правительства и хирургически точно стимулировать, усугублять и использовать панику среди населения.¹¹ Расширяемость воздействия особых видов вооружения, далее усовершенствованных революцией в области систем доставки, сразу же после начала их распространения, может включить мощное «хирургическое» оружие в зону охвата ПНД по всему миру. Это легко переводимо в существенный политический капитал и военную систему рычагов, поскольку тот вероятный позор, которым покрыли ПНД за беспорядочные разрушения, наносимые использованием систем ОМП времен «холодной войны» и более новыми радиологическими рассеиваемыми устройствами, перестает в таком случае играть какую-либо роль как средство самосдерживания. ПНД, которые могут даже в ограниченной степени влиять на динамику обоюдного восприятия угрозы, извлекая из этого выгоду – и общественные страхи, и склонность их членов к развертыванию ОМП – через реальное использование расширяемости воздействия, будут в состоянии диктовать свои условия любому правительству мира.

Угроза, исходящая от ПНД, намеренных использовать ОМП, сейчас, вероятно, стала даже больше, и, конечно, не подпадает исключительно под влияние модернизации технологий и систем доставки. На сегодня дисциплинирующая сила биполярной системы, гнетущая осведомленность и погруженная в раздумья реальность ядерного холокоста, затаившегося за углом, «красная кнопка» отказоустойчивых механизмов, установленных после Кубинского ракетного кризиса во время «холодной войны», более не существуют. Из-за значения, в настоящее время придаваемого сценарию угрозы в частных, общественных и государственных кругах субгосударственных действующих субъектов, стремящихся к приобретению ОМП, действительная угроза сама легко может стать самореализующимся пророчеством, в соответствии с диктатами динамики обоюдного восприятия

¹¹ Я исключил радиологические дисперсные устройства из списка, поскольку они, скорее, являются оружием массового разрушения, а не оружием массового поражения и не могут хирургически применяться по определению. Этим я не хотел бы сказать, что они не могут быть инструментализированы вообще в таком сценарии; их ценность для преступников может заключаться в положительно масштабируемом воздействии. Сравни Michael A. Levi and Henry C. Kelly, “Weapons of Mass Disruption,” *Scientific American* (ноябрь 2002 г.): 59–63.

угрозы. Чем большего консенсуса мы достигаем или приходим к нему из-за боязни возможного развертывания ОМП со стороны ПНД - по определенной цели или беспорядочно – и чем больше мы обсуждаем и распространяем информацию по этому вопросу в общественной области и коридорах власти, тем больше мы становимся сообщниками в создании многосторонне воспринимаемого «достоинства» психологического потенциала оружия, которое может сеять панику среди целых народов и держать в заложниках правительства; и тем привлекательнее мы делаем для террористов вариант использования ОМП; и тем вероятнее становится перспектива нападения ПНД с применением ОМП.

Поэтому анализ того, какие ПНД отмечены как предрасположенные к использованию особых видов оружия, а какие менее склонны использовать их, является предпосылкой для установления приоритетов в борьбе с терроризмом и должен служить дорожной картой для будущих политических курсов в области национальных и многосторонних программ по борьбе с терроризмом. Очевидно, если мы хотим с высокой точностью определить потенциальных преступников-исполнителей террористических нападений, включающих ОМП, то нам следует отойти от центрированного на действующих субъектах подхода. Это особенно актуально, если мы принимаем факт, что тот вид разведки и анализа угрозы, который помогает установить идентичность потенциальных преступников-исполнителей террористических актов с применением ОМП в настоящее время, также является решающим в общих усилиях воспрепятствовать в будущем совершению нападений с применением особых видов вооружений, вызывающих массовые жертвы.¹²

И, напротив, обобщение террористической угрозы путем ее абстрагирования или определения количества данных по ПНД, создает вероятность экспоненциальной траектории аналитической ошибки. Номенклатура обобщения терроризма в форме не проводящих различий, обезличенных категорий является симптоматичной для редукционистского отношения (напр., «глобальная террористическая сеть», «ближневосточный терроризм», терроризм как риск государствен-

¹² Jean Pascal Zanders, "Assessing the Risk of Chemical and Biological Weapons Proliferation to Terrorists," *Nonproliferation Review* (осень 1999 г.): 26, 30. Хотя в исследовании Зандерса явно отсутствует центрированный на действующем субъекте анализ, исследователь рассматривает «социальное окружение и нормы» ПНД, но концентрирует при этом внимание на «ассимиляционной модели для изучения позиции спроса на процесс распространения ядерного оружия в государствах». У государств и субгосударственных действующих субъектов обычно различные приоритеты, и модели в основном пренебрегают исключениями из правил. И косвенные предположения – что государства и субгосударственные субъекты сравнимы в отношении к использованию ОМП со стороны ПНД, и то, что поведение ПНД как таковое может моделироваться, – игнорируют установленный диакритичный характер ПНД с опасностью аннулирования самих своих предпосылок. ПНД склонны к непредсказуемости и поэтому являются исключениями из большинства правил.

ного уровня, которые противостоят имевшей место *угрозе* и т.д.). Этот редукционизм, в свою очередь, является «пригласительным билетом» для детерминистской мысли; и детерминизм, благодаря своей способности моделирования, телеологическому характеру, зачастую далек от реальностей жизни.

Слишком часто мы отходим от сферы насилия. Нам нужно взаимодействовать с теми, кто совершает насилие. Лучшие исследования по политическому насилию, осуществляемому небольшими группами, предприняты исследователями, которые на определенном уровне взаимодействуют с людьми, которых они исследуют. Важно выборочное исследование. В каждом исследовательском методе существует возможность, что по ряду причин опрашиваемые будут строить свою речь, подгоняя ее к ожиданиям интервьюера. Погружение в исследовательскую область и регулярное взаимодействие с активистами часто позволяет преодолеть проблемы, которые возникают у журналистов, а также при подходе, комментирующий конкретный случай.¹³

Очевидно, что последствия, вытекающие из аналитической ошибки, порожденной исключением явной идиосинкразической психологической подоплеки использования со стороны ПНД террористической тактики и диакритического свойства принятия решений в ПНД, включая ситуационную специфичность выполнения расширяемости воздействия, могут иметь катастрофические последствия, выходящие далеко за пределы точки отсчета разрушения, причиненного 11 сентября. И важно внести ясность по поводу одной вещи: все нападения, совершенные 11 сентября, несут отпечаток традиционного, а не «нового» терроризма. Что касается психологического воздействия и экономического разрушения, не считая количества жертв, то нападения ПНД с применением особых видов оружия массового поражения, почти наверняка, затмят события 11 сентября. Следующая атака является практически гарантированной.¹⁴

На фундаментальном уровне способность понять образ мышления террористов является ключевым моментом для любого серьезного анализа террористической угрозы. Объективных показателей, помогающих оценить террористическую угрозу, не существует. Примеры *ex post facto*, слишком многочисленны для того, чтобы быть перечисленными здесь, иллюстрируют превосходство нелинейных и неколичественных детерминантов в процессах принятия решений со стороны ПНД. Подобным образом, точность в прогнозировании зависит от специфичности, а не от какой-либо предполагаемой объективной характеристики, исходя из данных разведки и ее контекстуальной интерпретации, которая в свою очередь

¹³ Robert W. White, "Issues in the Study of Political Violence: Understanding the Motives of Participants in Small Group Political Violence," *Terrorism and Political Violence* 12:1 (весна 2000 г.): 100-101.

¹⁴ Я понимаю, что эта оценка не может избежать того, чтобы не быть также включенной в процесс обоюдного восприятия угрозы, но ощущения, которые оформляют вопросы, адресованные в этой работе, перевешивают другие соображения.

основывается на твердом понимании субъективной реальности действующих субъектов.

Логическое обоснование, стоящее за использованием терроризма, обусловлено разнообразием влияния, некоторые виды которого, скорее всего, не станут подвергаться факторному анализу со стороны исследователей в силу недостатка информации или понимания. Там, где детерминизм уместен в теории игр, а модель выбора логического обоснования, почти наверняка, не сможет должным образом охватить характер специфичного феномена ПНД, у ситуационного опыта ролевой игры и других сценарных методов все еще есть шанс выработать способность проникновения в суть, охватить непредсказуемость поведения и прийти к новому пониманию.

Понимание образа мыслей ПНД является лучшим источником для выводимого логическим путем анализа, который особенно важен и практически ценен, например, в разработке руководящих линий для защитных мер и контрмер. С помощью этого подхода можно прийти к лучшему осознанию процессов принятия решений в ПНД и рабочих механизмов при формировании целей. С.Дж.М. Дрейк указывает на значимость понимания этого ключевого положения в анализе ПНД:

Идеология какой-либо группы необычайно важна в определении целевого отбора. Она определяет то, каким образом члены группы видят мир вокруг себя. События и действия различных людей – как потенциальные объекты нападения, так и другие действующие субъекты – трактуются в отношении мотива террористов ... Когда группа принимает решение о применении насилия, первый шаг состоит в определении того, на кого или на что нападут. Идеология террористической группы идентифицирует «противников» группы путем предоставления мер, на основании которых оценивать «добро» или «зло», «невиновность» или «виновность» людей и учреждений.¹⁵

Один из уроков, вынесенных из нападений 11 сентября, - это потребность в отходе от того, чтобы строить предположения в отношении ПНД в соответствии с диктатами политики на злобу дня или на основе статистической очевидности (что имеет спорную ценность) по какому-либо вопросу, который не поддается количественному измерению в силу своей запутанности. Контрмеры должны следовать за пониманием, устанавливаемым *качественными* исследованиями, а не *количественными* исследованиями, и таким образом делать акцент на детальном, центрированном на действующем субъекте анализе. Терроризм – это «бизнес людей», и этим все сказано. Здесь перед академическим сектором во весь рост встает вопрос о том, что именно во все более неотложном призыве к усиле-

¹⁵ С.Дж.М. Drake, *Terrorists' Target Selection* (Basingstoke: Macmillan, 1998), 23.

нию потенциала людской разведки (HUMINT) должно относиться к миру секретных служб.

Зачастую правительственные организации не реформируются, несмотря на очевидный факт, что более успешная политика контртерроризма в большой степени основывается на осознании критической потребности справляться с аналитическими проблемами в том виде, в каком они определены на сегодняшний день недооцененными качественными исследованиями. Реформа также вращается вокруг активизации спорной самой по себе ценности абстрагированного анализа риска и оценки опасных пределов ошибки, полученной из-за приблизительного характера таких пределов в их роли в качестве детерминантов в процессах формирования политики.

Сначала нам нужно понять, с кем (действующие субъекты, мотивы и цели) и с чем (организации и возможности) мы имеем дело, прежде чем перейти к заключениям, сравнению фрагментов информации и ссылкам на какой-либо известный, но, возможно, неприменимый орган знаний, а также к выделению ресурсов для защиты и противодействия на этой основе. Здесь в качестве рекомендации вносится, хотя и не в полный голос, предупреждение не делать никаких предположений в отношении ПНД, основанных на абстракциях терроризма. Это особенно важно, так как такие предположения могут привести к процессам принятия решений на государственном уровне людьми, не имеющими никакого опыта работы либо очень незначительный опыт работы в отношении терроризма. Такие решения, в свою очередь, могут переводиться в политические директивы, колоссальные финансовые обязательства и излишние усилия – и, вероятно, не там, где это необходимо, и не в то время.

Внезапная обеспокоенность Соединенных Штатов в отношении своей критической инфраструктуры является показательным случаем расходов правительства на основе первоначально вполне прагматических толкований воспринимаемой эндемической террористической угрозы, которая в чем-то в соответствии с выработанной линией, стала достаточно обобщенной и абстрактной. Крупные правительственные фонды мобилизуются от имени программ Защиты критической инфраструктуры (ЗКИ), которые вступили в силу на правовой основе Директивного президентского решения номер 63 (ДПР-63) администрации Клинтона, подписанного в мае 1998 года.

Федеральное правительство США в настоящее время столкнулось с проблемой необходимости «минимизировать при ограниченных ресурсах ожидаемое воздействие какой-либо террористической атаки в будущем на критическую инфраструктуру государства».¹⁶ Несмотря на широкий спектр критической инфра-

¹⁶ John Moteff, Claudia Copeland, and John Fischer, “Critical Infrastructures: What Makes an Infrastructure Critical?” *Доклад, представленный исследовательской службой Конгресса перед Конгрессом* (Washington, D.C.: Library of Congress, 30 августа 2002 г.), 12.

структуры, определенной для защиты, в запросе правительства США указывалось, что «возникнет потребность в приоритетности определенных усилий, в размещении ограниченных ресурсов таким образом, чтобы минимизировать воздействие каких-либо террористических атак в будущем на инфраструктуру государства...».¹⁷ В отчете Конгрессу в августе 2002 года было выделено три критерия для определения размещения федеральных средств в духе ДПР-63:

- отсутствие чрезмерности, критический режим предоставляемых услуг и устойчивость критической инфраструктуры;
- устранение уязвимых мест и выработка потенциальных решений в инфраструктурах;
- идентификация и определение качества взаимозависимости между инфраструктурами.

В отношении последнего критерия авторы отчета написали следующее: «Идентификация таких средств и концентрация внимания на таких средствах, при которых связь одной инфраструктуры с другой могла бы быть рентабельным способом уменьшения общего воздействия какой-либо атаки».¹⁸ Парадокс такого взгляда состоит в том, что, будучи, возможно здравым в отношении доводов рентабельности, он косвенным образом *допускает*, что ПНД также признают и определяют *те же* взаимозависимые инфраструктуры в качестве приоритетных объектов нападения. Ошибка, допущенная в этой оценке, может потенциально свести на нет любую выгоду – финансовую или иную – в безопасности по отношению к критическим инфраструктурам. Важно то, что критерии, установленные авторами отчетов, нацелены на измерение незащищенности и уязвимости критических инфраструктур, исключая при этом один определяющий фактор, который мог бы, возможно, позволить им оценить действительный уровень угрозы и, следовательно, определить степень и конкретные средства требуемой защиты, - террористический действующий субъект.

Основная проблема в оценке уязвимых мест состоит в том, что они, кажется, увеличиваются, при более близком их рассмотрении; угрозы, несмотря на свою динамику и аморфность, не столь склонны к спонтанному воспроизводству. В то время как определение уязвимых мест является арбитражным упражнением сомнительной ценности, единственным мерилom которых является террористическое нападение, анализ угрозы представляет собой осуществимое мероприятие со значительной вероятностью ситуационных выгод и возможностью поддержки активных попыток вмешательства (контртеррористические операции).

Следовательно, оценка незащищенности и уязвимости по отношению к террористическим нападениям без рассмотрения источника угрозы – т.е. действующий

¹⁷ Там же, 11–12.

¹⁸ Там же, с. 12.

шего субъекта – в лучшем случае является сомнительным подходом, дорого обходящимся налогоплательщикам. За пару лет до опубликования этого отчета Конгрессу, было изложено четкое заявление экспертов перед Палатой представителей подкомитета по национальной безопасности, делам ветеранов и международным отношениям:

Принятие решений без общепринятого согласия в отношении угрозы и оценки риска имеет шанс на то, что решения о размещении важных ресурсов будут основываться на настоящих убеждениях, а не на глубоко обоснованном понимании исследуемой проблемы. Слишком большой акцент на сценариях худшего развития событий, оформляемых в основном оценкой уязвимости, а не оценкой, в которой определяются технические сложности, *мотивации террористов и модели их поведения*, как кажется, является той разновидностью подхода, которой мы должны избегать.¹⁹

Читая критическое заявление Джона Парачини, останавливаясь на моменте, поднятом Мартой Креншоу в отношении того, каким образом исследования по терроризму могут быть событийно движимыми, и заостряешь внимание на скептических замечаниях Эхуда Спринзака в отношении «великого страха перед супертерроризмом».²⁰ Можем ли мы, следовательно, позволить «настоящим убеждениям» актуализировать «событийно движимый» подход к исследованиям по терроризму, который, в свою очередь, приводит к возможности экспоненциальной траектории аналитической ошибки? Можем ли мы позволить финансировать защиту всех поддающихся идентификации критических инфраструктур против любой без исключения более или менее вероятной угрозы, исходящей от ПНД? И, наконец, можем ли мы позволить себе исключить действующий субъект как центральную фигуру любого анализа угрозы?

Очевидным ответом на все эти риторические вопросы будет решительное «НЕТ». В том смысле, что здесь меньше «зона» охвата, чем у анализа уязвимости и незащищенности; анализ, центрированный на действующем субъекте, возможно, более эффективен в контексте ЗКИ, поскольку он привязан к идентификации источника угрозы. Здравый смысл предполагает, что любое реагирование на ЗКИ должно быть градуировано в пропорции к действенной угрозе со стороны ПНД и относительно его критериев отбора объекта нападения. Защита критических инфраструктур против всех известных факторов, способствующих их уяз-

¹⁹ Заявление Джона В. Парачини – старшего члена-корреспондента Центра по изучению вопросов нераспространения Монтерейского института международных исследований - перед Подкомитетом по национальной безопасности, делам ветеранов и международным отношениям Палаты представителей содержится в *Combating Terrorism: Assessing the Threat* (20 октября 1999 г.), 9 (курсив мой). Полный текст заявления содержится на веб-сайте Федерации американских ученых: http://www.fas.org/irp/congress/1999_hr/991020-test2.htm.

²⁰ Crenshaw, “Psychology of Terrorism,” 21; Ehud Sprinzak, “Great Superterrorism Scare,” 33.

вимости, делает задачу создания соответствующей защиты практически невозможной и, таким образом, приводит к изначально не существовавшим уязвимым местам. Рассматриваемая подобным образом, защита критической инфраструктуры, основанная на анализе уязвимости, может способствовать созданию новых уязвимых мест.

Также рассмотрение замечания Парачини по сценариям худшего развития событий вытекало из оценок уязвимости как точки отсчета для защитных мер и помещает его рядом с концепцией расширяемости воздействия. ПНД может удасться разрушать или повреждать критические инфраструктуры из-за их решения просто не играть по правилам «автора» сценария ЗКИ, который вывел свою оценку из «взгляда на уязвимость», а вместо этого «сбить» ожидаемую силу атаки, выбрав нетипичную, трудную мишень и напав на нее, применяя обычные средства «с режущей кромкой». Представьте себе, что включенная критическая инфраструктура является военной установкой, например, силосохранилище, укрывающее межконтинентальные баллистические ракеты с боеголовками индивидуального наведения, или необъяснимая мишень-символ, имеющая для действующего субъекта такое значение, которое вовсе не очевидно для защитника.

На общем уровне всеобщей целью методологических преимуществ в изучении терроризма должна, в конечном итоге, стать консолидация аналитических методов и практики – совпадения анализа риска и разведывательного анализа. Анализ, центрированный на действующем субъекте, однако, должен стать центральным для обоих видов; если мы хотим и понять угрозу, и экстраполировать риски, исходящие от ПНД, мы вынуждены понять их идиосинкразическую «логику», которая, бесспорно, является логически выводимой основой относительно практической деятельности, целей и мотивов ПНД.

В следовании этой задаче мы не должны изобретать велосипед, а можем прибегнуть к помощи существующего методологического богатства: от практики разведывательного анализа, такого как «Анализ конкурирующих гипотез», до микроисторических подходов, до изучения конкретных случаев, до анализа поведенческих характеристик в области психологии криминальных расследований. Поскольку любой профиль ПНД зависит от взглядов (т.е. восприятия угрозы), которые мы принимаем, мы должны попытаться не изображать статические образы, а, скорее, стараться создать динамическую киносъемку, подкрепляемую мультидисциплинарной подпиткой от проводимых наблюдений на месте и проникновения в суть благодаря изучению предмета. Если мы позволим себе лучше понять контекст, в котором и из которого функционируют ПНД, то это будет нашей лучшей надеждой на пресечение в будущем нападений и разрушений со стороны кадровой базы ПНД и их потенциала. Изучение хода мыслей авторов терроризма и принятия ими решений – наша лучшая линия обороны против потенциально более мощного терроризма будущего.

Эмоции, бедность или политика? Неправильные представления об исламистских движениях

*Энн Мари Байлоуни **

В последние годы насильственные движения, действуя от имени ислама, катапультировались на основную сцену важнейших вопросов внешней политики США. Однако, до того как будут сформулированы конкретные стратегии работы с этим явлением, необходимо понять природу и динамику самой исламистской мобилизации.¹ Что движет индивидуумом, когда он вступает в исламистскую группу и, возможно, участвует в насилии? В каких условиях эти группы смягчат свои позиции, а в каких - могут радикализиться? Хотя наши политические решения о том, как вести себя с мусульманским миром и международным терроризмом, неизбежно вращаются вокруг наших ответов на эти вопросы, серьезное применение теории все же отсутствует.²

Уроки, извлеченные из изучения конфликтных и претенциозных политических курсов, дают ценный взгляд на разгадку сложной политической лояльности в мусульманском мире и в дальнейшем способствуют формулированию политических предписаний для приглушения насильственных манифестаций исламистских движений. В частности, теория социальных движений демонстрирует, что местное политическое включение может стимулировать умеренность, задерживая рост воинствующего исламизма в зародыше.

Теоретические объяснения и несоответствия

Анализ корней исламизма обычно основывается на эмоциях, экономическом отчаянии или культурном гневе. В соответствии с такой аргументацией, бедность, неприятие западной культуры или отсутствие надежд на будущее подталкивают

* Энн Мари Байлоуни является доцентом кафедры вопросов национальной безопасности Школы аспирантов ВМС. Данная статья издавалась ранее в «Стратиджик Инсайтс» - электронном ежемесячном журнале Центра современного конфликта Школы аспирантов ВМС.

¹ Термин «исламизм», или «политический ислам», предпочтительнее термина «исламский фундаментализм», поскольку термин «фундаментализм» вытекает из протестантско-христианского контекста и лишь в определенной степени может быть соотнесен с движениями в исламе.

² Специалисты по Ближнему Востоку и исламу зачастую ограничиваются изучением региона, оставаясь равнодушными к социологическим расширенным исследованиям оппозиционных политических курсов, и непреднамеренно оперируют дискредитировавшими себя теоретическими рамками. Со своей стороны, ученые, которые ориентируются на теорию, обычно сторонятся исламизма, возможно, из-за веры в предполагаемую культурную исключительность региона или из-за его общепризнанно специфического характера.

людей к участию в деятельности групп, которые ставят перед собой цель либо посредством создания исламского государства, либо путем изоляции от мирового сообщества вернуть мусульманскому миру былую славу. Одни связывают исламизм с бедностью и лишениями. Другие, включая самих исламистов, вторят утверждению Сэмюэля Хантингтона о том, что Запад культурно противостоит остальному миру. В соответствии с этими теориями, политические курсы, направленные на уменьшение привлекательности исламизма, могли бы, таким образом, концентрироваться либо на экономическом росте, либо на культурном разделении; остальной мир должен работать над тем, чтобы либо повысить уровень жизни в мусульманских государствах, либо уменьшить темп их интеграции в мировую экономику. Привлекательные сами по себе, такие цели могут быть представлены в избытке; данные по исламизму и по оппозиционным движениям в общем указывают на то, что подравнивание экономического и культурного угнетенного состояния под исламизм не действует или, на худой конец, является неполным.

Исламизм, в соответствии с этими психологически и экономически обоснованными объяснениями, является результатом взрыва сдерживаемых обид,³ последним прибежищем для человека, которому «все надоело» и который сходит с ума.⁴ Хотя у этой теории и есть интуитивный смысл, она не соответствует реальности. Как показали исследования многих ученых, варьирование экономических обстоятельств по регионам и временным периодам не имеет четких параллелей с возникновением восстаний и движений протеста.⁵ В действительности, экономические обиды изобилуют на протяжении истории, но все же движения, основанные на них, достаточно редки. Когда же повод для недовольства становится достаточно острым для того, чтобы породить движение? И почему голодающее население зачастую не поднимает восстания, хотя их обеспеченные соседи восстают? Исламистская революция в Иране возникла в контексте экономического изобилия, и анализ мусульманских стран демонстрирует отсутствие соответствий между этой теорией и действительной историей исламистских действий.⁶

³ Этот тезис о роли относительности лишений в восстании впервые был использован Тэддом Робертом Герром в *Why Men Rebel* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1970).

⁴ Один студент привел красочное сравнение этой теории с фильмом Майкла Дугласа «Падение».

⁵ См. Mohammed M. Hafez, *Why Muslims Rebel: Repression and Resistance in the Islamic World* (Boulder, CO: Lynne Rienner, 2003); Sidney Tarrow, *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*, 2nd ed. (New York: Cambridge University Press, 1998); Charles Tilly, *Popular Contentions in Great Britain, 1758–1834* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995); и Charles Tilly, *From Mobilization to Revolution* (New York: McGraw-Hill, 1978).

⁶ Hafez, *Why Muslims Rebel*.

Социальное происхождение конкретных членов движения только подтверждает ошибочность таких идей. Исламистские активисты не являются лишенцами в экономическом плане, точно так же как и не являются традиционными представителями своей культуры. Они не являются ни одиночками, ни маргинальными индивидуумами, находящимися в поисках смысла и принадлежности, людьми, не способными ужиться с современным обществом. Напротив, исламисты происходят из наиболее технически развитых секторов общества, часто это студенты и выпускники машиностроительных и технических учебных заведений. У исламистских активистов прочные корни со своими общинами и обширные личные сети, аналогичные сетям террористов-националистов в других регионах мира.⁷ Террористы, действовавшие 11 сентября, а также террористы-смертники на Палестинских территориях – яркое тому свидетельство.⁸ Анализ деятельности приверженцев «Хезболлы» показывает, что, несмотря на свою риторику, эта партия в действительности не представляет нижние классы; скорее, основная масса ее сторонников - выходцы из среднего и высшего классов.⁹

Концентрация внимания на религии и религиозности в определении исламистов точно так же вводит в заблуждение. Религиозность и участие в политическом исламе прямо не соотносятся; исламисты и их сторонники не более религиозны, чем неисламисты. Подобным же образом уровень поддержки исламистских движений кардинально расходится с уровнем приятия народом их целей – в особенности, установления исламского государства. В Ливане подавляющее большинство приверженцев «Хезболлы», наряду с большей частью шиитов в общем, предпочитают западную политическую систему (по модели Швейцарии или Соединенных Штатов), а не теократическую. Расхождения, которые существуют между процентом людей, голосовавших за «Хезболлу», и теми, кто выбирает «Хезболлу» в качестве устраивающей их политической партии, с низким рейтингом последних, – указывают на практику стратегического голосования, а не на повсеместно распространенную веру в само это движение. Члены «Хезболлы» не являются в существенной степени более религиозными, чем сторонники светских политических партий. В действительности, значительный ряд крайне религиозных людей заявил о своей оппозиции к учреждению исламских

⁷ См. Peter Waldmann, “Ethnic and Sociorevolutionary Terrorism: A Comparison of Structures,” 237–57, и Donatella Della Porta, “Introduction: On Individual Motivations in Underground Political Organizations,” 3–28, обе статьи в *Social Movements and Violence: Participation in Underground Organizations*, ред. Donatella Della Porta (Greenwich, CT: JAI Press, 1992).

⁸ В отношении последних см. Lori Allen, “There Are Many Reasons Why: Suicide Bombers and Martyrs in Palestine,” *Middle East Report* 223 (лето 2002 г.): 34–37.

⁹ Judith Palmer Harik, “Between Islam and the System: Sources and Implications of Popular Support for Lebanon’s Hizballah,” *Journal of Conflict Resolution* 40:1 (март 1996 г.): 55.

политических партий.¹⁰ Исследования, проведенные в отношении Западного Берега и сектора Газа, выявляют аналогичные мнения. В целом, менее трех процентов палестинцев на Палестинских территориях желали бы видеть исламское государство, в то время как почти двадцать один процент палестинцев доверял «Хамасу» больше, чем какой-либо другой политической фракции.¹¹

В действительности, культура и экономика только косвенным образом относятся к исламистской мобилизации различного рода насильственных и умеренных групп.¹² Проявления недовольства в отдельности не создают какого-либо движения. Самое большое, они лишь элемент, который организаторы могут эксплуатировать в организации движения. Тот факт, что для организации движений необходимы значительные ресурсы и сети, вступает в прямое противоречие с объяснениями исламизма, основанными на экономических лишениях.¹³ Лидеры обычно происходят из относительно привилегированных социальных групп. Таким образом, сущность движения и способность мобилизации его членов более важна, чем общие заявления о побуждениях, разрабатываемые западной прессой. Что нужно сделать для того, чтобы сначала привлечь последователей, а затем организовать их в сеть?

Теория социальных движений и исламистское реагирование на демократическую приманку

Теории конфликтных или соперничающих политик, из которых теория общественных движений является наиболее заметной ветвью, оптимальны при обра-

¹⁰ Обнаружено, что значительный процент очень религиозных людей больше всего не доверяет религиозным политическим партиям. Harik, "Between Islam and the System," 41–67. В подтверждение этих выводов см. данные Хамзеха, приводимые в работе Нортон, Augustus Richard Norton, "Religious Resurgence and Political Mobilization of the Shi'a in Lebanon," в *Religious Resurgence and Politics in the Contemporary World*, под ред. Emile Sahliyah (Albany: State University of New York Press, 1990), 229–41.

¹¹ Что интересно, поддержка исламского государства на Западном Берегу была выше, чем в секторе Газа – родине «Хамаса». Иерусалимский центр СМИ и коммуникаций, *Public Opinion Poll No. 42: On Palestinian Attitudes Towards Politics Including the Current Intifada—September 2001*, www.jmcc.org/publicpoll/results/2001/no42/htm.

¹² Доминирующая типология в настоящее время проводит различия между радикальными (т.е. насильственными или экстремистскими) и умеренными движениями. Эта классификация может быть основана либо на тактике, которую избирает движение, либо чаще всего на заявленном движением конечных целях в отношении к действующей политической системе. Люди, придерживающиеся умеренных взглядов, работают внутри системы, часто концентрируясь в организациях социального обеспечения или в гражданских общественных организациях.

¹³ John D. McCarthy и Mayer N. Zald, "Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory," *American Journal of Sociology* 82:6 (май 1977 г.): 1212–41.

шении к этим вопросам.¹⁴ Теория социальных движений уже долгое время занимается вопросами терроризма и насильственного конфликта. Через призму теории социальных движений загадка исламизма, трудная для решения с других точек зрения, становится ясной. Помимо демонстраций и организации кампаний по написанию писем, распространенных в демократических системах, конфликтная политика охватывает континуум от мятежей до революций и терроризма.¹⁵ Сюда включаются и ненасильственные движения, обычно относимые к социальным движениям, но они редки в авторитарных системах.

Несмотря на заявления приверженцев движений, настоящие побудительные поводы исламизма для недовольства - вопросы местного значения. Как и в других социальных движениях, включая кампанию антиглобалистов, исламисты в решении движущих ими вопросов сосредотачиваются на своих городах, своих государствах и местной экономике. Исламистские движения значительно отличаются друг от друга, так как их формируют государства, которым они противостоят, ресурсы, имеющиеся у них, их сети и другие специфически локальные факторы. Даже внутри одного и того же государства движения могут иметь кардинально противоположные программы мотивирования. Некоторые исламистские движения даже соперничают друг с другом и пытаются нейтрализовать своих соперников.¹⁶ Заявления со стороны лидеров групп и исламистские уставы должны, таким образом, рассматриваться в свете их действий по реагированию на конкретные изменения. Публично «Хамас» вполне может заявлять о своей приверженности цели уничтожения Израиля, но все-таки на практике он является значительно более умеренным. Какие условия будут способствовать перемирию или, альтернативно, готовности установить легитимную политическую партию и

¹⁴ По теории социальных движений см. Doug McAdam, Sidney Tarrow, and Charles Tilly, *Dynamics of Contention* (New York: Cambridge University Press, 2001); тех же авторов, "To Map Contentious Politics," *Mobilization* 1:1 (1996): 17–34.

¹⁵ Следуя трактовке Тарроу, конфликтная политика может быть определена как коллективная деятельность со стороны предъявляющих права людей, использующих экстраинституциональные каналы для передачи своих требований. В достижении своих целей их требования и деятельность осуществляются относительно господствующей политической системы, членов элиты или оппозиции. Социальные движения являются оппозиционной угрозой, которая постоянно поддерживается вне четко определенного момента протеста. Sidney Tarrow, "Political Protest and Social Change: Analyzing Politics," *American Political Science Review* 90:4 (декабрь 1996 г.): 874–83.

¹⁶ Наглядными примерами являются различные движения в Египте. Mamoun Fandy, "Egypt's Islamic Group: Regional Revenge?" *Middle East Journal* 48:4 (осень 1994 г.): 607–25; Ziad Munson, "Islamic Mobilization: Social Movement Theory and the Egyptian Muslim Brotherhood," *Sociological Quarterly* 42:4 (2001): 487–510; David Zeidan, "Radical Islam in Egypt: A Comparison of Two Groups," в *Revolutionaries and Reformers: Contemporary Islamist Movements in the Middle East*, под ред. Barry Rubin (Albany: State University of New York Press, 2003), 11–22.

участвовать в демократических выборах?¹⁷ Как заметил Тилли, «риторика восстания» не равняется действительному поводу для недовольства. Альтернативная логика выявляется при рассмотрении совокупности деятельности движения, а не в простом рассмотрении их заявлений.¹⁸

Признание исламизма как формы оппозиционной политики указывает на то, что его траектория не является беспорядочной, а, напротив, регулируется политическими соображениями и стратегическими расчетами. Такая траектория может вылиться в различные формы протеста и организационного объединения, включая гражданское общество и организации социального обеспечения при уместных и заслуживающих доверия побуждениях. Действительной зоной влияния для таких движений является та масса политических возможностей, с которыми они сталкиваются. Ключевыми вопросами для политиков являются следующие: каковы доминирующие отношения власти, каким образом данная группа хочет изменить эти отношения и какие пути включения в данную политическую систему являются открытыми, а какие - закрыты. Третий вопрос включает раскол среди элиты, который эти движения могут использовать в своих интересах, возможности принимать участие в выборной политике и характер репрессий со стороны государства.

Исключение из политической системы или включение в нее играют важную роль в радикализации движений. Хотя боязнь «одного человека, одного голоса, одного времени» и будет сохраняться, данные указывают на то, что, когда предоставляется возможность участия в политике ценой умеренности в действиях, движения будут менять свой характер в ответ на этот стимул. Опыт «Хезболлы» является иллюстрацией этой динамики. Более умеренными становятся не только позиции этой группы, для того чтобы вступить на путь выборной политики, но также перестраивается ее главная цель - сформулированная группой задача исламского государства, о которой уже было упомянуто выше. Значительная часть христианского населения, проживающего в Ливане, придает этой ситуации особый характер, и «Хезболла» должна прислушиваться к христианам, чтобы избежать возобновления конфликта.¹⁹ Партия сформировала союзы с христианами и поддерживала христианских кандидатов на выборах. Стимулом, двигавшим

¹⁷ См. Shaul Mishal и Avraham Sela, "Participation without Presence: Hamas, the Palestinian Authority and the Politics of Negotiated Coexistence," *Middle Eastern Studies* 38:3 (июль 2002 г.): 1–26; и Robert A. Pape, "The Strategic Logic of Suicide Terrorism," *American Political Science Review* 97:3 (август 2003 г.): 343–61.

¹⁸ Tilly, *Mobilization to Revolution*, 234.

¹⁹ См. Nizar A. Hamzeh, "Lebanon's Hizbullah: From Islamic Revolution to Parliamentary Accommodation," *Third World Quarterly* 14:2 (1993): 321–37; Muhammad Hussayn Fadlallah, "Interview: Islamic Unity and Political Change," *Journal of Palestine Studies* 25:1 (осень 1995 г.): 61–75.

«Хезболлой», была демонстрация фундаментальной логики движения, несмотря на какую-либо риторику обратного.

Демократическая теория долгое время считала, что участие на официальном политическом поприще делает политические партии более умеренными. Движения кооптируются, предпочитая работать в границах данной системы. Они в большей степени полагаются на изменения путем политического процесса, чем на рискованный вариант насильственного конфликта. Более того, как только у лидеров или политических партий появляются законные интересы в системе, они будут оказывать давление на более радикальные крылья своих движений, чтобы не ставить под угрозу установленную ими позицию. С другой стороны, когда оппозиционная партия является нелегальной, не существует никаких стимулов для того, чтобы сделать ее более умеренной.

Для мобилизации непрерывной поддержки организации должны публично продемонстрировать прочность движения, своего рода рекламирование или связь с избирателями. Информационные бюллетени, возможно, хороши для «Гринпис», но нелегальное движение должно использовать альтернативные публичные средства информирования о своем существовании.²⁰ «Си-Эн-Эн» прекрасно подходит для международных движений; местные новости довольствуются внутренними движениями. Насилие – это та тактика, которая может использоваться для того, чтобы сделать движение спаянным, сформировать его особенный характер и способствовать групповой солидарности. При отсутствии эффективного участия в сфере политики насилие также выполняет для движения функцию сообщения требований движения властям.²¹ Когда группы легальны, то общественные действия, такие как демонстрации, могут выполнять эту важную роль. Легализация предоставляет альтернативу – узаконить средства для обеспечения организационного выживания.

Кроме того, движения не просто основываются на существующих заранее идентификационных характеристиках или служат отражением уже сформированных групповых чувств. Напротив, социальные движения активно моделируют новую идентичность, главным образом через метод конструирования. Конструирование – это формулировка идеологических схем, похожих на лозунги, которые

²⁰ Социальные движения излагают коллективные требования и предпринимают мобилизацию или другие общественные виды деятельности, которые объединяют избирателей. Charles Tilly, “From Interactions to Outcomes in Social Movements,” в *How Social Movements Matter*, под ред. Marco Giugni, Doug McAdam, и Charles Tilly (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999), 253–70.

²¹ Насилие может не иметь отношения к действительным целям движения, но вместо этого оно может применяться чисто в целях создания организационной сплоченности. Martha Crenshaw, “Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches,” в *Inside Terrorist Organizations*, под ред. David C. Rapoport (Portland, OR: Frank Cass, 2001), 13–31.

«продают» движение избирателям. Структура может резонировать с населением, имея уже существующие лозунги, хотя в то же самое время трансформирует их культурный смысл. Проблемы воспринимаются как несправедливые обиды, в которых можно четко определить виновного, а движение предлагает решение. Знакомые символы используются по-новому, зачастую – в русле того, что теология освобождения сменила христианство, переформировывая бедность, когда-то принятую как волю божью, в социальный вопрос фундаментальной несправедливости.

Религия играет ключевую роль в исламистских движениях, но не из-за доктринальной специфики или религиозности исламистов. Как показала практика, ислам в исламистских движениях используется очень вариативно, перенимая аспекты национализма и идеологии левого толка или мобилизации ленинизма, часто рассматриваемого прямо противоположным самой религиозной доктрине.²² Религиозные движения имеют явные преимущества в авторитарных режимах. Ислам предоставляет рамки для солидарности, особенно, когда другие формы организации запрещены. Религиозные движения могут не только монополизировать организационное поле из-за часто встречающихся жестких ограничений на мобилизацию, но религия также олицетворяет символы справедливости, выходящие за рамки рациональных исчислений индивидуума в отношении затрат и результатов.²³ В недемократическом окружении символический протест – чадра, *каффия*, цвета флага или туманные лозунги типа «Ислам – это решение» – доминирует в политической коммуникации. Ресурсы и сети, требуемые для мобилизационной поддержки и неотъемлемые для успеха социальных движений, также являются институциональным наследием религии и ее благотворительной деятельности. В большинстве стран Ближнего Востока исламистские движения поддерживались государством в предыдущие десятилетия как противоположность левым движениям, и регион в настоящее время пожинает плоды такой политики.²⁴ Сегодня исламистские благотворительные учреждения заменяют обанкротившиеся государственные учреждения социального обеспечения.

²² Henry Munson, “Islam, Nationalism and Resentment of Foreign Domination,” *Middle East Policy* 10:2 (лето 2003 г.): 40–53; As’ad Abu-Khalil. “Ideology and Practice of Hizballah in Lebanon: Islamicization of Leninist Organizational Principles,” *Middle Eastern Studies* 27:3 (июль 1991 г.): 390–403.

²³ Ron Aminzade и Elizabeth J. Perry, “The Sacred, Religious, and Secular in Contentious Politics: Blurring Boundaries,” в *Silence and Voice in the Study of Contentious Politics*, под ред. Ronald R. Aminzade, Jack A. Goldstone, Doug McAdam, Elizabeth J. Perry, Jr., William H. Sewell, Sidney Tarrow, и Charles Tilly (New York: Cambridge University Press, 2001), 155–78.

²⁴ Joel Beinin и Joe Stork, “On the Modernity, Historical Specificity, and International Context of Political Islam,” в *Political Islam: Essays from Middle East Report*, под ред. Joel Beinin и Joe Stork (Berkeley: University of California Press, 1997), 3–25.

Сам по себе демократический процесс может стать центральным в нейтрализации стимула для насильственной тактики в исламистских движениях; однако, такая демократия должна считаться справедливой, подлинной и законной в государстве, о котором идет речь. Арабский мир изобилует странами, выборы в которых являются демократическим фасадом, позволяющим уходить от международной критики, но за этим фасадом кроются серьезные нарушения процесса выборов. Намного большее количество стран использует риторику исламизма для недопущения гражданских свобод и основных прав человека, в нужное время «подбрасывая дрова в костер» динамики, которая направляет целевые организации к использованию ими насильственной тактики в борьбе с оппозицией. Любая политика поощрения демократии должна быть единообразной, а не отстраняющей участников от демократического процесса и не отменяющей выборов, как это было в Алжире.

Заключение

Сегодня исламизм является одной из самых важных геополитических тем, но все же он очень часто понимается превратно. Мы многое теряем, когда игнорируем знания, накопленные за годы изучения других регионов мира, данные, которые могли бы помочь правильно определить суть исламизма, его причины, время, когда он становится насильственным, и оптимальные цели нашей политики в отношении исламизма. Прагматизм движений предоставляет возможность создания целевых политических курсов. Игнорирование тенденции исламистских движений в реагировании на демократические стимулы равносильно узости взглядов, которое заставило удивляться падению Советского Союза или революции в Иране.

Некоторые люди и группы могут переходить все границы дозволенного, будучи невосприимчивыми к уговорам со стороны демократической политики. Но даже такие группы «жесткого курса» выросли из местных политических курсов и могли бы быть «сглажены» на этом уровне. «Арабские афганцы», т.е. арабы, которые сражаются в Афганской войне, сначала заслужили свои звания в радикализации на местном фронте. Будучи подавленными и неспособными действовать в своих странах, они эмигрировали, в конце концов, присоединившись к международным группам, которые испытывают недостаток в местной социальной базе. Этот процесс может быть приостановлен на локальном уровне путем определения оперативных политических поводов для недовольства и открытия политической сферы для соревнования. Исламистские лидеры, для того чтобы стать политическими игроками, должны расширить состав своих избирателей и быть подотчетными им. Учитывая разобщение между целями населения и целями исламистской элиты, вероятнее всего, произойдет смягчение позиций.

Будущие тенденции в мировом морском терроризме

Джошуа Синай *

В настоящее время все предупреждающие знаки показывают самое высокое состояние тревоги в отношении террористических нападений на морской сектор в мировом масштабе. «Аль-Каиду» и ее союзников рассматривают в качестве структур, представляющих наибольшую опасность для морского сектора, как для военных, так и для торговых кораблей различных размеров, бороздящих мировые воды, или для портов и связанных с ними объектов. Перед портами, в действительности, стоит угроза оказаться либо действительными объектами для нападений, либо пунктами ввоза контрабандного оружия, включая оружие массового поражения (ОМП). Вторым потенциальным компонентом военного терроризма для террористических групп является аренда кораблей и судов для перевозки оружия от разнообразных поставщиков к своим намеченным получателям. В конечном счете, сегодня серьезно обеспокоены тем, что какая-нибудь террористическая группа типа «Аль-Каиды» - характеризующейся достигаемостью глобального характера, включая свой собственный флот кораблей, – имеет побуждение и потенциал предпринять операцию с применением ОМП на воде против американских и других портов путем взрыва устройства ядерного или радиологического рассеивания, таким образом угрожая человеческим жизням и экономической жизнедеятельности этого региона.

Соединенные Штаты и их союзники – включая Францию – особенно уязвимы перед морскими террористическими нападениями из-за своего присутствия на море во всех регионах мира. Некоторые страны, такие как Израиль и Шри-Ланка, уже на протяжении долгого времени сталкиваются с террористическими военными действиями на море. На многих международных водных путях государства также вплотную сталкиваются с угрозой морского пиратства или отгрузки нелегальных наркотиков с одного судна на другое. Хотя такая криминальная деятельность может и не быть напрямую связанной с терроризмом, существует возможность ее перемещения на террористическую арену из-за возросшего сцепления и совместных действий между криминальными и террористическими организациями.

Мировую морскую транспортную систему составляют более 46 000 судов и около 4 000 портов.¹ Перевозка грузов является критически важной для благосостояния мировой торговли, так как, согласно недавнему отчету Организации по

* Д-р Синай является специалистом по вопросам транснационального терроризма Аналитической службы (АНСЕР) в Арлингтоне, Виржиния, и консультантом по вопросам угрозы терроризма/оценки риска в корпоративном секторе.

¹ “Maritime Security Measures to Amplify Cost for Shipping,” *Transport Security World*, 29 июля 2003 г.

экономическому сотрудничеству и развитию, более 80 процентов мировой торговли осуществляется по морю.² Однако, как отмечалось в этом отчете, большая часть морской инфраструктуры является «открытой и гибкой – это те атрибуты, которые делают ее уязвимой для террористических нападений и неправильного использования...».³ По этим причинам данный сектор «может быть использован для сокрытия оружия или предоставления материально-технической поддержки террористическим организациям. Так как истинного владельца кораблями легко скрыть, эта система также может служить источником получения средств для террористов».⁴ Наиболее беспокоит тот факт, что «широкомасштабная и хорошо скоординированная» атака против этого сектора может серьезно разрушить целую систему морского транспорта, выведя из строя большую часть ее.⁵ В действительности, в соответствии с одним исследованием, в котором было смоделировано нападение крупными силами на морскую инфраструктуру США, затраты на такое нападение могут достигать 58 млрд. долларов США.⁶

Таким образом, угроза морского терроризма приобретает сегодня особую значимость. Точно так же, как и при наземном или воздушном террористическом ведении войны, группы, которые участвуют в морских военных действиях, стремятся к массовым жертвам и разрушению экономического благосостояния и безопасности своих государств-противников.⁷ Например, когда террористы, принадлежащие египетской организации «Аль-Гамаа аль-Исламия» (также известной как «Исламская группа»), с 1992 по 1994 г.г. четыре раза совершили нападения на круизные лайнеры, следовавшие вдоль по Нилу, туристы стали опасаться ездить в Египет.⁸ На Филиппинах нападения группы Абу Сайафа на грузовые корабли или похищения иностранцев с туристических курортов (как это было в 2001 году), оказали воздействие на торговлю и экономику всей страны. В Сомали, когда милиционеры нападали с целью грабежа на иностранные корабли, стоявшие у береговой линии страны, иностранные корабли ушли из этого региона. В январе 1996 года захват турецкого пассажирского парома террористами прочеченского толка обнажил уязвимость к террористическим нападениям для пассажирских паромов на Босфоре, а также в проливах Эгейского и Черного морей.⁹ В октябре 2000 года бомбардировка террористами-смертниками «Аль-

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Сценарий нападения террористов был смоделирован Правлением Конференции и Бузом Алленом Хамильтоном; там же.

⁷ Rohan Gunaratna, “Trends in Maritime Terrorism: The Sri Lankan Case,” *Lanka Outlook*, осень 1998 г.

⁸ John Sitalides, “U.S. Strikes Expose Emerging Regional Threats,” *The HR-Net Forum [The Washington Monitor]*, 28 августа 1998 г.

⁹ Там же.

Каиды» американского военного корабля «Коул» в йеменском порту Аден, унесшая жизни 17 американских военнослужащих; раскрытый заговор боевиков «Аль-Каиды» подвергнуть бомбардировке американские и британские военные корабли, а также торговые нефтяные танкеры в Гибралтарском проливе; бомбардировка 6 октября 2002 года террористами-смертниками французского танкера «Лимбург» в Аденском заливе – все это яркие напоминания того, что мировые военные и экономические суда представляют собой возможные объекты «добычи» для террористических групп. В ответ на это западные пассажирские круизные лайнеры стараются не заходить в населенные пункты в восточной части Средиземноморья или на Ближнем Востоке, которые ранее были необычайно популярными местами туристических посещений.

В данной работе ставится цель – дать общее представление о последних и будущих тенденциях в мировом морском терроризме, а также показать их в отдельности. Это важно по ряду причин. Что касается тактики, то точно так же, как это было 11 сентября 2001 года, когда боевики «Аль-Каиды» использовали «традиционную» террористическую тактику захвата самолетов, чтобы на них взрваться в наземные объекты, сотрудникам морской безопасности следует ожидать возрождения того, что террористы будут выбирать в качестве объектов нападения морские корабли и соответствующие транспортные узлы, которые были популярными объектами нападений у террористов в 1970-х и 1980-х г.г. В результате таких тенденций, сегодня повсеместно обеспокоены тем, что нововведения со стороны террористических групп и их спонсоров в разработке новой морской террористической тактики и оружия приведут к возросшему разрушительному эффекту, что касается человеческих жертв, физического ущерба и экономических затрат для морского сектора. Такая новая тактика и вооружение могут также стать все более трудными для обнаружения, поскольку террористические группы используют корабли тайно и применяют методы и технологии, затрудняющие их обнаружение. Будем надеяться, что всестороннее понимание этих новых тенденций предупредит об опасности всех тех, кто связан с критической морской транспортной инфраструктурой – будь то правительственной или частной, военной или торговой, - и заставит их принять необходимые защитные и упреждающие меры для предотвращения таких нападений, в особенности тех, в которых может использоваться оружие массового поражения.

Данная работа состоит из пяти частей:

- Общее представление о связях между морским терроризмом и пиратством, оружием, наркотиками и контрабандой людей;
- Исследование террористических групп, обладающих возможностями ведения морских военных действий;
- Краткий обзор региональных морских «горячих точек»;

- Частичный список потенциальных объектов морского терроризма при концентрации внимания на морских силах и средствах США;
- Оценка будущих морских террористических тенденций.

В заключительном разделе статьи суммируются некоторые новые тенденции в морском терроризме, которые требуют ситуационной осведомленности и упреждения.

I. Связи между морским терроризмом, пиратством, оружием, наркотиками и контрабандой людей

Акты морского пиратства, контрабанды наркотиков, оружия и людей через морские маршруты и использование водных путей террористическими группами взаимосвязаны и должны рассматриваться как часть крепнущих распространенных связей между морской криминальной деятельностью и терроризмом.

Морское пиратство

Пиратство на море считается международным преступлением. Оно также является формой терроризма, поскольку, как и терроризм, оно использует насилие в выборе в качестве объектов нападения экипажей судов, пассажиров и владельцев судов для извлечения коммерческой и в некоторых случаях политической выгоды.¹⁰ Морское пиратство взаимосвязано с терроризмом, поскольку, как сказал на недавно проходившей конференции АСЕАН премьер-министр Филиппин Теофисто Гингона, «современная версия» пиратства имеет «политический подтекст, хотя использует традиционные пути, включая похищения людей ради выкупа. Пиратство иногда связано с раскольническими стремлениями некоторых групп общества или просто с мусульманской воинственностью».¹¹ Исламское сепаратистское движение Абу Сайафа, действующее в южной части Филиппин, является примером террористической группы, которая также занимается похищением людей, захватом судов или использованием судов в заграничных набегах для захвата иностранных заложников. Это движение также очень опасно из-за своих связей с «Аль-Каидой».

Главными регионами морского пиратства являются Южно-Китайское море, индонезийские филиппинские воды, Бангладеш, пролив Малакка, Индия, Эквадор, а Бенгальский залив и пролив Малакка считаются основным «центром тяжести» пиратства.¹² В 2000 году был отмечен 471 случай морского пиратства и вооруженного грабежа судов.¹³ Около половины случаев произошло на загруженных

¹⁰ Командер Vijay Sakhujа, “Challenging Terrorism at Sea,” No. 679, 19 января 2002 г., на сайте <http://www.ipcs.org/issues/newarticles/679-ter-sakhujа.html>.

¹¹ “ASEAN, EU Experts Discuss Fighting Terrorism at Sea,” *AFP*, 25 февраля 2002 г.

¹² Там же.

¹³ Там же.

морских линиях Юго-Восточной Азии, пролива Малакка и Индийского океана. Пираты стали чаще убивать людей: было убито 72 члена экипажей, 129 ранено, и 5 человек пропали без вести.¹⁴ Подобные цифры выросли по сравнению с прошлым годом на 57 процентов.¹⁵

Использование террористами морских судов для контрабанды наркотиков

Террористы прибегают к наркотерроризму, занимаясь производством и/или отгрузкой наркотиков с одно судна на другое для финансирования своих операций; наркотерроризм также использует террористическую тактику со стороны наркоторговцев для того, чтобы не допустить вмешательства государственных органов безопасности и правоохранительных органов в свои операции.¹⁶ Известны случаи участия террористов (или групп боевиков) в наркоторговле в Колумбии, Перу, Ливане, Центральной Азии (включая Афганистан), Бирме, Таиланде, Шри-Ланке и других государствах.

Колумбия является центром международной торговли кокаином, получая при этом колоссальные прибыли благодаря обширным поставкам наркотиков, покидающих страну по воздуху, рекам или морю с ее прибрежных регионов. Рыболовецкие суда, быстроходные катера и торговые грузовые суда транспортируют большие количества наркотиков из Колумбии в соседние страны и напрямую в Соединенные Штаты и Европу. Наркотики обычно прячутся в контейнерных грузах, насыпных грузах или потайных отсеках, встроенных в кораблях. Груз загружается или разгружается либо в порту, либо с использованием быстроходных катеров непосредственно в море.

Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК), которые в своих операциях сочетают террористическую и криминальную деятельность, считаются доминирующей на мировой арене террористической организацией по торговле наркотиками. Совместно со своими криминальными партнерами по торговле наркотиками они являются частью хорошо разработанной мировой сети инфраструктуры материально-технического обеспечения и снабжения. Что касается оснащения, РВСК использует сочетание легких самолетов для парашютированного сброса кокаина ожидающим груза катерам, яхтам дальнего плавания и другим судам, а также использует последние технологии, включая Глобальную систему позиционирования (ГСП) для организации перевозок с яхты на яхту (такая технология называется «кооперированием» и представляет собой процесс, с помощью которого группы могут ускользать от таможенных проверок, так как трансатлантические суда, которые обычно подлежат проверкам, могут прийти в

¹⁴ Там же.

¹⁵ Michael Binyon, "Deadly, Growing Scourge of Seas," *The Times* [London], 7 декабря 2001 г.

¹⁶ Sean K. Anderson and Stephen Sloan, *Historical Dictionary of Terrorism* (Lanham, MD and London: The Scarecrow Press, 2002), 341.

док «чистыми»¹⁷. Местные суда, на которых наркотики перевозятся на последнем этапе контрабанды, затем могут войти в порт, где у них вероятность вызвать подозрения намного меньше, чем у других судов.¹⁸

Колумбийские организации, занимающиеся наркоторговлей, такие как РВСК, получают миллиарды долларов ежегодного дохода, из которого они оплачивают услуги зарубежных технических специалистов. Такие зарубежные специалисты, в свою очередь, обеспечивают данные группы самыми разносторонними и новаторскими тактиками, технологиями и оборудованием. Это было продемонстрировано 7 сентября 2000 года при захвате Колумбийской национальной полицией частично построенной 100-футовой подводной лодки со стальным корпусом в пакгаузе недалеко от Боготы, Колумбия. Подводная лодка стоимостью 20 миллионов долларов США, если бы была построена до конца, могла бы использоваться для транспортировки до десяти метрических тонн нелегальных наркотиков из Колумбии в отдаленные пункты разгрузки в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, хотя она оставалась бы все время под водой на глубине ныряния.¹⁹ Российскую организованную преступность подозревали в работе над проектом с этой подводной лодкой, поскольку в пакгаузе, где строилась эта подводная лодка, были найдены инструкции на русском языке с испанским переводом.²⁰ Хотя контрабандисты наркотиков в прошлое время использовали «полупогружную технику», сотрудники правоохранительных органов не ожидали, что такая техника будет представлять существенную угрозу в будущем.²¹ Однако тесные связи между колумбийскими группами наркоторговцев и ближневосточными террористическими группами (и контрабандистами наркотиков), такими как «Хезболла», или даже с европейскими группами, такими как ИРА, означают, что обмен информацией и даже обучение за рубежом являются для них факторами, способствующими дальнейшей разработке и усовершенствованию их тактик и вооружений.

Использование террористами судов для транспортировки оружия

Как указывалось ранее, вторым компонентом морского терроризма является использование террористами судов для транспортировки оружия. В последние годы произошло несколько инцидентов, получивших широкое освещение в печати, в которых террористы использовали катера и корабли для контрабанды ору-

¹⁷ “Global Drugs Ring Shattered,” *Guardian* [Manchester], 14 июня 2002 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Заявление Донни Р. Маршалл, администратора Администрации по принудительным мерам в отношении наркотиков, перед подкомитетом по преступности Судебного комитета Палаты, 13 декабря 2000 г.

²⁰ Там же.

²¹ Отчет Госдепартамента по международной стратегии контроля наркотиков: Колумбия, 1 марта 2001 г.

жия. Например, «Аль-Каида», по сообщениям, широко использовала грузовые корабли для транспортировки своих обычных вооружений и взрывчатых веществ, включая взрывчатку, использовавшуюся в одновременных бомбардировках двух американских посольств в Восточной Африке в 1998 году.²² Тенденция использования террористами судов для транспортировки своего оборудования, вероятно, будет расширяться с продолжающейся потребностью со стороны террористических групп в транспортировке своего оборудования по всему миру, а также будут расширяться их резервы оружия и боеприпасов путем транспортировки их в надежные убежища.

Инцидент с судном «Санторини». Шестого мая 2001 года израильские ВМС захватили рыболовецкое судно «Санторини» на пути его следования из Ливана в Сектор Газа. Это судно перевозило оружие, включавшее «катюши», противоздушные ракеты, минометы различных калибров и огромное количество боеприпасов.²³ Израильтянам удалось захватить судно благодаря совместной операции, проведенной разведывательными службами, военно-морскими и военно-воздушными силами. Израильские военные заявили, что это оружие предназначалось для палестинских террористических группировок с целью его использования против израильских целей. Корабль вышел из порта Триполи в северном Ливане и шел в международных водах, направляясь на рандеву в Секторе Газа, пока не был задержан в Средиземном море у берегов северного Израиля, недалеко от израильских территориальных вод. Некоторые виды оружия, а все оно было тщательно упаковано в водонепроницаемую обертку, были уложены в бочки, которые были связаны вместе веревками. Израильские газеты напечатали две версии того, каким образом это оружие могло бы транспортироваться. По одной из версий, бочки должны были быть сброшены в море у определенного пункта близ побережья Газы, где они были бы вновь погружены на катера, управляемые палестинскими службами безопасности. По второй версии, корабль должен был встретиться с рыболовецким судном, управляемым египетскими рыбаками, которые затем переправили бы оружие на палестинское рыболовецкое судно, которое могло бы доставить его в Газу.

На рыболовецком судне «Санторини» действовала команда из четырех ливанских контрабандистов. Судно было подготовлено к плаванию диссидентской палестинской группой, возглавляемой Ахмедом Джибрилом из Народного фронта освобождения Палестины – Генерального командования (НФОП-ГК), группы, базирующейся в Дамаске, которая намеревалась активизировать нападения на Израиль.²⁴ Экипаж судна сдался без сопротивления и сразу же рассказал израиль-

²² Philip Shenon, “U.S. Expands Plan for Cargo Inspections at Foreign Ports,” *New York Times*, 12 июня 2003 г.

²³ Amnon Barzilai, Daniel Sobelman и Amira Hass, “Arms Boat Made Three Visits to Gaza,” *Ha’aretz*, 9 мая 2001 г.

²⁴ “Weapons Ship Mystery Deepens,” *BBC News*, 10 января 2002 г., www.news.bbc.co.uk.

ским морским офицерам о том, что именно они перевозили. Вслед за захватом судна *Джибрил*, выступая с речью у себя дома в Дамаске, Сирия, заявил, что его группа будет продолжать заниматься контрабандой оружия и военного снаряжения в районы, занимаемые Палестинской автономией.

Так как «катюши» долгое время состоят на вооружении у ливанской «Хезболлы» и «Хезболла» ранее участвовала в морской контрабанде в Газу, израильские аналитики указали на возможную связь между НФОП-ГК и «Хезболлой». В течение последнего десятилетия, например, *Джибрил* завязал связи с иранскими исламскими радикалами, что указывало на то, что Иран, покровитель «Хезболлы», вероятно, был проинформирован об этой миссии. Сирийское правительство, непосредственный спонсор *Джибрила*, также, вероятно, было проинформировано об этой операции.

Более того, так как НФОП-ГК является относительно маленькой организацией, почти вся деятельность которой ведется за рубежом, включая Сирию и Ливан, она практически не присутствует на Западном Берегу и в Газе. Поэтому, вероятно, такое большое количество оружия предназначалось не только для членов организации *Джибрила* в Газе, но также и для более крупных групп в Газе, особенно тех, которые включают различные «комитеты сопротивления» - бригады «Танзим Фата» / «Мучеников аль-Акса», «Хамас» и «Палестинский исламский джихад», являвшиеся инициаторами большинства террористических инцидентов против Израиля. Это те группы, которые располагают оперативными возможностями распределять такое большое количество сложного оружия людям, обученным работе с ним.

Согласно оценке израильских аналитиков, данный метод перевозки оружия использовался не впервые. Как сообщалось, в прошлом подобные перевозки оружия в бочках разгружались на пляжах в Газе и прятались на складах. В действительности, судно «Санторини» было хорошо известно Израильским силам безопасности как судно контрабандистов в 1980-х и 1990-х г.г., и кое-кто из экипажа судна в прошлом задерживался Израильским морским патрулем за контрабанду наркотиков. Следующим показателем, что инцидент с «Санторини» не был единственным, является то, что экипаж упаковал оружие профессионально; было видно, что это были люди, имевшие дело с оружием и, как кажется, хорошо знакомые с контрабандой оружия в Газу. Более того, еще до этого инцидента Палестинская автономия просила, чтобы Израиль облегчил жизнь местному населению в Газе путем расширения водного пространства, в котором палестинским судам было бы позволено вести лов рыбы, таким образом, косвенно также облегчая транспортировку оружия по морю.

«*Карин-А*». Свидетельство тому, что дело «Санторини» было официально санкционировано Палестинской автономией как часть более крупных, непрерывных действий по контрабанде оружия морем, нашло свое подтверждение ранним утром 3 января 2002 года. В то утро морские командосы Израильских

сил обороны (ИСО) захватили в Красном море, примерно в трехстах милях от израильского побережья, 4000-тонное грузовое судно «Карин-А». Корабль перевозил 83 водонепроницаемых пластиковых ящика, содержащих разнообразное оружие, главным образом иранского производства, включая ракеты типа «Катюша» короткого и дальнего радиуса действия, противотанковые ракеты, минометы, мины, 1500 кг бризантных взрывчатых веществ, снайперские винтовки, дробовики и другие виды вооружений и техники, включая надувные лодки «Зодиак», цилиндры и водолазное оборудование.²⁵

По словам капитана корабля Омара Акави, полковника Палестинской морской полиции (которого израильтяне арестовали), оружие было загружено на корабль на острове неподалеку от иранского побережья в Персидском заливе, а водонепроницаемые ящики предназначались для того, чтобы их перегрузили на более маленькие суда близ египетского порта Александрия. Затем их переправили бы обратно к побережью Газы, где их забрали бы палестинские морские офицеры, переодетые под рыбаков.²⁶

Некоторые факторы указывали на исключительно важный характер этой операции. Во-первых, ее целью было существенно обновить военный потенциал палестинских сил, предоставив огромные количества оружия дальнего радиуса действия и взрывчатых веществ, а также предоставить им морские средства для ведения террористической деятельности, выделив лодки «Зодиак» и водолазное снаряжение. Во-вторых, это судно нарушило условия временных мирных соглашений между Палестинской автономией и Израилем, в соответствии с которыми Палестинской автономии разрешалось иметь лишь ограниченное количество стрелкового оружия, такого как винтовки, для своих сил полиции, а не тяжелое оружие, ракеты дальнего радиуса действия или взрывчатые вещества.²⁷ В-третьих, по мнению израильских властей, этот корабль был частью операции контрабанды, скоординированной Палестинской автономией, «Хезболлой» и Ираном. В действительности, израильтяне считали замешанным в контрабанде старшего офицера «Хезболлы» по безопасности Имада Мугние, который также служил в качестве соединительного звена взаимодействия между Ираном и «Хезболлой», играя ведущую роль в деле судна «Карин-А».²⁸ Мугние также зачислен в список наиболее опасных преступников, находящихся в розыске ФБР, за его предполагаемую деятельность в похищении западных заложников в Бейруте в 1980-е годы и за угон самолета авиакомпании «Ги-Дабл-Ю-Эй» в Бейрут.

Как возмездие за операцию контрабанды на судне «Карин-А» израильские военные корабли и подводники атаковали 12 января 2002 года палестинскую базу морской полиции в городе Газа, уничтожив два сторожевых катера. Предполага-

²⁵ “Weapons Ship Mystery Deepens,” *BBC News*, 10 января 2002 г., www.news.bbc.co.uk.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

лось, что один из катеров, «Жандала», был связан с операцией по контрабанде оружия. В действительности, по сообщениям, капитан и старший офицер судна «Карин-А» ранее служили на «Жандале».

Инцидент с судном «Балтийское небо». 22 июня 2004 года греческие власти захватили на борту судна «Балтийское небо» около 700 тонн взрывчатых веществ, главным образом тринитротолуола, а также 8000 детонаторов и взрывателей.²⁹ Корабль, построенный в 1966 году и первоначально ходивший под российским и украинским флагом до июля 2001 года,³⁰ шел номинально под флагом Коморских островов, хотя в сообщениях его приписывали одной компании, базирующейся в Ирландии. Корабль отправился в плавание 12 мая из Туниса в Судан – но плывал в течение шести недель по Средиземному морю, – пока греческие силы специального назначения не взяли его приступом у западного побережья Греции.³¹ Греческая береговая охрана следила за кораблем в течение пяти дней, следуя сведениям, полученным от международных разведывательных агентств, что судно перевозит подозрительный груз.³² Экипаж судна – пять украинцев, включая капитана, и два азербайджанца – были арестованы. Суданское правительство заявило, что взрывчатка, обнаруженная на судне, – нитрат аммония – была заказана одной суданской химической компанией и предназначалась для гражданского использования.³³

Груз оружия на корабле был назван греческим министром судоходства Георгом Аромеритисом плавающей «атомной бомбой».³⁴ Груз был идентифицирован как «анфо» - взрывчатка, получаемая путем смешивания нитрата аммония с мазутом.³⁵ Греческие власти проявили обеспокоенность в отношении этого судна, поскольку «анфо», хотя часто и используется в горнодобывающей промышленности и работах в каменоломнях, также использовался террористическими группами, такими как ИРА, при бомбардировках.³⁶ Обеспокоенность также вызывал и тот факт, что Судан, пункт назначения этого груза, находится в списке Госдепартамента США как государство-спонсор терроризма, и обнаружение груза произошло в то время, когда в регионе была объявлено состояние повышенной готовности в отношении терроризма.

Как продемонстрировали эти случаи, террористические группы и их пособники используют корабли для транспортировки вооружений и техники. В дей-

²⁹ “Crew Held Over Explosives Cargo,” *BBC News*, 25 июня 2003 г., www.news.bbc.co.uk.

³⁰ “Explosives Ship Intercepted,” *Ports & Shipping*, 24 июня 2003 г.

³¹ “Crew Held Over Explosives Cargo.”

³² Brian Williams, “Greece Links Seized Ship’s Explosive Cargo to Sudan,” *Reuters*, 23 июня 2003 г.

³³ “Crew Held Over Explosives Cargo.”

³⁴ Там же.

³⁵ Penny Spiller, “Storm Surrounds the Ship’s Cargo,” 24 июня 2003 г., www.news.bbc.co.uk.

³⁶ Там же.

ствительности, нужно также обратить внимание еще на один способ транспортировки: использование контейнеров на борту кораблей для контрабанды оружия и устройств, включая оружие массового поражения, а также перевозки боевиков. В октябре 2001 года, например, итальянские власти обнаружили предполагаемого боевика «Аль-Каиды», египтянина по национальности, который прятался в контейнере корабля, следовавшего курсом в Галифакс, Новая Шотландия, Канада.³⁷ В контейнере была оборудована кровать и ванная комната, там также были обнаружены карты аэропортов и защищенные проходы.³⁸ Дополнительную информацию получить практически не удалось, так как боевик исчез, когда его выпустили на поруки.

II. Террористические группы с морским потенциалом

В мире целый ряд террористических групп способен оперативно использовать морские средства, чтобы либо транспортировать военную технику, либо проводить террористические нападения.

Тигры освобождения Тамил Илама (ТОТИ)

Считается, что «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ) обладают самым большим в мире потенциалом морского терроризма. Организация ТОТИ постепенно создала «морской потенциал коричневой воды (береговой), зеленой и синей воды (открытое море)».³⁹ Суда коричневой и зеленой воды управляются с побережья группой «морских тигров», состоящей оценочно из 2000-3000 человек.⁴⁰ Для нападения на своих противников «морские тигры» используют пулеметы, ракетные гранатометные установки, радары и скоростные катера.⁴¹ Такой «трехзубчатый» морской потенциал предоставил им тактическую возможность использовать свой морской флот для тайного импорта военной техники, получаемой от иностранных поставщиков, заходить на борт корабля без разрешения команды, нападать на ланкийские военно-морские суда и корабли и уничтожать их, а также разрушать или похищать принадлежащих иностранцам гражданские суда в ланкийских водах, особенно когда те перевозят оборудование, в котором нуждается группа.⁴² Морской потенциал ТОТИ настолько могуществен, что у них даже существует «сверхсекретная Группа морского материально-технического снабжения исключительной экономической зоны»,⁴³ имеющая в своем составе стекловолоконные суда класса «Мираж», пятидесяти футов в длину и ше-

³⁷ Shenon, "U.S. Expands Plan for Cargo Inspections at Foreign Ports."

³⁸ Там же.

³⁹ Gunaratna, "Trends in Maritime Terrorism: The Sri Lankan Case."

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

стнадцати футов в ширину, способных вести дальнедействующие операции.⁴⁴ Эти суда используются для обеспечения защиты кораблям группы, когда те направляются к морской границе Шри-Ланки.

«Образ действия» ТОТИ считается наиболее технологически и тактически передовым среди морских террористических групп во всем мире, и к нему, вероятно, будут стремиться другие группы. У ТОТИ и других морских террористических групп одинаковая политическая и экономическая мотивация, чтобы применять те же приемы ведения войны, которые подрывают значительные усилия своего противника в достижении экономического благосостояния и безопасности.⁴⁵ Если текущий мирный процесс между шри-ланкийским правительством и ТОТИ будет разрушен, то ТОТИ обязательно проведет морские военные операции.

«Аль-Каида»

Организация «Аль-Каида», возглавляемая Усамой бен Ладеном, является основным действующим субъектом морского терроризма. Согласно отчету норвежской разведки от марта 2002 года, «Аль-Каида» являлась владельцем порядка двадцати трех кораблей, включая океанские торговые суда дальнего плавания, которые номинально действуют и зафрахтованы через подконтрольные компании в Либерии, Панаме и на Острове Мэн.⁴⁶ Эти цифры могут включать или не включать другие корабли, которые зафрахтованы «Аль-Каидой», но не принадлежат ей напрямую. Кроме того, по сообщениям, шурин бен Ладена занимается бизнесом, связанным с рыболовецкими судами, на Мадагаскаре и в Азии, что может предоставить дополнительное материально-техническое обеспечение в будущих морских операциях «Аль-Каиды».

Боевики «Аль-Каиды» осуществили несколько крупных морских террористических нападений. Они включают эффектную бомбардировку американского корабля «Коул», в который в октябре 2001 года в йеменской порту Аден врезалось судно, начиненное взрывчаткой, в результате чего погибли семнадцать американских моряков, а также бомбардировку в октябре 2002 года, когда маленькое судно с взрывчаткой врезалось во французский супертанкер «Лимбург» недалеко от йеменского побережья.

Кроме осуществленных нападений боевики «Аль-Каиды» планировали нападения на некоторые заметные морские объекты, но эти планы были сорваны на

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Предположительные подсчеты кораблей под контролем «Аль-Каиды» находятся в труде командера Виджая Сакуджи, Vijay Sakhujia, "Challenging Terrorism at Sea," 19 января 2002 г., No. 679, <http://www.ipcs.org/issues/newarticles/679-ter-sakhujia.html>; и Intellibrige, "United States—Security: A Progress Report on U.S. and International Approaches to Maritime Security," *Homeland Security Monitor*, 10 июля 2003 г.

подготовительных фазах до совершения инцидента. Эти планы включали заговор со стороны одной из ячеек-сателлитов «Аль-Каиды» в Сингапуре избрать в качестве объектов нападения американские военно-морские силы и средства, замысел, который, к счастью, был раскрыт, когда сингапурские власти в декабре 2001 года задержали тринадцать подозреваемых, членов нелегальной ячейки «Джемаа Исламийа», или «Исламская группа».⁴⁷ Хотя основные мишени этого замысла включали посольство США и жилые объекты американского военного персонала в Сингапуре, ячейка, по сообщениям, «планировала нападения на некоторые военно-морские суда США, стоявшие на якоре неподалеку от сингапурского побережья».⁴⁸ Вслед за сингапурским замыслом в мае 2002 года марокканские власти арестовали трех членов ячейки «Аль-Каиды» из Саудовской Аравии, планировавших напасть на американские и британские военные корабли в Гибралтарском проливе.⁴⁹ По мнению марокканских властей, боевики «Аль-Каиды» планировали выйти из Сеуты и Мелиллы - испанских анклавов на марокканской территории, на скоростных надувных лодках «Зодиак», начиненных взрывчаткой, чтобы врезаться на них в корабли, патрулирующие пролив.⁵⁰

Другие примеры намерений «Аль-Каиды» осуществить морские нападения включают сообщение о том, что боевики «Аль-Каиды» направлялись на борту торгового судна в Южную Калифорнию, и остров Каталина Айленд – находящийся в двадцати трех милях от калифорнийского побережья в районе Лос-Анджелеса и упоминавшийся как возможный пункт назначения.⁵¹

«Хезболла»

«Хезболла», ливанская террористическая группа, либо планировала различные морские операции, либо была связана с ними, включая контрабанду оружия по морю. «Хезболла» является местной ливанской группой, спонсируемой иранским правительством. Большая часть ее террористических операций направлена против Израиля как основного противника. Большинство ее операций осуществляется на земле. Однако в конце 1990-х годов, по сообщению Министерства внутренней безопасности Сингапура, ячейка «Хезболлы» планировала осуществить бомбардировку американских и израильских кораблей, находящихся в доке в Сингапуре.⁵² Для выполнения этой задачи боевики «Хезболлы» наняли пятерых сингапурских мусульман для помощи в наблюдении и материально-технической

⁴⁷ United States Department of State, *Patterns of Global Terrorism 2001* (Washington, D.C.: Department of State, май 2002 г.), 21.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ “Morocco ‘Uncovers al Qaeda Plot’,” *BBC News*, 11 июня 2002 г., www.news.bbc.co.uk.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Charles Feldman, “FBI: Terrorists May Try to Arrive by Sea,” *CNN.Com*, 19 июня 2002 г.

⁵² Институт контртерроризма [ICT – Herzliya], “Hizballah Planned to Attack U.S. and Israeli Ships in Singapore,” [не датировано], <http://www.ict.org.il/spotlight/det.cfm?id=790>.

подготовке.⁵³ Что интересно, план «Хезболлы» состоял в том, чтобы начинить маленькое судно взрывчаткой и врезаться на нем в корабль в Сингапурском проливе или в гавани, – тот же самый «прием», который «Аль-Каида» использовала позднее для бомбардировки американского корабля «Коул» в Йемене.⁵⁴ По мнению Израильского института по контртерроризму, аналогичность планов «Хезболлы» и «Аль-Каиды» не являлась «случайной», а была частью долголетнего оперативного сотрудничества.⁵⁵ В действительности, «Хезболла», возможно, обучала «Аль-Каиду» работе с взрывчаткой и, возможно, сыграла свою роль в бомбардировках «Аль-Каидой» в 1998 году американских посольств в Восточной Африке, а также американского корабля «Коул».⁵⁶

Как уже описывалось выше, «Хезболла» выступала одним из координаторов операции по контрабандной перевозке на судне «Карин-А», которое было перехвачено военно-морскими командос Израиля в январе 2002 года.

Другие ближневосточные террористические группы

Как сообщалось, некоторые другие ближневосточные террористические группы, такие как египетская «Аль-Гамаа аль-Исламия» и египетский «Исламский джихад», заинтересованы в развитии морского потенциала, в то время как другие группы, такие как Народный фронт освобождения Палестины – Общий фронт, являющиеся передовыми в своей тактике, нанимают для морских перевозок другие группы, как это продемонстрировала в мае 2001 года операция «Санторини».

Группа «Абу Сайаф»

Радикальная филиппинская группа «Абу Сайаф» (ГАС) использует морские суда для выполнения некоторых своих операций по похищению людей и пиратских операций. Из-за имеющегося у ГАС морского потенциала ведения войны, филиппинские морские силы специального назначения проходят подготовку у американских военных для совершенствования своих возможностей в противостоянии терроризму. В результате этого, можно ожидать, что морской потенциал ГАС будет постепенно снижаться. Возрастающая эффективность филиппинских сил специального назначения была продемонстрирована 21 июня 2002 года, когда они выследили и уничтожили Абу Сабайя - одного из главных лидеров ГАС, убив его и двух его людей (четверо остальных сдались в плен), когда те плыли на корабле на острове Минданао.⁵⁷

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ “Abu Sayyaf Leader Believed Killed,” *Guardian Unlimited*, 21 июня 2002 г., www.guardian.co.uk.

III. Региональные водные пути высокого риска

Ближний Восток

В настоящее время Ближний Восток переживает возрождение морской террористической активности. Следующие показатели, предупреждающие факторы и наблюдаемые явления, скорее всего, вызовут новые мотивации у ближневосточных террористических групп и дадут им толчок в том, чтобы поражать интересы американского, израильского и западного судоходства либо на Ближнем Востоке, либо в любой другой точке земного шара, включая территорию Соединенных Штатов:

- Обострение эскалации арабо-израильского насилия и нестабильности;
- Использование военных действий на море для удерживания США и их союзников от перевозки поставок для восстановления инфраструктуры Ирака, а также для оказания давления на США с целью вывода баз из Персидского залива;
- Стремление к отмщению за военные действия возглавляемых США союзнических сил в Афганистане и Пакистане против сети «Аль-Каида» Усамы бен Ладена и «Талибана», включая содержание их боевиков в США в тюрьмах Запада;
- Демонстрация того, что «Аль-Каида» все еще обладает глобальным охватом, нападая на американские корабли и морские порты;
- Успех предшествующих атак, в особенности бомбардировка американского корабля «Коул» и супертанкера «Лимбург», в отношении причиненного ими ущерба и последующей публичности в воздействии на террористические группы в инициировании морских атак в дальнейшем.

Ближневосточные регионы высокого риска охватывают прибрежные страны с распространением радикальных субкультур, такие как Египет, Ливан, Сектор Газа Палестинской автономии и Йемен, или управляемые правительствами, которые активно спонсируют террористические группы, такие как Иран, Ирак, Ливия и Судан, или страны, отмеченные внутренней анархией, чьи береговые линии граничат с данным регионом, такие как Сомали.

Неустойчивый регион *Персидского залива* представляет особенный риск, в частности из-за присутствия ВМС США в Бахрейне и роли США в восстановлении иракской инфраструктуры. Американские корабли в Йеменском порту подвергаются высокому риску, поскольку эта страна повсеместно рассматривается как перекресток для различных международных террористических движений, таких как сеть «Аль-Каида» бен Ладена и различные египетские группы. Для саботажа дальнейшего развития арабо-израильского мирного процесса субсидируемые Ираном террористические группы, такие как «Хезболла» и «Палестинская группа отказников», вероятно, будут предпринимать морские атаки против аме-

риканских кораблей в Персидском заливе и в восточной части Средиземного моря.

Ливан является пристанищем для террористических групп благодаря защите, предлагаемой им со стороны сирийцев, а также благодаря иранской поддержке в форме неограниченного передвижения, военных баз и тренировочных объектов. В результате террористические группы используют страну как промежуточную зону для своих нападений, включая морские атаки против Израиля или использование ливанских портов и береговых линий в качестве погрузочного пункта для контрабанды оружия в области, контролируемые палестинскими властями в *Секторе Газа*. В ближайшей перспективе «Хезболла», либо направляемая иранской правительственной поддержкой, либо действуя самостоятельно, вероятно, будет использовать ливанскую береговую линию для инициирования морских нападений на Израиль. Палестинские группы отказников, возможно, будут использовать имеющийся у них доступ к береговой линии Сектора Газа (а также к *ливанской* береговой линии) для инициирования морских нападений на Израиль и союзнические американские корабли. Это было продемонстрировано 7 ноября 2000 года, когда один террорист-смертник из «Хамаса» на рыболовецком судне попытался атаковать израильское патрульное судно, находившееся к северу от Рафы в Секторе Газа,⁵⁸ к счастью для Израиля, начиненное взрывчаткой судно «Хамаса» было выявлено патрульным судном и потоплено до того, как оно могло бы уничтожить израильское судно. Как уже говорилось ранее, палестинские власти в ряде случаев предпринимали попытки контрабанды различного рода оружия в Сектор Газа либо из Ливана, либо из Ирана по морю.

Гибралтарский пролив и *Средиземное море* рассматриваются в качестве мест, потенциально несущих угрозу западным судоходным интересам, военным или коммерческим. В октябре 2001 года НАТО инициировало «Активную попытку», морскую антитеррористическую операцию, охватывающую регион Средиземного моря.⁵⁹ Как часть этой операции НАТО развернуло военные корабли сопровождения для защиты союзнических гражданских кораблей, следующих по Гибралтарскому проливу, при входе в Средиземное море.⁶⁰ Шестой флот США на Средиземном море находится в состоянии повышенной готовности на случай возможных террористических нападений на их корабли.

В *Аденском проливе* на корабли и яхты, по сообщениям, совершались или предпринимались нападения, когда те следовали транзитом в окрестностях острова Сокотра. В Аденском проливе, например, 12 апреля 2001 года, по сообще-

⁵⁸ Rohan Gunaratna, "Sea Tiger Success Threatens the Spread of Copycat Tactics," *Jane's Intelligence Review* (март 2001 г.): 12.

⁵⁹ Helena Smith, "NATO 'Terror' Tipoff on Explosives Ship Sailing to Sudan," *The Guardian*, 24 июня 2003 г.

⁶⁰ Chris Morris, "Terror Fears Spark Ship Escorts," *BBC News*, 17 марта 2003 г., www.guardian.co.uk.

ниям, три пирата подплыли на деревянной лодке к яхте «Дэйзи Дак» и приказали ей остановиться. Когда яхта увеличила скорость, пираты обстреляли яхту из пулемета. С яхты был передан сигнал бедствия, и когда ее владелец открыл ответный огонь из пистолета, пиратская лодка ушла. Как уже сообщалось ранее, в октябре 2002 года подразделение «Аль-Каиды» совершило нападение на французский нефтяной танкер «Лимбург» в Аденском проливе.

Корабли в порту *Адена*, по сообщениям, подвергались многочисленным ночным разбоям и случаям враждебного проникновения на борт. 16 мая 2001 года на танкер под флагом Багамских островов, стоявший в доке в йеменском порту Адена, напали уголовники, которым удалось пробраться в радиорубку, где они украли переносной компьютер, два принтера и факс. По сообщениям, никто из членов команды не пострадал.

20 января 2001 года восемь маленьких кораблей, на каждом было по шесть-семь человек, приблизились к неопознанному танкеру. Эти корабли следовали за танкером на дистанции пятидесяти метров. Экипаж танкера объявил тревогу, и тогда корабли отошли от танкера и направились в сторону *Джибути*.

Корабли, следующие недалеко от побережья *Сомали*, подвергаются чрезвычайному риску из-за случаев пиратства со стороны сомалийских банд. На стратегическом маршруте Африканского рога вдоль южных подходов к Баб-эль-Мандебу и на пути через Красное море и Суэцкий канал члены базирующейся в Сомали группы милиции, по сообщениям, используют быстроходные корабли для нападения на яхты и торговые суда, следующие по акватории Индийского океана, или запугивания их. Эти милицейские группировки нападают на яхты с применением стрелкового оружия, минометов и ракет, захватывая суда и членов экипажа для выкупа.

Пролив Малакка, расположенный между северной оконечностью острова Суматра и Малайзией, является одной из самых загруженных судоходных линий в мире. Он также считается одним из самых опасных морских маршрутов в мире, и корабли, следующие этим морским путем, часто подвергаются нападениям пиратов.⁶¹ В июле 2002 года, например, повстанцы из индонезийской провинции Асех захватили судно, которое везло продовольствие и защитное оборудование на морские нефтяные буровые вышки в проливе Малакка, и похитили девять членов его экипажа.

В любых дискуссиях о водных путях высокого риска должны обсуждаться вопросы о фарватерах, по которым ходят нефтяные танкеры, так как, по оценкам, 75 процентов мировой нефти перевозится по морю. Согласно докладу «Мировые пункты-заслоны транзита нефти», «нефть перевозится по морю обычно по фиксированному набору морских маршрутов», следуя по которым нефтяные тан-

⁶¹ “World Oil Transit Chokepoints,” *EIA Country Analysis Briefs*, ноябрь 2002 г., на сайте <http://www.eia.doe.gov/cabs/choke.html>.

керы должны проходить через некоторые узкие в географическом плане каналы, или «пункты-заслоны».⁶² Важные морские пункты-заслоны включают Хормузский пролив, пролив Малакка, Панамский канал, Баб-эль-Мандебский проход из Арабского моря к Красному морю и Суэцкий канал. Эти пункты-заслоны делает важным тот факт, что они «уязвимы для пиратских нападений и инцидентов, когда корабли проходят по их узким каналам».⁶³ Океанские нефтяные танкеры, которые доставляют импортируемую неочищенную нефть и другие жидкие продукты, особенно уязвимы к нападениям террористов в этих пунктах-заслонах, как это было продемонстрировано бомбардировкой террористов-смертников «Аль-Каиды» французского нефтяного танкера «Лимбург» в октябре 2002 года. Это нападение было частью общей стратегии «Аль-Каиды» по избранию нефтяных танкеров в качестве своих мишеней, как это продемонстрировал ее замысел нападений в июне 2002 года на британские и американские военно-морские суда и коммерческие нефтяные танкеры, проходящие через Гибралтарский пролив.

IV. Потенциальные морские объекты для нападений

Военно-морские и коммерческие суда, ходящие под флагом США, представляют большую ценность для террористических групп как объекты нападений не только из-за огромной публичной огласки, которую произведут такие нападения, но и из-за того, что размеры этих кораблей и трудность их защиты делает их «легкими мишенями». Другие вероятные морские мишени варьируются в диапазоне от американских и западных морских экономических объектов на Ближнем Востоке, в Африке или в южных/восточных азиатских регионах, таких как нефтяные буровые вышки, находящиеся в море, или нефтяные танкеры, до паромов или людей в качестве мишеней, таких как пассажиры круизных лайнеров.

Угрозы морским интересам США

В Соединенных Штатах серьезно обеспокоены по поводу морского терроризма, принимающего форму военных действий массового уничтожения или массового разрушения. И это происходит, в первую очередь, из-за того, что террористические группы и, главным образом, «Аль-Каида», часто избирают в качестве мишеней американские морские объекты как во внешних, так и во внутренних водах. «Аль-Каида» уже продемонстрировала опыт выбора американских военно-морских судов в качестве объектов нападения в иностранных водах, как это показало нападение на американский военный корабль «Коул». Береговые районы непосредственно Соединенных Штатов являются другими потенциальными объектами «добычи» «Аль-Каиды», учитывая ее «образ действия» в виде непрекращающихся попыток ударить по сердцу американской экономики и другим объ-

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

ектам, являющимся символами Америки, какими были нападения 11 сентября на Всемирный торговый центр. В данном случае около 95 процентов американской заграничной торговли осуществляется по морю более чем через 361 порт.⁶⁴ Более того, многие атомные станции расположены в береговых районах (там также проживает большинство американского населения), что делает морское нападение на них вероятным. В дополнение к этому, «Аль-Каида» может использовать американские порты для контрабанды оружия массового поражения на территорию США, учитывая трудность отслеживания более чем 7500 иностранных судов, которые заходят в американские порты порядка 51 тысячи раз в год, и 6 миллионов груженых контейнеров, включая 156 миллионов тонн опасных материалов и один миллиард тонн нефтепродуктов, которые ежегодно поступают в американские порты.⁶⁵ Это один из факторов, который вызывает такую серьезную озабоченность в отношении потенциальной контрабанды радиологической «грязной» бомбы в каком-либо груженом контейнере, которую можно не обнаружить.

Порты и погрузочные терминалы, таким образом, являются основными объектами террористических нападений, в особенности порты, которые служат в качестве трансфертных и разгрузочных объектов для иностранной нефти, импортируемой США.⁶⁶ Такие объекты, как Луизианский морской нефтяной порт, или ЛМНП, который находится в восемнадцати милях от побережья Ляфурш Париш, может представлять собой потенциальный объект нападения.⁶⁷ В ЛМНП разгружается 1,4 млн. баррелей иностранной нефти в день, что составляет 15 процентов ежедневного импорта нефти государством в целом. Согласно докладу, сделанному консультационной фирмой «Брейсвелл и Паттерсон», на данном объекте действует план по контртеррористическим действиям, который был разработан администрацией порта после событий 11 сентября, а корабли Береговой охраны США патрулируют этот район и ведут наблюдение за ним.⁶⁸

В результате такой обеспокоенности, из-за нападений на Всемирный торговый центр и Пентагон, Береговая охрана США проводит проверку на борту кораблей, представляющих «особый интерес», которые заходят в местные терминалы и перевозят опасные грузы или приходят из стран, вызывающих подозрение. В Нью-Йорке, например, береговая охрана патрулирует реку Гудзон в районе атомной станции «Индиан Пойнт» в Вестчестере и в окрестностях атомной стан-

⁶⁴ Адмирал James M. Loy, "Port and Maritime Security Strategy," заявление, сделанное перед Подкомитетом по береговой охране и морским перевозкам, Палата представителей США, 6 декабря 2001 г.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Kathy Shirley, "Response to Terrorism Threat: Industry Re-examines Security Efforts," январь 2002 г., на сайте http://www.lioga.com/amogr_jan_industry.asp.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

ции Миллстоун на Лонг Айленд Саунд в восточном Коннектикуте.⁶⁹

Потенциальные объекты нападений на американскую индустрию морских путешествий

Другой сферой морской деятельности, вызывающей озабоченность, является популярная в США индустрия морских путешествий на роскошных лайнерах, где количество пассажиров существенно выросло за последнее десятилетие. Более того, сейчас появились новые классы мега-круизных кораблей емкостью более 140 000 английских тонн, способных вместить на борту до 5000 пассажиров и членов экипажа,⁷⁰ - что делает их желанным объектом «добычи» для честолюбивых террористических групп. Нападение террористов на такие огромные корабли может привести не только к катастрофическому числу жертв, но также будет угрожать экономической жизнеспособности целой индустрии морских круизных путешествий.⁷¹

Весной 2002 года правительство США издало предупреждение об угрозе «пловцов», которые могут прикреплять зажигательные устройства к каркасам кораблей.⁷² Такое сообщение последовало вслед за речью Стивена Рончона, начальника разведки Министерства транспорта США, предупреждавшего, что «круизные корабли уязвимы по отношению к «воздушным нападениям» с маленьких самолетов».⁷³

Быстрое распространение вирусов на борту круизных кораблей делает их легкой мишенью для биологических атак.⁷⁴ Хотя и не имевшая отношения к терроризму, вспышка желудочно-кишечного заболевания среди пассажиров в 2002 году, связанная с норуолкским вирусом, вынудила круизные линии, такие как «Дисней», «Холланд Америка» и «Карнивал», отменить или сократить некоторые круизы.⁷⁵

V. Следующая фаза в морском терроризме

На следующем этапе морского терроризма в дополнение к использованию маленьких, начиненных бомбами кораблей-самоубийц (таких, как судно, которое

⁶⁹ Thomas Frank, "Coast Guard Faces New Security Role: Some Fear a Reduction of Boat-Safety Duties," *Newsday*, 16 июня 2002 г.

⁷⁰ Admiral James M. Loy, "Seaports, Cruise Ships Vulnerable to Terrorism," *Guest Commentary*, 28 июля 2001 г., на сайте <http://www.politicsol.com/guest-commentaries/2001-07-28.html>.

⁷¹ Там же.

⁷² Rick Newman, "Full Steam Ahead: In the New Age of 'What Ifs?' Here is What Cruise Lines Are Doing to Keep You Safe at Sea," *National Geographic Traveler*, январь/февраль 2003 г., 12.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Molly Feltner, *National Geographic News*, декабрь 2002 г.

⁷⁵ Там же.

врезалось в американский военный корабль «Коул»), террористы могут установить на своих судах рулевые механизмы (подобные дистанционно управляемым бомбам) в режиме автопилота при заходе в гавань или при направлении к кораблю, избранному объектом нападения, и затем покинуть корабль до момента запрограммированного взрыва. На следующем этапе также, вероятно, на первый план выйдет использование подводных лодок (включая мини-субмарины), кораблей со специальными устройствами, препятствующими обнаружению корабля радарными, и запуск оружия массового поражения с кораблей, что потенциально может иметь катастрофические последствия. Другой областью, вызывающей беспокойство, является захват или использование террористами для выполнения своих самоубийственных миссий нефтяных танкеров или кораблей, перевозящих сжиженный газ.⁷⁶ Также существует возможность для поддержания морского терроризма со стороны определенных государств, как, например, предоставление материально-технической поддержки, надежных портов в гавани, обучение морскому делу и оперативная помощь в минировании морского пути. По сообщениям, на ближневосточные террористические группы оказывает влияние развитие тактики и техники морского терроризма шри-ланкийской ТОТИ, в особенности, что касается приобретения кораблей-невидимок для более эффективного выполнения морских самоубийственных террористических нападений.

Что касается новых тенденций, возникающих благодаря связям между террористическими и криминальными группировками, существует серьезная озабоченность в отношении возможностей криминальных организаций, таких как балканские контрабандисты оружием, действующие в Албании, или других группировок обеспечивать материально-технической инфраструктурой террористические группы для контрабанды оружия массового поражения из бывших советских республик через восточноевропейских поставщиков на Ближний Восток или в другие пункты назначения.

Заключение

После успешных террористических нападений на американский военный корабль «Коул» и танкер «Лимбург», а также после некоторых других несостоявшихся раскрытых попыток нападения на морские объекты, таких как сингапурские или марокканские замыслы, террористические группы активно стремятся к использованию морской окружающей обстановки для инициирования нападений со все возрастающим количеством жертв на военные и коммерческие корабли США, Запада и других государств. Судходные интересы Израиля и США являются основными объектами нападений террористов. Что касается США, то террористы, вероятно, будут использовать любую возможность, чтобы наказать США за их войну с «Аль-Каидой» и «Талибаном» и за заключение их боевиков

⁷⁶ Eric Watkins, "Shipping Fraud Heightens Terror Threat," *BBC News*, 6 февраля 2002 г.

под стражу в заливе Гуантанамо и в других центрах для задержанных лиц по всему миру. В результате мы можем ожидать активизации замыслов боевиков «Аль-Каиды», направленных на морские интересы США где-либо в Средиземном море, Красном море, Персидском заливе и Юго-Восточной Азии и даже на порты и береговые линии США, которые могут рассматриваться в качестве объектов нападения, имеющих очень высокую значимость в качестве символов. В соотносимой тенденции, так как военные боевые корабли США наращивают свою боеготовность и позиции сдерживания в Ближневосточном регионе, коммерческие корабли, плавающие под американским флагом, будут, вероятно, подвергаться нападениям вместо них. Должны предприниматься любые усилия не только для предотвращения нападений, подобных тем, которые были совершены в отношении американского военного корабля «Коул» и танкера «Лимбург», но и для предвидения и упреждения возможных нападений на другие объекты, а также новых тактик и оружия. Эти усилия должны быть основаны на тщательной оценке имеющей связанной с угрозой информации о намерениях, планах и тактике террористов.

Готовность защитить себя от вероятности все возрастающего смертоносного морского терроризма очень важна, поскольку террористы всегда ищут пути удара по новым уязвимым местам противника, и морской терроризм предоставляет террористическим группам новые и технологически продвинутое средства инициирования нападений на незащищенные в своей основе мишени. Более того, в то время как к воздушным перевозкам и важным наземным сооружениям предъявляются повышенные профилактические меры безопасности, гражданская морская индустрия практически не защищена. В порты легко могут войти корабли с враждебными задачами; проверки при посадке на корабль не отвечают требованиям сегодняшнего дня; террористы могут напрямую нападать на корабли и их экипаж в международных водах и могут инициировать операции нападения на объекты, расположенные на берегу, при помощи маленьких суден, надувных резиновых лодок, подводных лодок (включая мини-субмарины) или кораблей на ракетном двигателе. Более того, поскольку террористы и криминальные группы действуют на морской арене во все более тесном контакте, то для всех агентств, отвечающих за защиту различных составных элементов морской безопасности – будь то правоохранительные органы, службы по пресечению распространения наркотиков, - станет необходимым максимально эффективное сотрудничество в противодействии этой угрозе. Такое сотрудничество должно, прежде всего, вестись на международном уровне, чтобы все водные пути и порты по всему миру были защищены и безопасны.

Образование (военного) руководящего состава в постмодернистском мире

Эдвин Р. Мисевски *

Я вижу множество солдат: как хотел бы я видеть много воинов!
Мундиром называется то, что они носят; да не будет мундиром
то, что скрывают они под ним! ¹

Концепции образования и постмодернизма чаще всего не до конца исследованы и не определены достаточно четко. Два этих термина довольно запутанны и вызывают острую полемику. Оба они истолковываются различным образом, допуская при этом противоположные пути подхода к их изучению. В данной статье будет предпринята попытка активизации размышлений, а также представления некоторых идей и собственных предложений по поводу того, каким образом военные должны относиться к дискуссиям по постмодернизму и участвовать в них.

Некоторые вступительные философские соображения

Образование может пониматься, например, просто как выполнение некоей профессиональной квалификации или, совершенно наоборот, как непрерывный и непрекращающийся процесс, посредством которого человек формируется в духовном плане и находит свою автономную реализацию. Образование можно также понимать и как приобретение знаний особенностей определенной культуры или общества.

Несмотря на все это разнообразие определений, у каждого человека имеется собственное понимание образования и осознание существования образования, чего, тем не менее, нельзя сказать о *постмодернизме*. «Постмодернистский» - очень популярный термин, часто используемый в искусстве, философии, науке и политике. Однако, несмотря на то, что это слово используется многими людьми, никто на самом деле не понимает его значения или даже того, как определить его значение таким образом, чтобы оно сохраняло один и тот же смысл в различных контекстах или дисциплинах. И, хотя мы приписываем этот термин великим мыслителям, таким как Фуко, Лиотар и Деррида, и предполагаем, что такие философы, как Ницше и Хайдеггер, были создателями постмодернистского приключения, все чаще и чаще задается вопрос: «Существует ли на самом деле явление постмодернизма?»

* Бригадный генерал д-р Эдвин Мисевски является директором Института военной социологии и военной педагогики Австрийской академии национальной обороны, Вена. Недавно он завершил целевое обучение в Школе аспирантов ВМС в Монтерее.

¹ Friedrich Nietzsche, *Thus Spoke Zarathustra* (Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра») (London: Penguin, 1969).

Вряд ли возможно описать это явление во всем его генеалогическом историческом аспекте или же охватить в полном объеме основные моменты современной полемики рассуждений. Существует целый ряд объясняющих подходов, варьирующихся в диапазоне:

1. От понимания того, что постмодернизм является просто частью модернизма, до предположения, что это действительное преодоление модернизма;
2. От гипотезы, что это просто ощущение жизни, чувство духовной или личностной, а также общественной ориентации, до значимого и измеримого направления в политике, науке и искусстве; и
3. Использования постмодернизма лишь как метафоры, *псевдотехнического термина* для обозначения разнообразия, сложности и множественности существующих сегодня обществ.

Подходящим путем в анализе постмодернизма может стать попытка проведения «отрицательного отбора», т.е. перечня тех характеристик современности – этого «незавершенного проекта», как его называл Жан-Франсуа Лиотар, – которые постмодернизм ставит под сомнение или отвергает.² Современный мир (если его рассматривать с эпохи Возрождения) культивировал миф о безграничном и неизбежном прогрессе, свободе как развивающейся эмансипации и первичности природы над религией. Схема модерна приписывалась экспериментальной и количественной методологии науки и признавала верховенство аналитического мышления и универсального разума. Отсюда, следуя логической последовательности, мы обязательно должны прийти к постмодернистскому мышлению, когда мы подвергаем сомнению идею прогресса, когда мы заново обдумываем отношения между человеком и природой, когда мы сомневаемся во всемогуществе рациональности и исключительной действенности логических размышлений и когда мы отвергаем идею эмансипации в смысле безразличного равенства.

Когда мы рассматриваем «основную концептуальную картину» модернизма – позитивизм и марксизм (последний как практическое политическое применение первого) в качестве крупных ошибок, тогда мы, возможно, сворачиваем к постмодерну. Когда мы отвергаем самую главную цель модернизма, а именно – осуществление автономии рационального человека и уничтожение метафизики, тогда, возможно, мы движемся к постмодернизму.

Но во всех этих сомнениях и неприятии у нас нет твердой почвы или четких ориентиров. Изобилуют путаница и неопределенность. В смысле глубокого духовного и философского кризиса нашего времени полиморфная реальность так называемых постмодернистских обществ вступила, по вполне понятным причинам, в культурно-философский контекст *декаданса*.

² См. Jean-Francois Lyotard, *Das postmoderne Wissen. Passagen* (Vienna, 1999).

В своей оценке пятисотлетнего периода западной культурной жизни Жак Барзун употребляет этимологическое значение слова «декаданс» как «спад». Будучи намного более емким понятием, чем просто летаргия или паралич, декаданс характеризуется отсутствием цели и направления, хотя

не включает в себе [...] потери энергии, таланта или морального чувства. Напротив, это очень активное время. Полное глубоких забот, но поразительно беспокойное, оно не видит четкой линии продвижения вперед. Учреждения с трудом функционируют. Повторение и крах – недопустимый результат. Скука и усталость – великие исторические силы.³

Если современность была и до сих пор является попыткой *обожествления* разума, тогда это было и есть в то же самое время преобладание безрассудства над рациональностью вместе с обеспокоенностью в отношении этого частично не осуществленного модернистского проекта, который ведет именно к тому положению дел, которое описывает Барзун и которое, кажется, отражает с зеркальной точностью современное состояние западных обществ. (Пост)модернизм прославляет разнообразие и релятивизм, и (пост)модернистское общество растворяется во множественных реалиях, разнообразных формах жизни и различных рассуждениях, при этом все они характеризуются своей исключительной онтологией и политической прагматикой.

Существует один элемент, с которым согласно большинство теорий постмодернизма: это то, что средства массовой информации играют решающую роль в постмодернистском обществе. Но, как объясняет Джанни Ваттимо, средства массовой информации (в медийном и информационном обществе) не делают это общество более прозрачным. Даже (а, возможно, в этом отношении в особенности) постмодернистское общество является сложным и хаотичным. Стремительный рост различных взглядов о мире отражается в мощной динамике медийной технокультуры. Образно говоря, индивидуум (пост)модернистского общества бездомен, лишен твердой основы множественных реалий и плавает в бурлящем котле информации.

Политические и социальные проявления

Роберт Каган в своей книге «О рае и силе» пишет о постмодернистском и постисторическом европейском рае. Он переводит (пост)модернистский декаданс в контекст трансатлантической политики мощи и разделения между стратегической культурой США и европейцев. Он цитирует видного британского дипломата Роберта Купера, заметившего, что сегодняшняя Европа живет в «постмодер-

³ Jacques Barzun, *From Dawn to Decadence: Five Hundred Years of Western Cultural Life* (New York: HarperCollins, 2000), xvi.

нистской системе», которая покоится на «неприятности силы» и на «самостоятельно выработанных правилах поведения».⁴

Купер ссылается на тот факт, что у Европы нет ни желания, ни возможности охранять свой собственный рай и удержать его от свержения как мысленно, так и физически. Но гоббесианский мир, который разрастается за пределами Европы, требует строгих обязательств. С точки зрения Кагана, Соединенные Штаты и некоторые союзники, которые разделяют взгляды США, готовы застрять в истории и разбираться со всякими «саддами» и «аятоллами», в то время как другие будут наслаждаться приятными плодами их трудов.

Один из логических выводов анализа, проведенного Каганом, состоит в том, что физическая слабость Европы – в смысле военной неспособности и политической неупорядоченности – причина позиции Европы в отношении вопросов силы и безопасности. Хотя Каган и заключает, что ключевое различие «в меньшей степени вопрос культуры и философии, чем вопрос способности», верным как раз может оказаться абсолютно противоположное. Возможно, это не экономическая жадность, благодаря которой большая часть Европы пытается «состричь» дивиденды мира и пренебречь трансатлантическими обязательствами с окончанием «холодной войны». Скорее, то, что должно быть поставлено в вину, в общем и целом, это стратегическая культура Европы в том виде, в каком она формировалась утонченной культурной революцией, которая происходит еще с 1960-х годов, с поколениями, полностью плененными соблазнами современности. И сейчас Европа вплотную сталкивается с результатами этих причудливых мечтаний, спрятанных за новыми идеалами европейца, а также глобального порядка, ведомого экономическими и демократическими принципами.

Трансатлантическое разделение, которое наметилось вслед за войной в Ираке в 2003 году в отношении применения военной силы, насколько я предполагаю, не являлось результатом несравнимых военных потенциалов, но напротив, основывалось на конструкции и конфигурации (пост)модернистских обществ. В сущности, это представляет собой огромный вызов западной цивилизации в целом.

Один из видных современных американских философов социологии Майкл Уолцер ввел понятие *неурегулирования* для описания современных западных обществ. Этот термин близок к описанию социальных особенностей индивидуального эгоизма и ценностного релятивизма – в отсутствии цели или направления, а также в отсутствии четких курсов прогресса, так пронизательно описанных Барзуном.

Однако не плюрализм ценностей, или, по крайней мере, не только он, создает дилемму, это, скорее, то, что Аласдаир МакИнтайр обозначает как «эмотивизм». Этот термин относится к феномену того, что суждения, выдвигаемые людьми,

⁴ См. Robert Kagan, *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order* (New York: Knopf, 2003).

являются лишь выражениями чувств и личными предпочтениями и больше не несут никаких моральных основ очевидности. Не важно, во что верят или что поддерживают, это в равной степени действенно для любой другой точки зрения. Можно легко себе представить, что это означает для (пост)модернистского либерального национального государства, которому все еще нужно принимать жизненно важные решения, и, не в последнюю очередь, в сфере внешней политики и безопасности.

Кажется, что нашим смыслом постмодернистской критики современности в действительности является реальность обществ западного типа: они потеряли окружающую их обстановку традиционной моральности и направляющих ориентиров. На микроуровне это возникло из-за индивидуальной бесцельности и релятивизма. На макроуровне это возникло из-за факта, что институты, формирующие ценности, такие как церкви и другие образовательные учреждения, теряют свое влияние.

Воздействие на военных

Учитывая то, что воинский профессионализм должен сохраняться в трехмерном контексте общества, политики и вооруженных сил, воздействие как на мыслительные, так и на технофизические реалии такого (пост)модернистского окружения будет иметь решающие последствия для вопросов безопасности и обороны. Такие последствия будут видны на функциональном уровне в задачах и миссиях, предписанных вооруженным силам, и на социальном уровне в том, что касается общественной интеграции, а также общей легитимности и принятия того, чем военные могли бы пользоваться в той политической системе, которой они принадлежат.

Если мы согласны, вслед за Виттгенштайном и Лиотаром, что *языковая игра*, которую производит военная система – как и любое другое профессиональное объединение, – не только порождает семантическую значимость, но также разрабатывает свои собственные модели действий и организационной культуры – свои собственные формы жизни, такие как они есть, – тогда выдвигается следующий вопрос: каким образом военная система в целом и на уровне отдельного члена должна устанавливать взаимосвязь с этим окружением?

Каковы условия, требования, потребности – но также и границы – для военно-гражданского и военно-политического общения и взаимодействия в этом окружении? Может ли военный мир вообще сохранять свои характерные особенности без отхода и исключения себя из этого окружения, возможно, за счет отчуждения до такой степени, когда его принимают в качестве необходимого зла, анахронизма давно прошедших времен? Или же этот общественный климат (пост)модернистской диспозиции впитает в себя вооруженные силы?

С парадигматическим сдвигом в обстановке, касающейся глобальной безопасности, западные военные организации переформировались от первичных ин-

струментов национальной обороны в механизмы предупреждения международных кризисов и разрешения конфликтов. Существенно измененные задачи и миссии, предписанные вооруженным силам на интернационализированной арене безопасности, требуют тесного военно-гражданского сотрудничества и, в результате изменившегося характера военных миссий, также расширенного горизонта для эффективного военного руководства. Хотя некоторые комментаторы относятся с сомнением к «*гражданской направленности*» военных, такое развитие событий, несомненно, влияет на расширяющееся включение «гражданских» предметов в учебные планы профессионального военного образования.

Означает ли это, что «гражданская направленность» военных содержит в себе решение вопроса? Может ли солдат вообще хотеть быть вписанным в общество, которое структурирует себя, как это описывалось выше? Или, скорее, наоборот, будет ли военным предоставлен потенциальный шанс, чтобы сыграть свою роль в обогащении общества, сменяемого ценностной произвольностью, релятивизмом и скептической фрагментацией, путем выхода за границы профессионального военного образования?

Образование руководящего состава

В то время как модернизм сосредоточен на *знаниях*, постмодернистский подход концентрируется на *здравом смысле*. Как объясняет немецкий философ Роберт Шпэмманн, благоразумие – это то, что имеет здравый смысл не только на первый взгляд. Здравый смысл должен иметь дело с обдумыванием любых последствий решений и действий. Всякое понимание образования и педагогики, нацеленное на основные результаты, в том смысле, что в конце образовательного процесса будет достигнуты точно заданные качественные характеристики, упускает саму суть образования и имеет результатом создание марионеток и учебных схем. Только целостный подход в образовании позволит студентам адаптироваться к содержанию и новаторски менять его в соответствии с текущей ситуацией.

Со временем философские и научные принципы модернизма низвели образование до статуса простого «руководства знаниями». Следуя линиям аналитического разума и линейному прогрессу в истории, образовательный подход в основном понимался как процесс накопления фактического материала и данных, а в недавнее время – как предоставленный к ним доступ (по возможности, в режиме реального времени и легко извлекаемый из сети). Уже не качество и эмансипация личности были главенствующими, а, скорее, ее регулирование, нацеленное на телеологическую управляемость и функционализм. Из-за редуционистских тенденций технического детерминизма мы перестали видеть в себе прежде всего человека. Последствия такого чисто инструментального и телеологического понимания образования вылились в действительную проблему, поскольку был сформирован в целом плохо ориентирующийся и недостаточно уверенный в себе тип человека.

Поэтому вслед за постмодернистскими течениями стал наблюдаться поворот к концепции образования, которая сосредоточена на идее гармонично развитого человека, а также на идеале всесторонне образованной личности. При таком понимании образование включает в себя измерения знаний, возможностей и добродетели. Только в случае охвата образованием сферы основ морали, оно позволяет каждому формировать себя интеллектуально и, основываясь на автономии и самоопределении, полностью реализовать собственное человеческое «я». Таким образом, образование трансформируется в нечто такое, что предоставляет любому индивидууму знания и здравый смысл, основывающиеся на великих традициях человеческих усилий в сфере гуманитарных наук и культуры. Это готовит человека к формированию своего характера, хотя в то же время предоставляет ему момент свободы.

Вкратце, образование является большим, чем передача непосредственных знаний и способности, которые могут потребоваться при выполнении профессиональных задач. Образование охватывает все то, что не является ограниченным, знания свободного доступа, которые превышают потребности профессиональной деятельности. В определенной степени первое начинается там, где заканчивается последнее. Таким образом, образование в конечном итоге приводит к состоянию, в котором индивидуум фактически и, в самом глубоком смысле этого слова, этически способен взять на себя «ответственность». Таким образом, концепция образования вырастает до уровня культурной задачи, если не обязанности, этического измерения, требования, которое апеллирует к индивидууму в таком же полном объеме, как и к любой политической системе.

Для военной науки Карл фон Клаузевиц все еще представляет полную противоположность модернистскому позитивизму и релятивизму. Когда он говорил об «искусстве войны» (*Kriegskunst*), он ссылаясь на тот факт, что военное руководство является, скорее, образной, чем научной способностью. Поэтому теория должна представлять собой, скорее, *созерцательную* (*Betrachtung*), а не *догматическую доктрину*, и должна вести к «формированию способности».

Клаузевиц также объясняет, что теория становится безгранично более сложной, как только она затрагивает сферу «моральных ценностей» (*geistige Größe*). Хотя эта фраза в оригинале представляет собой более широкую концепцию, основная ее идея в том, что, когда приходится иметь дело с человеческой жизнью и деятельностью, теория более не может предсказывать и контролировать динамику вещей.

Клаузевиц, естественно, не мог ничего сказать о цифровом принятии решений и о постепенном исчезновении различий между людьми и технологиями. Он не мог предсказать информационную эпоху с ее информационной революцией и последующую революцию в военной сфере. Однако противопоставление человеческой и технологической парадигм нашего дня проводит параллель дилеммы между моделью Клаузевица и позитивистским подходом последних двухсот лет.

Поскольку война, в какой бы форме она ни была и на каком бы технологическом уровне она ни осуществлялась, будет оставаться общественным актом, мы никогда не должны забывать о «вечном человеческом лице войны».

Возможно, самый большой вызов для современного и будущего образования лидеров будет в том, чтобы подвести верный баланс между «человеческим фактором» и технологиями. «Человеческая сущность» в смысле замысловатого сочетания физиологических, психологических и социологических факторов, всегда будет более мощной и решающей, чем любой вид технологий. Технологии никогда не заменят творчество, мораль, сплоченность, дух или обязательство – навеки наиглавнейшие факторы в военных победах и поражениях.

Заключение

Что касается постмодернистских дебатов, то Запад находится в переходном периоде. Текущее положение вещей состоит в том, что это период между разрушением модернизма и постмодернизмом, который так еще и не наступил окончательно. Иными словами, если то, что мы определяем как постмодернизм, является в реальности развалом на части модернистских обществ, приведением к этой глубокой неоднородности вслед за исчезновением великих идеологий, тогда можно надеяться на то, что в эту наступающую эпоху постмодернизма будут обретены смысл и направление. В этом случае, постмодернизм не обязательно должен представлять продолжение модернизма или его дальнейшее укрепление, а мог бы, скорее, стать переходом за его пределы, что продвигало бы нас вперед от ограничивающего модернистского диктата позитивистского разума.

Можно надеяться, что мы сможем вновь завладеть полным списком гуманитарных дисциплин и форм знаний, которые лежат далеко за пределами ограниченный аналитического разума. Если говорить с точки зрения политики, то должны появиться ожидание и решимость в преодолении парализующего декаданса, постоянно преследующего Запад.

Учитывая насильственное и склонное к войне положение, в котором оказалась большая часть незападного мира в период после «холодной войны», а также характер угроз изнутри, разрастание проблем экономического и социального толка, национальную вражду и споры в отношении границ, нелегальную миграцию, организованную преступность и коррупцию, где каждую из проблем можно решить только посредством тесного взаимодействия между военными и гражданскими органами, – общение внутри стратегического сообщества будет вестись касательно конкурирующих интересов, соперничества за ресурсы и постоянной борьбы за легитимность претензий и требований.

Тем не менее, даже на более сложной, чем когда-либо, арене безопасности, если военные учреждения правильно воспользуются этой возможностью, вооруженные силы, несомненно, станут частью борьбы за духовное формирование будущего.

Гражданская направленность военных? Профессиональные дисциплины, этос и европейские вооруженные силы

Патрик Майлхэм *

Смущенные и сбитые с толку

«Давайте будем говорить предельно ясно», - заявил генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон в марте 2001 года. «Единой европейской армии не существует и существовать не будет. Не будет постоянных европейских вооруженных сил». Как он заверил аудиторию, «национальные вооруженные силы будут оставаться прежними, а именно, национальными силами под командованием национальных правительств».¹

Формулируя позицию НАТО по вопросу развития европейских вооруженных сил, г-н Робертсон, возможно, сознательно или подсознательно отдалил НАТО от концепции Европейского сообщества по развитию многих из тех самых национальных вооруженных сил, которые, возможно, стали бы единими сухопутными войсками, военно-морским флотом и военно-воздушными силами через десять или двадцать лет. Действительно, ЕС в целом, и особенно государственные руководители «старой Европы», активно продвигают Общий курс в сфере внешней политики и безопасности (ОКВПБ), Европейскую политику в области безопасности и обороны (ЕПБО) и – как бы по-разному ее ни понимали – Европейскую составляющую в области безопасности и обороны (ЕСБО).² Являются ли лица, принимающие решения, только идеологами, чьи последователи будут осуществлять руководство над смущенными и сбитыми с толку, не слишком компетентными воинами, или они действительно находятся на пути к установлению понятных, всесторонних и эффективных мер безопасности в деле укрепления мира и стабильности в мире? В самом деле, возможно, следует взглянуть несколько шире, например, на Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), который объединяет сорок четыре государства, простираясь от Северной Америки до Урала, и который способствует развитию военного профессионализма как неотъемлемого фактора в развитии международной стабильности.

* Д-р Патрик Майлхэм работает в Бизнес-школе Университета Пэйсли, Шотландия. Специализируется на этике и морали в вооруженных силах. Он является выдающимся автором по европейским вооруженным силам периода после «холодной войны».

¹ Lord Robertson of Port Ellen, "NATO – The Enduring Mission," *RUSI Journal* 146:2 (апрель 2001 г.): 5.

² «Старая Европа» - образное выражение, употребленное министром обороны США Дональдом Рамсфелдом, в частности, в ответ на сопоставление Франции, Германии и Бельгии предложению о военных действиях против Ирака, - цитируется в «*Файненшл Таймс*», 18 февраля 2003 г.

Целью данной статьи является исследование определенных качественных принципов, компетенций и критериев как способов профессионализации вооруженных сил Европы, создания внутреннего и международного доверия, которые, таким образом, способствуют распространению демократии и безопасности.³ Термин «дисциплины» употреблен намеренно, означая конвергенцию практического и интеллектуального, также подразумевая при этом поиск универсальной доктрины военной профессии.

Это исследование возникло в результате запроса, направленного автору в 2001 году специальным советником Генерального секретаря НАТО по Восточной Европе, Кристофером Донелли, чтобы определить, что в настоящее время составляет военную компетенцию, а также выделить описание того, что понимается под «профессиональными вооруженными силами». На тот момент не существовало надлежащего определения теории и практики.⁴

Большое количество литературы и работ по теме профессионализации вооруженных сил было посвящено вопросам сокращения армий массового призыва континентальной Европы и бывшего Советского Союза в период после «холодной войны» и особенно вопросу последствий этого процесса для внутренних военно-гражданских отношений в разных странах. Термин «профессионал» использовался главным образом невоенными аналитиками для обозначения противоположности к «призывнику». В данной статье представлен взгляд на вооруженные силы изнутри, при этом профессионализм рассматривается как показатель качества военной деятельности, ее действенности, компетентности и эффективности. Здесь не исключается военно-гражданский долг как часть государственного строя или воинская служба в своем самом широком контексте. Действительная военная служба, называемая «регулярной» в Великобритании и являющаяся синонимом профессиональной или «контрактной» военной службы в других языках, представляет, таким образом, главный объект внимания данного исследования.

³ Эта статья является основой для будущего научно-исследовательского проекта, предлагаемого автором. Некоторые из этих тем уже были раскрыты в разделе “Professional Armed Forces: Concepts and Practices,” в книге *Defence Management in Uncertain Times*, ред. Teri McConville и Richard Holmes (London: Frank Cass, 2003).

⁴ Конференция под названием «Реформирование Украинских вооруженных сил», состоявшаяся в июле 2001 г. в Центре изучения вопросов обороны и безопасности, Университет Ланкастера. Целью было разработать полностью логическое обоснование и универсальный кодекс военной службы, а не просто систему «исходных данных». Социология (в большей степени, чем теория или политика) военного профессионализма разрабатывается М.Д. Фелдом (аскриптивный аспект), Артуром Ларсоном (радикальный/прагматический аспект), Чарльзом Москосом-младшим (институциональный/ профессиональный аспект) и Джузеппе Кафорио и Мариной Нуסיари (гибридные модели). См. Джузеппе Кафорио, ред., *Handbook of the Sociology of the Military* (New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2003), 69–70.

Прежде всего, нужно сформулировать следующие вопросы в отношении основных принципов:

- Для чего созданы вооруженные силы?
- Как они действуют?
- Какие боевые задачи стоят перед ними?
- Какие существуют ограничения на «ведение боевых действий»?
- Почему вступление в ряды вооруженных сил должно быть для человека делом выбора?
- Является ли профессия военного «подлинной профессией»?

Поскольку международное право указывает, что к военным действиям следует обращаться в последнюю очередь, скорее, «управление насилием»,⁵ а не «действие как таковое»⁶ является частично ответом на первый вопрос. Так как существует большое количество классической теоретической литературы по этой теме, начиная с таких авторов, как Сэмюэль Хантингтон, Жак ван Доорн, Чарльз Москос и Моррис Яновиц, мы не будем здесь останавливаться на этом.

Мы считаем, что обращение к этим вопросам как в интеллектуальном, так и практическом плане, ведущее к комплексу дисциплин, поможет утвердить уровень профессионального сознания среди служащих вооруженных сил, гражданских руководителей и населения различных государств в целом. Конечной целью определения профессиональных военных дисциплин является укрепление мира.

Оценка компетентных вооруженных сил

Обычная характеристика военной профессии содержит три компонента «военной эффективности» и «боеспособности»: идейный, моральный и материальный.⁷ Что касается последнего, военный потенциал всех национальных вооруженных сил ежегодно оцениваются такими организациями, как Международный институт стратегических исследований (ИИСС) в «*Милитэри Бэлэнс*» наряду со Стокгольмским международным институтом исследований мира (СИПРИ) в своем ежегоднике. Королевский НИИ оборонных исследований ВС (РУСИ) также ежегодно выпускает «Индекс оф маршалл потенси», который сравнивает и противопоставляет военные ресурсы государств по регионам и в глобальном масштабе.

⁵ Harold Lasswell, *The Analysis of Political Behaviour* (London: Kegan Paul, 1947), 152.

⁶ Samuel P Huntington, *The Soldier and the State* (Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1957), 13.

⁷ Министерство обороны, *Оборонная доктрина Великобритании, British Defence Doctrine* (второе издание) JWP 0 – 01, 2001 (первое издание 1996), предписывает «основы», а не «компоненты», приводя пять из них: концептуальная, моральная, кадровая, материально-техническая основы и вспомогательная инфраструктура.

Однако эти количественные исследования освещают только одну сторону вопроса. В рубрике к «Индексу» издатель РУСИ Майкл Коднер предупреждает:

Здесь не учитывается ни государственная эффективность в использовании оборонных ресурсов, ни такие важные аспекты, как моральный дух или существующие типы военных сил и средств... Для этого требуется более широкое измерение национальной мощи, которое включало бы все источники национальной силы и слабости.⁸

Именно качество национальных вооруженных сил в отношении ко «всем источникам национальной силы и слабости» должно быть делом политиков, военных руководителей и тех членов общественности, которые серьезно относятся к вопросу международной обороны и безопасности.

Необходимо констатировать, что некоторые либерально-демократические государства чрезвычайно чувствительны в отношении «функции» своих военных институтов. Они считают их место в государстве едва ли не идеологически стеснительным и расценивают их как нечто вроде неизбежного зла. Есть признаки того, что такие демократии не стремятся к созданию эффективных вооруженных сил; профессионализм, возможно, прямо или подсознательно приравнивается к милитаризму, который враждебен гражданскому обществу. Другие демократии признают вооруженные силы как институты, образующие основу государства ввиду отсутствия других проявлений национальной службы или составляющих государства. В предисловии к своей книге *«Демократия и вооруженные силы»*, выпущенной в 2002 году, Филип Эвертс сопоставляет «традиционную сдерживающую роль ... общественного мнения, ... когда демократические государства должны принимать решения о войне и мире», и «опасное положение, когда допускается, чтобы общественное мнение брало на себя ответственность за вопросы, которые лучше оставить в руках надежных специалистов».⁹ Традиция призыва на военную службу ограничивает развитие действительной военной компетенции. Некоторые либерально-демократические государства – где экспертам действительно доверяли, – создали успешные наступательные военные операции для подчинения и принуждения заблудших наций и групп с использованием реальной силы или для предупреждения правонарушений, как, например, при выполнении миротворческих и гуманитарных задач. Серьезное отношение государства к военным задачам обычно связывается с ВВП, хотя военная отдача или возмещение инвестиций для менее сильных и привязанных к призыву государств, становятся, вероятно, все более неудовлетворительными. Призыв на военную службу дорог. К тому же призыв повсюду непопулярен.

⁸ Michael Codner, “The RUSI Martial Potency Index 2002,” *RUSI Journal* 147:6 (декабрь 2002 г.): 14–15.

⁹ Philip Everts, *Democracy and Military Force* (Basingstoke: Palgrave, 2002.), xi.

Некоторые государства поэтому спокойны и находятся в «полном согласии» со своими вооруженными силами, в то время как другие содержат их с гораздо меньшим энтузиазмом, под воздействием различных национальных политических программ и при обоюдной социальной холодности и непопулярности. За прошедшие два года стало очевидным, что существует растущая, даже острая потребность в международном пересмотре уровня профессионализма вооруженных сил, чтобы те смогли эффективно участвовать в создании и поддержании безопасности в будущем. Угрозы для безопасности, в частности, в чисто военном, а также в более широком смысле, становятся более разнообразными по характеру и более широкими по размаху после 11 сентября 2001 года, чем в предыдущее десятилетие; возможно, они станут даже более опасными, непредсказуемыми и внезапными.

Дивиденд мира

Многие факторы и их последствия, которые могут влиять на безопасность и небезопасность в мире, особенно в европейском и соседних с Европой государствах, были осознаны лишь после падения Берлинской стены в 1989 году и в конце «холодной войны». Это произошло по той причине, что «мирное наступление Горбачева...было отчаянной попыткой сократить гонку вооружений с технологически более развитым Западом, которая могла нанести серьезный урон советской экономике и обществу».¹⁰ Советский Союз доминировал над странами-членами Варшавского договора иначе, нежели Соединенные Штаты доминировали в НАТО. Именно поэтому Варшавский договор так быстро потерпел крушение в отличие от НАТО. Это не означает, что НАТО не становится постепенно менее таинственным или не трансформируется заметным образом в зависимости от того, является ли чья-то точка зрения пессимистичной или более убедительной. Тем не менее, есть основания полагать, что, с точки зрения оставшейся единственной супердержавы, в военном отношении вооруженные силы государства «старой Европы», основанные на воинской повинности, являются столь же непрофессиональными, как и сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы бывшего Варшавского договора. Разница состоит в том, что первые являются силами богатых и зрелых либеральных демократий, в то время как последние таковыми не являются. НАТО периода после холодной войны иногда, как кажется, действительно способствует сохранению недоверия, заявляя, что безопасность представляет собой те же самые военные идеи и характерные черты, только в большем объеме.

¹⁰ Vladislav M. Zubok, "Why Did the Cold War End in 1989? Explanation of 'The Turn,'" в *Reviewing the Cold War. Approaches, Interpretation, Theory*, ред. Odd Arne Westad (London: Frank Cass, 2001), 349.

Мерилом политической зрелости является тип и качество военно-гражданских отношений, как в смысле гражданского контроля над военными, так и в смысле отношений вооруженных сил и населения. Некоторые государства не считают американских военных действительно профессионалами, каковыми считают себя американцы. Профессионализм – это нечто большее, чем мощный потенциал. Европейцы видят в США некий типичный образец подсознательно милитаристской культуры, которая оказалась такой нефункциональной в прошлом.¹¹ Необходимо также отметить, что так громко воспетая «революция в военных делах» не нашла сколько-нибудь значительного воплощения в большинстве государств Европы. Нечем особенно гордиться в отношении показателей вооруженных сил большинства европейских государств за последнее десятилетие. Действительно, сложно понять, в какой валюте выплачивается дивиденд мира. Как было сказано, Хельсинское соглашение, принятое на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (КБСЕ) в 1975 году, привело в 1980-х годах к ряду военных и дипломатических мер по укреплению доверия, которые были заменены непосредственно в период после «холодной войны» замечательными инициативами Партнерства ради мира (ПРМ) и инициативами оборонной дипломатии. Однако следует задать вопрос, к чему они приведут?

Возвращаясь к теме будущего, уместно вспомнить о том, во что верили аналитики предшествующих десятилетий. Моррис Яновиц, который так много сделал для продвижения понимания военной социологии начиная с 1960-х годов, предвидел пять показателей перемен в 1960 году: видоизменение «основ полномочий и дисциплины» в направлении более убеждающих методов контроля; развитие «профессионализма» путем создания большего подобия между военными и обществом; изменение структур карьеры в целях продвижения компетенции, а не патронажа; стирание различий в квалификации между военной и гражданской элитами вследствие использования научных методов управления; а также развитие все более «эксплицитного политического этоса». Эта последняя тенденция не означает политического вмешательства со стороны военных, но, скорее, усиление и сохранение гражданского контроля над военными путем взаимной информированности и зрелости в принятии военных решений.¹² Спустя 30 лет в 1990 году, Чарльз Москос-младший, другой ведущий военный социолог с длительным стажем, утверждал, что «постоянная армия по призыву резко сократится и будет заменена хорошо оплачиваемыми профессиональными кадрами»; появится профессиональный «военнослужащий/ученый», «тогда как офицерский корпус станет составной частью общей консультативной службы или структурой по делам международной безопасности [и]... Исследования по безопасности

¹¹ США имеют также огромный военно-промышленный потенциал. Как и Великобритания, Россия и Франция.

¹² Morris Janowitz, *The Professional Soldier* (Glencoe, IL: Free Press, 1960), 8–12.

[будут] широко распространены ... и их направленность в значительной степени отойдет от узкой сосредоточенности на военных действиях». Кроме того, призыв на военную службу сократится, и в «государствах, которые упорно продолжают эту практику», он станет менее приемлемым; «разделение военных/ полиции во многих государствах» станет менее четким, поскольку «вооруженные силы возьмут на себя в большей степени не только полицейские функции, но и невоенные задачи, такие как управление последствиями бедствий». В заключение Москос утверждает, что престиж и «социальный статус» вооруженных сил будут относительно снижаться.¹³

Во многих отношениях эти предсказания, касающиеся модернизации, были применимы как в отношении вооруженных сил старых государств Европы, так и государств, вышедших из Варшавского договора. В первых государствах постмодернистское политическое и экономическое взаимопонимание и взаимодействие быстро развивались, в последних - еще многое осталось от беспорядка периода после *гласности* и после *перестройки*. Некоторые государства группы СЕАП пытаются провести модернизацию и постмодернизацию одновременно с реформированием военной сферы, в то время как другие уже давно постмодернизировали свои вооруженные силы в недействующие, символические/ неэффективные или нефункциональные институты. Будет справедливым утверждение, что позиция, заявленная некоторыми нейтральными государствами, - это роскошь, обеспечиваемая военными усилиями соседних, не являющихся нейтральными государств, которые готовы воевать за них. Антитезой для «воина», вероятно, является не просто профессиональный, но «военный с гражданской ориентированностью», выражение, которое все чаще используется в военно-политической речи в либерально-демократических государствах, имеющих сильные вооруженные силы.¹⁴ Однако профессиональный военный иногда должен выполнять некоторые очень грубые, неприятные и «нецивилизованные» задачи, которые ничуть не легче, чем в тяжелом бою. Следовательно, термин «воин» сохраняется.

В наибольшем смятении находятся военные посткоммунистических европейских государств. Три британских аналитика - Эндрю Форстер, Тимоти Эдмундс и Эндрю Котти - составили совместное исследование по вопросу современного состояния и вероятного развития программ профессионализации в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы и государствах Прибалтики, а также в Украине и в России. Что интересно, автор, пишущий по вопросу Российских

¹³ Charles Moskos, "Armed Forces after the Cold War: The Personnel Implications," в материалах семинара Группы британских военных исследований - Центр по изучению вопросов обороны, Кингз Колледж, Университет Лондона, 20 декабря 1990 г., 15.

¹⁴ Patrick Mileham, "Building the Moral Component," в *Military Ethics for the Expeditionary Era*, ред. Patrick Mileham и Lee Willett (London: Royal Institute of International Affairs, 2001), 61.

вооруженных сил, Дейл Р. Херспринг, основывается в своих заключениях на так называемой программе «депрофессионализации». Осмысливая всю эту аналитическую деятельность, проведенную с позиций стороннего наблюдателя (только один из семнадцати авторов был профессиональным военным), авторы разработали весьма полезное определение и «типологию» вооруженных сил, приводящие к «идеальным» типам - идеальному значению в соответствии с моделями исследователей, а не тому, что в конечном счете являлось желательным.¹⁵ Программы неизбежно были направлены на постепенную отмену призыва во многих государствах, и этот процесс иногда понимается как идущий вразрез с переменными, характеризующими их позиции по геополитической обороне и безопасности. В этом они похожи на многие западноевропейские государства; действительно, многое в работе этих авторов применимо в международном масштабе.

С точки зрения Карла Халтинера, в регионе существует общая тенденция, состоящая из трех периодов: сокращение размеров вооруженных сил (1990–95 г.г.), «этап интернационализации и профессионализации под руководством НАТО» (1996–2001 г.г.), и волна модуляризации и увеличения гибкости, приблизительно начиная с 2000/1 г.г. Он пишет в общем о демилитаризации обществ приблизительно в тридцати европейских государствах и, что касается операций по поддержанию мира, о тенденции к «приданию ВС некоторых полицейских функций и интернационализации» вооруженных сил. Он также пишет об увеличении разрыва между гражданскими и военными в некоторых обществах, а также о том, что он описывает как «ремилитаризацию военных».¹⁶ Многие из этих замечаний подтверждает то, что прогнозировали Яновиц и Москос, однако именно ремилитаризация или дальнейшая профессионализация кадрового состава полной занятости нуждается в дальнейшем прогнозирующем исследовании и последующем подтверждении.

Далее в этой статье мы попытаемся рассмотреть как бы с внутренней, военной точки зрения те принципы, которые могут привести в конечном счете к меньшим по размерам «хорошо оплачиваемым профессиональным кадрам», которые должны, могут или будут преобладать во многих государствах СЕАП, ве-

¹⁵ Anthony Forster, Timothy Edmunds и Andrew Cottey, ред., *The Challenge of Military Reform in Post Communist Europe, Building Professional Armed Forces* (Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2002). Идеальная типология представлена авторами на стр. 8–12: «Активное участие (идеальный тип проекции силы, идеальный тип территориальной обороны); ограниченное участие (постнейтральный идеальный тип, идеальный тип нейтралитета)». Эти типы модифицируются под воздействием различных факторов и особенностей «роли, компетентности, ответственности (инициации командования и делегирования) и типологий продвижения (карьерного роста)».

¹⁶ Karl W. Haltiner, "From Centre to Periphery. The European Post Cold War Military Reforms and Their Impacts on Civil-Military Relations," будет выпущена в скором времени Центром демократического контроля вооруженных сил, Женева.

роятно, через двадцать лет. В последующих разделах по очереди будут рассмотрены переменные величины внутри каждого из трех тематически определяющих компонентов «военной эффективности» и «боевой мощи», которые мы уже упоминали. Какие-то из этих определяемых переменных являются объективными, какие-то субъективными, но все они определяют качество и дают ориентиры точной системы оценки военной профессии, системе, которая в обозримом будущем станет применяться во всем мире.

Теоретические дисциплины

Будь то военная, академическая, функциональная или финансовая, любая система анализа требует объективных дисциплинарных методов оценки теории и практики. При изучении концептуальных и когнитивных дисциплин для вооруженных сил в либерально-демократических государствах, необходимо прежде всего подчеркнуть необходимость гражданского контроля над военными.

Монополия государства на применение силы является определяющей чертой либеральной демократии. Теоретически гражданские министры (и гражданские служащие, им подотчетные) должны законным образом обладать полным политическим, административным и финансовым контролем над всеми служащими в военной форме, старшими и подчиненными в военной иерархии. Другое дело, насколько эта теория соответствует на практике потребностям укрепления безопасности и обороны. Требуется также более четкое определение личного назначения и полномочий гражданских и военных функционеров, однако установившаяся практика и, прежде всего, качество отношений на всех уровнях будут определять возможность достижения гражданскими должностными лицами и военными руководителями, командующими и управляющими, наивысшего стандарта внутренней и внешней эффективности военных институтов.

От министра обороны до последнего капрала или рядового, для всех лиц действует формула «занимать пост». В демократических государствах исполнительная власть основана на службе государству. Определение «занимать пост ... [включает в себе] ожидания ... определенных стандартов ... деятеля или занимающего пост. Пост – это в юридическом смысле ответственность доверительных функций».¹⁷ В идеальных демократических государствах исполнительная власть основана в конечном счете на избираемом управлении по доверенности. Электорат категорически отрицает абсолютную, постоянную власть отдельных личностей. Это не означает, что неизбранные, «постоянные» профессионалы имеют конституционную власть над избранными представителями в каком-либо другом аспекте, чем управление по доверенности в их профессиональной

¹⁷ Andrew Dunsire, “The Concept of Trust,” в *Teaching Ethics, Volume 1. Government Ethics*, ред. Rosalind Thomas (Кембридж: Центр этики бизнеса и государственной службы, 1989), 336–37.

компетенции, по определению или имплицитно.¹⁸ Профессионализм гражданских служащих, так же как и качество политического руководства министров, – а одно из определений руководства – это рост ожиданий, а также доверие и доказательство их выполнения – является составной частью этой формулы.

Гражданский контроль над военными функционирует хорошо, если в каждой группе сотрудников – избранных или постоянных, гражданских или военных – работают действительно эксперты, какими их видит Филип Эвертс, и которым доверяет общественность. Особенность этой теории военно-гражданских отношений, следовательно, заключается в высоком уровне доверия, который поощряется и поддерживается внутри самих доверителей, а также между доверителями и общественностью. Каждая категория сотрудников – политическая, правительственная, гражданская служба и военные – имеет обязанности внутри этих отношений. Важно, чтобы министры не формулировали необдуманные и необоснованные политические курсы или не отдавали опрометчивые приказы или указания как в повседневном руководстве, так и в управлении вооруженными силами или операциями.

Военнослужащие в действительно профессиональных вооруженных силах не имеют права отказаться от необходимости выполнять приказ, однако их профессиональный долг в том, что они имеют право использовать все средства убеждения (за исключением политических) для предотвращения опрометчивых и необдуманных военных действий и операций. Действуя в рамках условий внутреннего права, они также должны соответствовать международному праву. Именно это Яновиц имеет в виду под выражением «эксплицитный политический этос». Хорошо проведенная совместная повседневная профессиональная работа, включающая расчет риска, учитывающая ожидаемое конечное состояние военного действия, связанная с юридическими, дипломатическими, экономическими и другими соображениями и действиями, должна сократить или исключить профессиональный конфликт (или даже следы политического конфликта) между категориями профессионалов. Отвечая всем этим критериям, надежные национальные вооруженные силы смогут занять достойное место в союзе и деятельности международной военной коалиции, где применяются те же стандарты управления по доверенности.

Вторая дисциплина военной профессии посвящена глубине и широте военной мысли и доктрины. На самом высоком уровне мышления традиция объективности является определяющей характеристикой профессии, тем не менее, этот образ мыслей связывает ее с другими профессиями и широкой общественностью. В результате складывается постоянно пересматриваемый и развиваемый комплекс

¹⁸ Модель США большого числа «политических» государственных гражданских служащих, введенных как «администрация» президента, копируется некоторыми государствами, с учетом принципа взаимоограничения властей или без него.

знаний и мудрости, который должен быть систематизирован в письменной форме. Однако это также должно имплицитно присутствовать в коллективной мудрости и памяти профессии. Понимание того момента, когда доктрины и нормы становятся устаревшими и реакционными, является частью компетентного профессионального суждения.

Военная доктрина в собственном смысле слова как любая профессиональная доктрина имеет целью предоставление «первых принципов», полученных как эмпирически, так и *a priori*, исходя из которых профессия и поддерживающие ее институты могут буквально вести поиски новых элементов или иногда новых основных принципов. Труды по боевой и оперативной доктрине, политике и практике должны быть написаны на различных уровнях теории и практики – главном стратегическом, стратегическом, оперативном и тактическом уровнях, согласно терминологии НАТО. Большое количество вспомогательной документации также должно быть опубликовано в целях отражения сложности и технической усложненности вооруженных сил государства, их обязанностей, деятельности и управления.

Таким образом, в отличие от административной инфраструктуры, которая является частью планирования вооруженных сил, профессиональная армия должна создавать прочные связи с внешними исследовательскими институтами и поддерживать внутренние институты, которые могут заниматься изучением и развитием вооруженных сил, а также свои связи с другими профессиями, занятиями и организациями. В некоторых государствах есть военные университеты и специализированные колледжи. Во многих из них есть колледжи для персонала, где специалисты совместно изучают искусство и науку универсального мышления, более широкое применение вооруженных сил, а также различные потребности безопасности. Офицерские академии и обучающие учреждения для сержантов и солдат аналогичным образом существуют во всех государствах, которые претендуют на современные, функциональные вооруженные силы.

Третьей дисциплиной зрелых профессиональных вооруженных сил является то, как планируется их взаимодействие с другими институтами и организациями, участвующими в обеспечении национальной и международной безопасности. Это взаимодействие должно включать соответствующее качество сетевых отношений на основе взаимности; другие институты, конечно, также должны быть в высокой степени профессионализированы, чтобы их отношения с военными были эффективными и продуктивными для всех сторон. Типичными национальными институтами являются: разведывательные органы; гражданская полиция (невооруженная или легко вооруженная полиция); жандармерия (вооруженная полиция); милиция или национальные ополченцы (добровольцы); гражданская армия (призыв); добровольцы, вооруженные силы неполной занятости, сформированные как военные подразделения; пограничная охрана; таможенные служа-

щие (включая иммиграционный контроль и налоговые сборы); а также другие организации на случай чрезвычайной ситуации.

Эти институты являются отличными от других, поскольку в большинстве демократических государств термин «профессиональный» обычно применяется в отношении вооруженных сил полной занятости как конечного воплощения монополии на силу под контролем правительства. Каждое учреждение и орган должны сами иметь четко определенные роли и повседневные задачи, имея настолько жесткие параметры, насколько это уместно, разумно и выполнимо. Некоторые из них должны быть демилитаризованы, поскольку в настоящее время их задачи пересекаются и противоречат задачам регулярных вооруженных сил. Если происходит рациональное, повседневное и обычное пересечение ролей и задач, то они также должны быть определены. Можно утверждать, что, если один институт или более дадут сбой, особенно во время национального чрезвычайного положения, на профессиональные вооруженные силы может быть возложена задача выполнения их работы в качестве аполитической рабочей силы как последнего средства, так сказать, хотя и с различной степенью эффективности.

Четвертой идеализированной и теоретической дисциплиной полностью профессионализированных вооруженных сил является качество и количество распределяемых ресурсов, а также способ их конфигурации. «Планирование сил» - это структурная и физическая концепция, которая является объектом тщательного руководства со стороны лиц, определяющих политику - как гражданских, так и военных, определяющих роль и задачи в зависимости от потенциала.

Хотя многие государства не претендуют на способность гарантировать полную безопасность от внешней агрессии или способность вести военные операции в удалении от своих границ, некоторые из них, кажется, одобряют совершенно несоразмерный силовой потенциал даже как полные члены альянсов по коллективной обороне: их относят к категории так называемых «вольных наездников» (*free riders*). Требование профессионального военного статуса подразумевает уровень высокой функциональности, который гораздо ближе к такому краю спектра, как всеобщая национальная оборона, чем к минимальному и символическому.

Определяя соразмерность, начинают с ограничений или возможностей «полемичности ... соотношения вложенной энергии (прямо или косвенно) в ведение войны или ее подготовку к общему количеству энергии, доступной обществу».¹⁹ Это примерно равняется ВВП, отведенному на оборону и безопасность в более общем смысле. Если нет достаточного бюджета, чтобы укомплектовать личным составом вооруженные силы, экипировать их и предоставить им материально-техническое обеспечение для урегулирования ожидаемых и непредвиденных

¹⁹ Stanislaw Andreski, *Military Organizations and Society* (London: Routledge and Kegan Paul, 1954), 127-28.

чрезвычайных ситуаций, такие вооруженные силы, скорее всего, потерпят неудачу; в этом случае их потенциал не соответствует их задачам.

В данной статье недостаточно места, чтобы обсудить планирование сил в деталях. Однако в эту рубрику следует включить направление политического курса, менеджмент, финансирование и другие ресурсы, обеспечивающие достаточные средства для боевых подразделений, получающих прямую поддержку подразделений и персонала «боевой поддержки» и «боевой технической поддержки» (пользуясь терминологией НАТО). В планирование сил на основе поддержки операций на расстоянии и с течением времени включены системы, как материальные, так и административные, в совокупности с широким набором военных процессов и процедур. Согласованные усилия, направленные на планирование, развитие, материально-техническое снабжение и обслуживание всей *материальной части*, включая потребительские товары, совместно с отношениями с внутренней и международной оборонной промышленностью также тесно связаны с качеством отдачи от обороны и, пользуясь понятным финансовым термином, прибылью от военных инвестиций. Профессиональным вооруженным силам нужны профессиональные инфраструктуры, которые являются многоцелевыми, достаточно сложными и гибкими, чтобы действовать в чрезвычайных ситуациях быстро и так долго, сколько это необходимо.

Качество связей, доктрин и планирования сил является, следовательно, важными показателями профессионализма. Вооруженные силы, которые явно дают сбой в результате недостаточности качества и ресурсов, будут утрачивать свое значение в профессиональном смысле в своих глазах и среди населения, как дома, так и за границей, и, конечно, перед лицом неприятеля в ходе боевых действий. Это ведет ко второй группе дисциплин.

Практические дисциплины

Вышеназванные дисциплины военной эффективности и боевой мощи становятся наглядными в практическом военном применении, в результате чего доказывається дееспособность или эффективность компетенций.

Пятой дисциплиной является технические знания и использование технологий. Методики боевых действий от боя на близкой дистанции до использования сложного высокотехнологичного оружия и оборудования являются практическими, материальными компонентами военной мощи, зависящими от политических курсов, дисциплин и уже описанных методов планирования вооруженных сил. Насколько эффективно используется «технология», зависит от военных дисциплин в самом широком смысле.

«Технический аспект», то есть специальные военные политические курсы и методики, которые возникают, конечно, на основе доктрины, исследования, образования и обучения, передаются новым поколениям военнослужащих, которые, в свою очередь, разрабатывают новые политические курсы и методики.

Кроме того, необходимо полностью задействовать коллективную память и мудрость вооруженных сил, чтобы сохранить комплекс этих навыков, полезных для подготовки и ведения военных операций. Таким образом с течением времени из личного состава создается «человеческий капитал».

Постоянные вооруженные силы являются необычными в следующем смысле. Они тратят много времени на обучение, подготовку и поддержание своей квалификации, как в материальном, так и умственном плане, предполагая только частичную вероятность того, что она будет применяться в реальных боевых условиях. В идеале, большинство благоразумных военных профессионалов живут в надежде, что им не придется идти воевать и подвергать опасности или риску свою жизнь кроме как на войне. Если возникает потребность вести военные действия, то естественным и прагматичным желанием является «выполнить работу» быстро и эффективно. Поэтому члены полностью профессиональных вооруженных сил положительно рассматривают политические курсы, методики, подготовку и учения в мирное время, предполагая, что тем самым они снижают уровень риска реальных операций и боя. Наличие хорошо обученных вооруженных сил увеличивает потенциал сдерживания нападения врага и, в более общем смысле, укрепляет международную безопасность.

Шестая дисциплина профессионализма прямо связана со способами и средствами. Вооруженные силы, как любая профессия, нуждаются в постоянной регенерации. Следовательно, профессиональные вооруженные силы определяются качеством своего обучения и образования. Постоянное изучение и совершенствование индивидуальных навыков, как практических, так и административных, в тесном сотрудничестве с другими членами команды (как это повседневно требуется от военных), является очень важным. Даже для вооруженных сил скромного размера это значительный объем работ в смысле национального обсуждения и ресурсов. Поскольку военные действия представляют собой очень ширококомасштабное мероприятие, обучение подразделений, формирований, соединений, родов войск, а также общие учения сил (альянса) должны быть тщательными, реалистичными и проводиться непрерывно.

Для кадрового состава (в отличие от состава краткосрочной службы) в вооруженных силах все большее внимание уделяется образованию, что делает уровень взаимопонимания и квалификации личного состава гораздо выше уровня содействия. Всего одно поколение назад в армии Великобритании все были полностью согласны, что «обучение [проводилось для] людей только по нужной им квалификации, как можно ближе по времени к тому моменту, когда им понадобится применить эти навыки».²⁰ Не было также такой большой потребности в «военнослужащих/ученых», которая существует сегодня. Обучение направлено на со-

²⁰ Colonel R. H. W. Crawford, "Officer Training," переписка в *«Бритиш Арми Ревью»* 81 (1985): 73.

вершенствование способности понимания того, что происходит, как и почему, и почему люди принимают, или должны принимать, те или иные действия вообще и в данном случае конкретного военного контекста. Образование военных руководителей для высшего звена вооруженных сил, требующее независимости мышления, способности к критическому анализу, а также умения аргументировано убеждать, как в устной, так и в письменной форме, сегодня широко понимается как необходимость в профессиональных национальных вооруженных силах, если требуется, чтобы каждый военнослужащий выполнял свое дело компетентно, справлялся с возросшей сложностью операций и развитием технологий, а также, чтобы гражданские смогли понять военную деятельность. Доля офицеров и сержантов, получивших образование на уровне высшей школы, является важным показателем качества, хотя при этом весь личный состав вооруженных сил любого ранга должен быть ориентированным на практическое применение знаний, способным думать решительно и действовать быстро. Расширение сфер военного образования также потребовало увеличения количества исследований и дальнейшего развития в области обороны и безопасности, чтобы военные офицеры (в запасе и действительной службы) оставались на уровне других профессионалов и были связаны с гражданским населением и другими секторами рынка занятости.

Следующей дисциплиной, имеющей практическое значение, является измерение военных показателей в смысле внутренней эффективности и результативности в достижении задач. В некоторых национальных вооруженных силах, так же как и в других организациях государственного сектора, были приняты передовые системы, основанные на соответствии измеряемым стандартам и целям в рамках определенного финансового бюджета.²¹ Статистические учения в мирное время могут проводиться для измерения потенциала в отношении к роли и широкому спектру выполняемых задач. Количество индивидуального набора новобранцев, обучение, образование как получение специальных знаний и приобретение квалификации можно также регистрировать и анализировать как тенденции, которые нужно поддерживать и совершенствовать (или которые свидетельствуют об ухудшении). Учения и даже операции ограниченного масштаба могут подобным же образом оцениваться по количественным и качественным показателям. Крупные операции, конфликты и войны, которые ведутся вооруженными силами, имеют тенденцию не только объективной оценки, но и оценки в смысле политических достижений как последствий первого порядка. Последствия второго и третьего порядка оценить довольно трудно. Главной целью измерения показателей является постоянное совершенствование.

²¹ На Западе существует много гражданских схем «исходных данных» для организаций коммерческого и государственного сектора, например, серия стандартов ISO 9000, финансируемая ЕС, Европейский фонд эталонной модели управления качеством, «Инвестирование в людей», и т.д.

Профессионалы, по определению, ответственны в первую очередь за улучшение и развитие своих собственных стандартов, и для современных либерально-демократических государств подотчетность и прозрачность всех профессий является определяющей характеристикой. Концептуальные и материальные компоненты военного профессионализма, однако, оценить гораздо проще, чем моральные или субъективные качества профессии, которые являются нашей следующей темой обсуждения.

Субъективные дисциплины

Первой из неосязаемых, субъективных дисциплин военного профессионализма являются отношения вооруженных сил с гражданским населением как таковым - «поставщиком» людских ресурсов и «клиентом» для выполняемой работы.

Эти отношения часто измеряются и оцениваются в отдельных государствах более или менее научным образом, приводятся цифры вступления добровольцев, или объем (в процентном отношении) пополнения в странах, где воинская повинность все еще превалирует.²² Работа Халтинера и недавняя книга Филипа Эверта *«Демократия и военная сила»* иллюстрируют ту степень, в которой военно-гражданские отношения, и в особенности гражданская позиция, инспектируются и анализируются некоторыми государствами, причем иногда возникает почти что уверенность, что вооруженные силы существуют только для того, чтобы быть объектом социальных исследований. Репутация вооруженных сил как оплота демократии оценивается в двух особых исследованиях. Обзоры «Юропиэн Вальюс Груп» (Галлэп), проведенные в 1979 и 1989 г.г.,²³ и Обзор «Нэшнл Прайд» (Чикаго) в 1998 г.²⁴ произвели оценку доверия населения к своим вооруженным силам на протяжении нескольких лет.

Отношения между вооруженными силами и населением, из которого они набирают новобранцев, включая потенциальных офицеров, зависят от шести главных переменных, большинство из которых говорят сами за себя:

- Степень «близости» или «изолированности» вооруженных сил и их обществ в отношении духа, позиций и «видимости»;
- Добровольная служба или воинская повинность;
- Военный или милитаристский стиль внутренних отношений внутри военных;

²² Haltiner, "From Centre to Periphery."

²³ Оценка значения, придаваемого таким институтам демократических государств Западной Европы, как парламенты, судебная власть, полиция, пресса, образование, вооруженные силы и т.д., приводится в *«Дейли Телеграф»*, 23 сентября 1991 г.

²⁴ Tom W. Smith и Lars Jarkko, *National Pride: Cross-National Analysis*, Отчет № 19, Университет Чикаго, Центр исследований общественного мнения (май 1998 г.). В исследованиях часто обращаются к вопросу готовности защищать страну.

- Демографическая статистика по военному кадровому составу, квалификация и возможности продвижения в рамках «планирования сил» в отношении личного состава;
- Национальный/международный рынок труда;
- Репутация вооруженных сил.

Все эти факторы взаимосвязаны и взаимозависимы; здесь нужны особые комментарии.

В отличие от больших армий на призывной основе различной и сомнительной эффективности, поддерживаемых стареющими резервистами, демография уже полностью добровольных постоянных вооруженных сил не находит широкого понимания. Подразумевается, что, поскольку полностью профессиональные силы ВМФ, СВ и ВВС настоящего времени ориентированы на боевые действия и играют не только оборонную, но и наступательную роль, они привлекают главным образом молодых лиц в начале их профессиональной карьеры. Не говоря уже о профессиональном риске, в процессе взросления большинство людей требует большей стабильности и/или возможности развиваться в направлении более высокооплачиваемых и интеллектуально привлекательных этапов в своей жизни. Для сохранения энергичных вооруженных сил следует сохранить только небольшое число - возможно, меньше четверти, - старшего сержантского и офицерского состава, а также старших офицерских кадров – «профессиональных» вооруженных сил. Текущая структура добровольной «краткосрочной службы» чрезвычайно высока, однако это не означает, что они не должны быть в высшей степени преданными, обученными и профессиональными на период своей службы.

Следующая особенность профессиональных вооруженных сил остается открытым вопросом. По определению, действительно ли полностью профессиональные вооруженные силы должны быть целиком «добровольными»? На первый взгляд кажется, что существует интуитивное движение в этом направлении, поскольку это требование является определяющим в либерально-демократических государствах, однако здесь многое смущает при дальнейшем размышлении. Большинство государств Европы, включая бывших членов Варшавского договора, намерены с течением времени отменить воинскую повинность, ориентируясь на конечную дату. Однако нельзя сказать, что армии, состоящие из граждан Израиля или Швейцарии, не являются профессиональными в контексте их ролей. Защита своей территории – это нечто иное, чем идеальные типы вооруженных сил, предназначенные для демонстрации сил.

Во многих отношениях этот показатель качества тесно связан с взаимоотношением вооруженных сил и гражданского населения, контролирующих органов и других институтов государственной безопасности. Для ответа на данный вопрос нужно исследовать сложный комплекс психо-философских аспектов лично-

сти, а также самосознание и мотивацию группы, но здравый смысл подсказывает, что один доброволец, мотивированный своим выбором, может стоять нескольких людей, действующих по принуждению, как это сформулировано в одном известном выражении. Однако нужно задать вопрос, насколько старателен доброволец? Конечно, согласно британской доктрине 2000 года, есть требование для всех членов вооруженных сил признавать «законное право и обязанность воевать и, если необходимо, убивать, согласно приказам, и неограниченное обязательство отдавать свои жизни для этого. Это единственная в своем роде особенность военного дела».²⁵ Это утверждение считается «условием по договору», а не «контрактом». Возможно, поэтому слово «воин» продолжает употребляться в речи для подчеркивания «этика ведения войны»,²⁶ преобладания «высшего добра» над неизбежным в других отношениях злом в «наглядности мощи» вооруженных сил. Государства, создавшие военные «контракты», которые не включают такие утверждения, вероятно, имеют непрофессиональные запреты (в специальном смысле), гарантированные законом о правах человека. Вследствие этого, военный долг может ослабнуть или стать бессмысленным.

Следует задать вопрос, является ли сознательно неограниченный долг наиболее важным из всех признаков военного профессионализма? Ответ можно найти в том аргументе, что большинство из тех, кто поступает на военную службу добровольно, в первую очередь с наибольшей вероятностью согласятся с этим уникальным обязательством, даже если только на короткий период своей жизни, нежели те, кто вынужденно оказался в армии. В различных государствах, различных вооруженных силах и самых различных частях вооруженных сил существует целый ряд факторов влияния от начала службы и до того времени, когда военный будет участвовать в какой-либо операции. В случае действительной службы или в бою, кто знает, как ты или другие будешь себя вести и действовать? Большинство свидетельств храбрости или уклонения от опасности (если такое наблюдалось) является *ex post facto*.

Подводя итог, с учетом всех аргументов, я полагаю, что полностью профессиональная армия должна быть всецело добровольной по определению. Все другие профессии, которые я могу себе представить, являются добровольными и полностью дисциплинированными группами лиц во многих смыслах этого определения.

Десятый профессиональный принцип – это военная дисциплина как таковая. В традиционном понимании, согласно Максус Веберу, это означает:

²⁵ Публикация доктрины армии, том 5, *Soldiering the Military Covenant*, Министерство обороны (Великобритания), Армейский кодекс № 71642, февраль 2000, 1-1.

²⁶ «Этика ведения войны» в *British Defence Doctrine*, 2ое изд. (Лондон: Министерство обороны, 2001 г., 3-4/ 3-5. «Высшими общественными ценностями» обычно считаются здоровье, образование и личная безопасность.

Последовательно рационализированное, систематически заученное и точное выполнение полученных приказов – без выражения личной критики – и постоянная внутренняя преданность этой цели.²⁷

Традиционные немодернизированные вооруженные силы опираются в достижении своей эффективности на различные уровни принудительных мер авторитарных милитаристских методов. Модернизированные вооруженные силы, можно сказать, стимулируют рациональные, просвещенные, консенсуальные средства для достижения дисциплины.

Государственные военные законы, написанные правила поведения и неписанные методы, более или менее модернизированные для соответствия изменяющимся условиям, существуют в рамках конкретных вооруженных сил и более или менее соответствуют законам родительского общества. Дисциплинарные процедуры, предпринятые против тех, кто нарушает эти нормы, необходимы для демонстрации примерного правосудия, наказания и исправления личности. В случае серьезных нарушений военные суды рассматривают дела лиц подобным (или не в такой же степени подобным) образом, как государственные гражданские суды рассматривают дела уголовного или гражданского права. Это составляет более низкую цель военной дисциплины. Более важной целью таких процедур является поддержание высоких стандартов профессионализма, продвижение успешного военного усердия и высокого боевого духа, а также поддержание общественного доверия.

Возникает спорный вопрос: является ли самодисциплина более высокой, сознательной, психо-философской мотивацией, чем устанавливаемая дисциплина? В добровольных вооруженных силах самодисциплина, конечно, высоко ценится как естественное последствие волонтаризма. Вопрос тогда заключается в том, насколько необходима и в какой степени обязательная дисциплина может развивать внутреннюю самодисциплину? Обоснование установления дисциплины авторитарными методами (применяемых в легкой форме для умных, в более жесткой форме - для медленно соображающих) в вооруженных силах либерально-демократических государств связано с установлением самых высоких стандартов. Как бы серьезно ни был мотивирован новобранец и как бы ни старался проявить самодисциплину с самого начала, он может не осознавать требуемых профессиональных стандартов. Умный командир или инструктор, следовательно, быстро увидит высокую мотивацию и будет использовать соответствующие методы для поощрения потенциально внутренне дисциплинированного умного призывника или обученного солдата. Не будет надобности прибегать к чрезвычайно милитаристским методам, которые с течением времени оказывают на добровольные вооруженные силы все более дисфункциональное влияние.

²⁷ Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1978), 866.

По-видимому, постоянной особенностью военной эффективности является военная дихотомия командира и подчиненного. Она составляет предпоследний принцип профессионализма. Все вооруженные силы продолжают применять среди своих членов широкий диапазон разграничений по званию. Они также сохраняют формальные различия между офицерскими званиями, сержантским составом и представителями подчиненных званий – рядовыми или срочнослужащими. В планировании вооруженных сил отдельных государств классификация статуса отдельных лиц и внутренней демографической формы кадровой структуры своих вооруженных сил должна быть составной частью обычного кадрового планирования.

По поводу *всех* членов военной иерархии можно констатировать, что существуют формальные профессиональные отношения на многих уровнях, которые определяют иерархию, а также то, кто и какие решения – в оперативном и других контекстах - может принимать и кто им должен подчиняться. Некоторые из этих формальных отношений являются хорошо определенными, высоко развитыми и действительно актуальными; другие могут быть случайными или устаревшими. Ясность по вопросу о том, кто может устанавливать дисциплину и налагать взыскания в соответствии с военным правом, возникает вследствие решающего разделения между офицерским составом (уполномоченного законным инструментом), уорент-офицерским званием (подчиненная квалифицированная категория), сержантским составом и теми, у кого нет вообще звания или формальной должности.

Хотя еще, возможно, имеются незначительные издержки милитаризма, в основном, в действительно профессиональных вооруженных силах существуют неформальные взаимоотношения между лицами, тесно работающими в команде, и это приносит хорошие плоды.²⁸ «Профессиональные отношения» - это устоявшийся и полезный термин, подразумевающий взаимное уважение. Некоторые военные культуры, наоборот, могут быть слишком неформальными, что делает их не слишком эффективными. Реально работающие современные профессиональные отношения, означающие сочетание формальности и неформальности, вероятно, легче создать в добровольных вооруженных силах. Между призывниками и кадровым сержантским и офицерским составом, в основном, существует глубокое разделение, и формирование здоровых неформальных отношений как части военной культуры маловероятно.

Показателем высокого качества профессионализма в вооруженных силах является, следовательно, понимание необходимости иерархии и ранговой структуры, ясность в отношении статуса, качество формальных отношений и, что

²⁸ См. четыре социо-антропологические «структуры» Чарльза Кирка (Charles Kirke “A Model for the Analysis of Fighting Spirit in the British Army,” в *The British Army. Manpower and Society into the Twenty-First Century*, ред. Hew Strachan (London: Frank Cass, 2000), 227–41.

также важно, качество неформальных отношений между реальными живыми людьми, работающими вместе в трудных или опасных условиях. Понимание того, когда следует поступать формально в отношении старшего по званию или подчиненного, а когда переключаться на неформальные средства общения и межличностных отношений, часто дает возможность всем военным добиваться, органически и систематически, большего успеха в работе.

Наконец, существует группа нематериальных факторов, которые необходимо свести воедино для продвижения и поддержки профессиональных, эффективных и «годных к употреблению» вооруженных сил.²⁹ Это институциональное и личное руководство и хорошо развитый естественный корпоративный этос, ведущий к высокой репутации и морали. Этого заметно недостает в большинстве армий призывного типа. Было установлено, что в гражданских организациях, как правило, «до 85 процентов ценности корпорации основано на неосязаемых активах», и если эти активы не эффективны, компания приходит в упадок или разрушается под внешним воздействием.³⁰ А как обстоит дело в военных организациях?

О руководстве было написано много, главным образом, неубедительных работ, и высказано много мнений. На ум приходят два существенных фактора. Эффективно действующие лидеры должны быть преуспевающими. Они привносят с собой высокое качество как собственной работы, так и работы тех, кем они руководят, коллективно и индивидуально. По существу, руководство является вдохновляющей деятельностью, которая по определению духовна, и по качеству, и по исполнению.³¹ От руководителей зависят ожидания тех, кто следует за ними: лидеры, действующие постоянно эффективно, честно выполняют ожидания или превосходят их. Качественным показателем репутации профессиональных вооруженных сил становится явное требование того, чтобы ими командовали сотрудники (офицеры и сержанты), являющиеся эффективными руководителями и лучшими представителями своего поколения. Их обязанность – мотивировать. Мотивация является непостоянным фактором, основанном на желании и выборе. Сильная мотивация, самостоятельно направляемый выбор и разумное подчинение – вот подходящие характеристики для профессиональных, добровольных вооруженных сил.

²⁹ Это требование ясно выражено во введении к публикации британского «Стратегического оборонного обозрения» *Strategic Defence Review, Modern Forces for the Modern World*, 1998, 1. В отличие от «существования вооруженных сил как таковых», то есть сил только для сдерживания и демонстрации, не для «использования».

³⁰ Предисловие Дэвида Нортон к книге Brian Becker, Mark A. Huselid и David Ulrich, *The HR Scorecard. Linking People, Strategy, and Performance* (Boston, MA: Harvard Business School Press, 2002), ix.

³¹ См. Patrick Mileham и Keith Spacie, *Transforming Corporate Leadership* (London: Financial Times/Pearson, 1996), 21–34.

Этос какого-либо учреждения, вновь, является неосязаемой, духовной характеристикой. Говоря кратко, он может рассматриваться в качестве этической культуры. «Этика отличается от морали тем, что поведение может быть описано как «моральное», когда оно поддерживается или наблюдается в качестве факта, но оно становится «этичным», когда оно движется от факта к идеалу».³² Идеалы, ценности, убеждения и действия являются частью этоса вооруженных сил. Высокие стандарты – способность выполнения требований, налагаемых профессией, – являются стремлением всех профессионалов, которые серьезно относятся к своей профессии. «Идеально высокое качество» и «гениальность» учреждения – другие, словарные значения *этоса*. Изучение и продвижение стандартов этического поведения в военном контексте – выше и шире правовых требований – все чаще включается в учебный план офицерского образования и отрабатывается при проведении операций.³³ Чистота вооруженных сил, во многих значениях этого слова, представляет собой исключительную важность.

Мораль зависит не только от внутренних факторов, таких, которые перечислены во всех вышеупомянутых показателях профессионального качества, но и в существенной мере от репутации среди гражданского населения и людей других профессий. Репутация, «эта бессмертная часть» человека или учреждения, обладает особой чувствительностью в жизненно важных профессиях.³⁴ Высокая репутация зависит от высоких стандартов внутреннего руководства и морали, примером которых служит честное и эффективное исполнение обязанностей.

Все эти факторы динамичны и переменны. Они также хрупки. Даже несущественная неудача может серьезно повлиять на мораль и репутацию и подорвать этос. Поэтому лучшими гарантами и попечителями морали, этоса и репутации являются руководители в лице как военных, так и гражданских начальников. Мораль в вооруженных силах, таким образом, тесно связана со стандартами руководства и коллективного доверия и чувства ответственности каждого члена коллектива, основанными на идеалах и этосе. Низкая мораль – последствие страха неудачи или действительной неудачи. Она, более того, зависит от многочисленных ситуационных факторов, личных отношений и событий. Некоторые из факторов можно измерить и оценить их последствия на корпоративную мо-

³² Rosamund Thomas, *The British Philosophy of Administration* (Cambridge: Centre for Business and Public Sector Ethics, 1989), 141. Ф.С. Нортедж привлекает внимание к идеалу, или «*этосу*», или «*кратосу*», или реальности человеческого поведения в реальном, а не в идеальном мире. См. Northedge, *The International Political System* (London: Faber, 1976), 222.

³³ Конференция совместных родов войск по профессиональной этике (JSCOPE) в США, а также недавно прошедший ряд конференций по «военной этике» в Королевском институте международных дел и в Институте совместных родов войск служат иллюстрацией исследовательской работы и дискуссий по этой тематике.

³⁴ William Shakespeare, *Othello*, Акт II, сцена iii, строка 266.

раль, обязательства и исполнение.³⁵ Наконец, мораль отражает качество военно-гражданских отношений, объясняемое выше. Мораль и доверие синонимичны.

Заключение – универсальные дисциплины

«Настоящий солдат – это враг зверя в человеке, и никак иначе», – утверждал полевой маршал Монтгомери.³⁶ В современной либеральной демократии этот человек является воином, наделенным гражданскими характеристиками.

Государства и альянсы имеют такие вооруженные силы, которых они заслуживают, точно так же, как и правительства. Меняются обстоятельства, меняется восприятие; если быть оптимистом, то они меняются к лучшему. Восприятие профессионалов и общества, основанное на сохранении крепкой связи с реальностью, поскольку она воздействует на цели профессиональной деятельности, является решающим. Боевые операции и операции иные, включая операции по поддержанию мира, являются *raisons d'être* (смыслом существования) вооруженных сил. Поэтому профессиональная неудача опасна, и опасности в полном их объеме не обязательно очевидны до момента события. Военная эффективность в обычной повседневной работе и реалистическое ожидание успеха в операции должны стать кульминационным пунктом всего доверия, опеки и профессионализма, как в военных профессиях, так и среди тех, кто направляет и поддерживает вооруженные силы своих государств.

В итоге, прогнозы Яновица и Москоса все более претворяются в жизнь в Европе и на Западе, но качество вооруженных сил должно быть постоянно под пристальным вниманием. Вооруженные силы должны оставаться боеготовыми, способными и желающими сражаться как воины, проводящие некоторые неприятные и нецивилизованные, агрессивные, грубые действия, связанные с насилием, смертью, телесными и душевными ранами и разрушением, – если они призваны делать это. Это то, что они должны делать в силу своей профессии, кроме своей простой функциональности.

Нужно измерять военный профессионализм и судить о нем в соответствии с универсальной концепцией военной мощи в отношении действительной готовности и исполнения. Дисциплины, принципы, критерии и стандарты, которыми руководствуются вооруженные силы, включают следующее:

- Объективный контроль со стороны гражданских властей, которые сами имеют профессиональное и демократическое руководство;
- Хорошо продуманные и детально разработанные доктрины, согласно которым протекает вся военная деятельность;

³⁵ См. Mileham, ред., “Morale in Armed Forces’ Conference Proceedings”, *RUSI Journal* (апрель 2001 г.): 46–53.

³⁶ Field Marshal Viscount Montgomery, *History of Warfare* (London: Collins, 1968), 567.

- Зрелые и ответственные отношения с другими национальными и международными учреждениями и агентствами по безопасности и обороне;
- Всеобъемлющее планирование силы, размещаемых средств и инфраструктур;
- Соответствующие опыт и знания технологического и технического плана, усовершенствованные применительно к высоким стандартам;
- Военный личный состав с хорошей подготовкой и образованием;
- Объективные процессы и системы измерения количественного и качественного исполнения;
- Взаимоотношения поддержки и понимания с гражданским населением;
- Военная служба на добровольной основе, действенные контракты и условия службы;
- Корпоративный этос дисциплины и самодисциплины;
- Здоровые внутренние отношения в иерархии званий, основанные на эффективном руководстве;
- Высокие этические нормы, мораль и репутация, основанные на исполнении службы.

Единственно уместным заключением к этой статье будет короткий комментарий в отношении внутренней и внешней образности. Это позволит читателю осознать, что все эти показатели профессионализма взаимосвязаны и взаимозависимы, как прямо, так и косвенно. Устойчивые системы и процедуры внутренней и международной оценки сами по себе полезны для качества наблюдения и контроля. Со временем, вышеназванные дисциплины и иные дисциплины, разработанные политиками, могут стать достаточно убедительными мерами по укреплению доверия. Настоящая профессия требует четко выраженных, кодифицированных стандартов. «Такие стандарты универсальны ..., действительны для общего применения, независимо от времени и места», - вспоминаем мы Хантингтона.³⁷ Таким мог бы быть универсальный вклад военных профессий в дело формирования широко распространенной Международной составляющей в области безопасности и обороны для обеспечения максимальной коллективной безопасности.

³⁷ Huntington, *The Soldier and the State*, 8.

Центральная Азия: возвращение к идеям Маккиндера?

Мишель Хесс *

После того, как американский морской офицер Альфред Тэйер Мэхэн отметил кажущуюся взаимосвязь между возвышением «Пакс Британники» в девятнадцатом столетии с развитием Британских ВМС, он убедительно доказал, что морской потенциал был *sine qua non* по отношению к национальной мощи.¹ Со снижением британского превосходства, однако, эта парадигма была оспорена технологическим прогрессом наземной транспортировки. Появление железных дорог и двигателей внутреннего сгорания означало, что наземная мощь могла занять господствующее положение в двадцатом веке. Британский географ Хэлфорд Маккиндер отмечал, что, хотя суша составляет лишь четвертую часть мировой поверхности, три соприкасающихся континента - Азия, Европа и Африка - представляют собой две трети суши нашей планеты. Маккиндер назвал эту территорию суши «Мировым островом».²

Ключом к стратегическому господству, согласно его модели, был «Хартленд» (сердце земли) - часть Евразии, образуемая Центральной Азией, Кавказом и некоторыми регионами современной России.³ Стратегическое господство включает в себя исключительный доступ к энергоресурсам, и Маккиндер полагал, что на «Мировом острове» могут иметься существенные запасы этих ресурсов.

Хотя эти первые глашатаи *геополитики* ввели в стратегические исследования ряд важных географических соображений, их подход предоставил основу для

* Д-р Мишель Хесс является начальником отдела Службы стратегического анализа и предупреждения Швейцарского федерального министерства юстиции и полиции, Берн. Он также работает в аналогичной должности в Швейцарском подразделении по взаимодействию разведки СЕАП/ПРМ. Д-р Хесс проводит учебные семинары СЕАП/ПРМ в Центральной Азии и на Кавказе.

¹ Alfred Thayer Mahan, *The Influence of Seapower upon History, 1660-1783* (Boston: Little, Brown, 1897).

² Halford Mackinder, *Democratic Ideals and Reality* (New York: Holt and Company, 1919), 150: «Кто правит Восточной Европой, командует «Хартлендом». Кто правит «Хартлендом», командует «Мировым островом». Кто правит «Мировым островом», командует миром».

³ Gerald Robbins, «The Post-Soviet Heartland: Reconsidering Mackinder,» *Global Affairs* 8 (осень 1993 г.): 95–108.

заблуждений в политических установках нацистской Германии,⁴ а также поляризовал научные дебаты того времени.⁵ Николас Спайкмэн ввел модификации в эту научную школу, снижая значение «Хартленда» и полагая, что тот, кто «контролирует «Римленд» (территорию дуги), управляет Евразией, кто управляет Евразией, контролирует судьбы мира».⁶ Спайкмэн относил к «Римленду» территорию, приблизительно охватывающую Западную Европу, Ближний Восток, а также Южную и Восточную Азию. Если прогнозируется одна из первейших задач стратегического анализа, тогда анализ Спайкмэна оказывается необычайно точным. Даже не делая обязательного заключения, что работа Спайкмэна представляла собой «центральную теоретическую основу знаменитого послевоенного предложения Джорджа Ф. Кеннана в отношении «политики сдерживания» Советского Союза», ему можно поставить в заслугу, что он предсказал, по крайней мере, два хода развития событий после Второй мировой войны: роль России и Китая в балансе силы и протекционистскую политику США в отношении Японии.⁷

Каковы достоинства геополитических подходов в эпоху после «холодной войны», эпоху быстрого технологического развития, цифровых коммуникаций и глобализованных экономики и политики? На их фоне различия между «Хартлендом», «Римлендом» и «Мировым островом» становятся аналитически неточными. Эмпирические проявления неточности разнообразны: глобализация, межконтинентальные баллистические ракеты, оружие массового поражения, террористические сети, действующие в глобальном масштабе, исламистский фундаментализм и транснациональная организованная преступность. Эти явления делают любое понятие *территориального контроля* функционально бессмысленным, независимо от военной мощи. Более удачное описание недавних событий в «Римленде» и «Хартленде» могло бы схематично показать превентивное и репрессивное управление кризисами для региональной стабилизации и

⁴ Идеи Маккиндера привлекли, в частности, Карла Хаусхофера, немецкого географа, имевшего существенное влияние на военные круги нацистской Германии. Это влияние положило начало многим гитлеровским концепциям *Lebensraum* (термин, придуманный Фридрихом Ратцелем), которые привели к военной агрессии против Восточной Европы и России. Идеи Хаусхофера и Маккиндера также были популярны в американских стратегических исследованиях времен войны, как это показано в работе J. Thorndike, "Geopolitics: The Lurid Career of a Scientific System which a Briton Invented, the Germans Used, and the Americans Need to Study," *Life*, 21 декабря 1942 г.

⁵ Nichols Spykman, *The Geography of Peace* (New York: Harcourt, Brace, 1944); Michael P. Gerace, "Between Mackinder and Spykman: Geopolitics, Containment, and After," *Comparative Strategy* 10 (октябрь/декабрь 1991 г.): 347–64.

⁶ Nichols Spykman, *The Geography of Peace*, цитируемое произведение, 43.

⁷ James F. Dougherty и Robert L. Pfaltzgraff, *Contending Theories of International Relations* (New York: Harper and Row, 1981), 65. См. также G. R. Sloan, *Geopolitics in United States Strategic Policy, 1890-1987* (New York: St. Martin's Press, 1988), 127–239, и Colin S. Gray, *The Geopolitics of Superpower* (Lexington: University of Kentucky Press, 1988).

влияния или «кое-как довести дело до конца». Но действительно ли теория «Хартленда» Маккиндера устарела? Нет, не обязательно. Интервенция НАТО в Афганистан и затянувшееся участие сил коалиции в Ираке, скорее, подтверждает, а не снижает ценность обычных военных сил и средств, хотя и в форме более легких и более гибких сил пехоты, поддерживаемых стратегическими воздушными перевозками. В дополнение к этому, традиционная мудрость в дебатах о современной политике в сфере внешних сношений и безопасности дает прогноз, что Центральная Азия вновь окажется в капкане «великой игры» между державами, борющимися за то, чтобы утвердиться на «Хартленде» и получить доступ к его ресурсам, во многом повторяя стиль поведения времен царской России и колониальной Великобритании.⁸

В этой работе будет дана оценка этого возобновленного интереса к Центральной Азии. В ней текущее и прогнозируемое значение региона будет показано в контексте внешнеполитических интересов Соединенных Штатов, России, Китая, Турции и Ирана, а также рассмотрено в свете соображений региональной и международной безопасности. В статье выдвигается трехсторонний аргумент:

- Упрощение геополитической парадигмы продолжает узаконивать стратегии курса внешней политики и безопасности со стороны всех внешних действующих субъектов в Центральной Азии с осязаемыми последствиями для тактического поведения в искусстве управления государством. После исчезновения советского господства в «Хартленде», *геополитика* даже ощущает – как ни парадоксально – настоящее возрождение как в научных, так и в политических кругах. Террористические нападения, организованные и спонсируемые «Аль-Каидой», только усилили уже существующее мнение, что «Хартленд» воздает геополитические выгоды той власти, которая контролирует его.
- Восстановление геополитического подхода к Центральной Азии основывается на неточном восприятии предположений о регионе и на преувеличенных, детерминированных сокращениях внешних политических курсов по отношению к соревнующемуся энергетическому империализму.
- Центральная Азия только при определенном наборе условий может стать платформой для новой «великой игры», но параметры этих условий вряд ли появятся в обозримом будущем.

Движимые геополитикой стремления самых главных действующих субъектов в регионе и эфемерны, и сомнительны: эфемерны – из-за отсутствия ресурсов, координации и честного интереса в долгосрочном и устойчивом развитии Центральной Азии; сомнительны – из-за трудностей, возникающих в урегулировании

⁸ См., например, Lutz Kleveman, *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia* (New York: Atlantic Monthly Press, 2003).

расходящихся друг с другом вызовов. Наиболее заметные вызовы включают в себя, не ограничиваясь этим, действующий политический порядок в регионе, подъем исламизма, радикализацию при отсутствии другой альтернативы и жизнеспособных форм политического выражения, отсутствие более широкого видения регионализма со стороны как государств Центральной Азии, так и внешних держав и запутанность превентивных и устойчивых антитеррористических мер в малорентабельной, непрочной, экономически неблагоприятной обстановке.

Сомнительное возрождение

Центральная Азия привлекает значительное мировое внимание главным образом по двум причинам: это роль региона как буферной зоны и платформы для стратегической проекции в войне с терроризмом и в эксплуатации энергетических запасов региона Каспийского моря. Глобальная кампания против терроризма привела к интенсификации дипломатических усилий и иностранному военному присутствию в регионе, сравнимому по интенсивности с экономически мотивированными инициативами, которые имели место в 1990-х годах после распада Советского Союза.⁹ В течение первых десяти лет постсоветской независимости государства Центральной Азии главным образом надеялись обрести вдали от Москвы капитал и технологии для активного развития нефтяного бурения и эксплуатации запасов природного газа. Однако с каждым террористическим инцидентом «Аль-Каиды» становилось катастрофически ясно, что хрупкий баланс между экономическими интересами и интересами безопасности неправильно выстраивается как национальными властями, так и иностранными заинтересованными сторонами. В ретроспективе решающий фактор в этих ошибках в расчетах лежал не в добыче ресурсов, а в их надежной транспортировке с произ-

⁹ В октябре 2003 года Россия открыла базу ВВС в Канте, близ Бишкека. Российские войска численностью 500 человек будут постоянно базироваться в Канте, первом новом военном объекте России на иностранной земле после распада Советского Союза. Эти войска являются частью сил быстрого реагирования, которые действуют на основе Договора о коллективной безопасности, подписанного государствами-членами СНГ, не входящими в ГУУАМ, в Душанбе в апреле 2003 года. Кыргызстан представляет собой редкий случай, так как в нем находятся и американские, и российские базы. Однако база в Манасе, которая была создана Соединенными Штатами после событий 11 сентября для потребностей воздушных перевозок в Афганистане, находится в процессе сокращения личного состава с 2000 до 1100 человек, две трети из которых являются американцами (см. *The Economist*, 1 ноября 2003 г., 60). Соединенные Штаты содержат вторую, менее значимую базу в Узбекистане.

водственных участков, не имеющих выхода к морю, к удаленным рынкам.¹⁰ Хотя нефтепровод, который мог бы доставлять топливо через Иран, был непрактичен, учитывая тупиковое положение американо-иранских отношений, Афганистан считался удобной транзитной альтернативой. Когда в 1996 году к власти пришел «Талибан», он получил широкую финансовую и политическую поддержку, так как воспринимался предвестником авторитарной стабильности и предсказуемости, столь важной в фундаментальном плане для инвесторов капитала. Военственность «Аль-Каиды» с ее очевидными связями с режимом «Талибан» четко высветила ошибки в расчетах. Так, операция «Прочная свобода», а значит, и мнимое стратегическое возрождение «Римленда», окаймляющего Центральную Азию, характеризовались беспрецедентной дипломатической активностью на высоком уровне и ростом количества двусторонних и многосторонних программ помощи. Но какого рода *возрождение* это было?

Без 11 сентября и бесперебойного потока сообщений о террористических инцидентах, структурная слабость государственной власти и отсутствие законных (не говоря уже о демократических) институтов, затянувшиеся экономические трудности, повсеместная нищета, пористый характер границ, этническая напряженность и религиозный экстремизм вряд ли способствовали бы тому, чтобы отвести Центральной Азии заглавную роль в геостратегическом центре внимания. Реагирующий тип внимания, сосредоточенного на регионе, подчеркивает как потребность в *негативно мотивированных* превентивных мерах безопасности, так и их недостатки: *прекращение* террористических операций и роста террористических сетей, *прекращение* незаконной торговли наркотиками, нацеленных на западные рынки, и наркотерроризма;¹¹ *недопущение* перерастания многочисленных региональных конфликтов в крупные; и *недопущение* прерывания беспрепятственного доступа к энергоресурсам региона. Явно возобновленный интерес к региону со стороны Соединенных Штатов, России, Китая, Турции и Ирана находит свое выражение в краткосрочных тактических и импровизиро-

¹⁰ Террористические действующие субъекты прекрасно осведомлены о стратегической значимости критических национальных инфраструктур. Некоторыми из наиболее уязвимых элементов этой инфраструктуры являются объекты транспортировки и передачи энергии, такие как линии электропередачи, нефтепроводы, бензовозы, электрические подстанции, электростанции, трубопроводные подкачивающие и компрессорные станции, нефтеочистительные заводы и объекты, работающие с природным газом и сжиженным природным газом. Внезапные бомбардировки являются типичной характеристикой «образа действий» террористов против таких объектов (см. "Protecting Energy Facilities From Terrorist Attacks," *Intersec* 13:1 (январь 2003 г.): 14-17).

¹¹ «Наркотерроризм» сам по себе не признается в большинстве стран в качестве преступления. Грузия, например, намерена ввести его в законодательство как преступление. См. Jemal Gakhokidze, "The Fight Against Terrorism and Crime in the Context of National, Regional and Global Security," *Trends in Organized Crime* 7:1 (осень 2001 г.): 85-91.

ванных политических курсах, а не в долгосрочном стратегическом планировании.

Стратегические и тактические соображения

Хотя и существуют показатели того, что Соединенные Штаты разворачивают военные и дипломатические ресурсы от Центральной Азии и Кавказа к Ираку и Ближнему Востоку, для того чтобы избежать проблем, связанных со стратегическим переизбытком, даже сокращенное присутствие США в Центральной Азии будет иметь длительное воздействие. Геополитические соображения привели Соединенные Штаты к созданию незначительного полупостоянного присутствия в их попытках уничтожить на корню условия, питающие терроризм, с одной стороны, и сохранить доступ к центральноазиатским запасам нефти и газа, который в большей степени зависит от политической изменчивости, как альтернативе ближневосточным запасам - с другой. Существенно сокращенное военное присутствие указывает, однако, на то, что политика США в отношении Центральной Азии и Каспийского региона остается по своему характеру тактической и поэтому неопределенной. С успешным вытеснением режима «Талибан», кажется, что потребность в высокоуровневом участии исчезает, даже учитывая оставшуюся нестабильность в Афганистане. Военное присутствие США будет поэтому продолжать сохраняться на незначительном уровне в Средней Азии до тех пор, пока продолжаются операции «Аль-Каиды», и до тех пор, пока у «Талибана» есть хоть малейший шанс вернуться к власти. Что касается энергетических запасов, ясно, что российская (сибирская) и западноафриканская нефть становится намного важнее для обеспечения стабильных, диверсифицированных поставок, чем нефть из Каспийского бассейна. Завершение строительства нефтепровода Баку-Джейхан, скорее всего, уменьшит, а не увеличит американское присутствие в Каспийском регионе, как это уже было продемонстрировано сокращением программ экономической помощи.

Активное оперативное участие США в 2001 и 2002 г.г. в Центральной Азии, за которым последовало масштабное снижение активности в 2003 году, действительно, является симптоматическим как отсутствие плана в применении какой-либо долгосрочной стратегии в регионе.¹² Такое участие было лишено более широкого устойчивого и регионального масштаба, шедшего далее вытеснения лидеров «Аль-Каиды» и режима «Талибан». Неопределенный характер американского присутствия является важным элементом хронической нестабильности

¹² В 2002 финансовом году Соединенные Штаты предоставили Центральной Азии помощь на сумму 580 млн. американских долларов, по сравнению с 250 млн. долларов в 2001 году. В 2003 году уровень помощи, вероятно, вернется к уровню 2001 года или будет ниже его. См. Charles William Maynes, "America Discovers Central Asia," *Foreign Affairs* 82:2 (март/апрель 2003 г.): 120–32.

региона. В то же время участие США в Центральной Азии привлекает повсеместное внимание к препятствиям и возможностям, представленным экономическими и осторожными политическими реформами. Более того, программы технической помощи в работе пограничного управления и правопорядка могут в среднесрочной перспективе иметь положительное воздействие на региональную стабильность, поскольку радикализованные движения сталкиваются не только с более сложными условиями набора людей в свои ряды и маневров, но также и с более профессиональными и лучше оснащенными силами безопасности. Вкратце, геополитические и внутренние соображения безопасности втянули мировую передовую экономическую, политическую и военную супердержаву в один из наиболее удаленных и маловлиятельных регионов мира. Остается только наблюдать, закончится ли такой стратегический путь все более формирующимся решением прекращения оставшегося тактического присутствия. Однако быстро меняющаяся роль Центральной Азии в глобальной схеме недопущения терроризма достаточно четко иллюстрирует узаконение власти, в которой до сих пор действуют идеи Маккиндера в отношении курсов внешней политики. Такие идеи как не способствуют более широкому взгляду на регионализм Центральной Азии, так и не являются эффективными в работе со сложными и трудными задачами правильного управления, в особенности, это касается согласования демократических принципов с исламскими традициями.

В отличие от Соединенных Штатов, Россия в своей внешней политике наиболее последовательно проводит великую стратегию маккиндеровского образца в отношении к этому региону, который Москва всегда считала своими задворками. С исчезновением сходимости интересов между Россией и Соединенными Штатами, наблюдавшейся непосредственно после событий 11 сентября, эта великая стратегия укрепляется еще больше: продолжающееся сохранение военного присутствия во всем регионе (в Таджикистане и Казахстане, в особенности); создание новой военной базы в Канте в Кыргызской Республике с целью «сдерживания террористов и экстремистов любого толка»; активизированный обмен разведывательными данными и сотрудничество между Федеральной службой безопасности (ФСБ) и центральноазиатскими службами безопасности (ежегодная конференция глав разведывательных ведомств СНГ, организуемая ФСБ); и новая военная доктрина, возобновляющая стремления России вновь получить некоторое политическое, военное и экономическое влияние, которое она уступила Соединенным Штатам, Китаю и Турции вслед за событиями 11 сентября. Стремления России к возобновлению военного присутствия в Центральной Азии в особенности обращены в сторону Китая, поскольку доктрина угрожает использовать ядерное оружие против нападений с применением обычных вооружений в «ситуациях, являющихся жизненно важными для выживания России и ее союзников».

Эти меры указывают на то, что в российском политическом курсе в Центральной Азии доминирует акцент на терроризме, асимметричных угрозах и желании сдерживать влияние НАТО, проводимое через двусторонние индивидуальные программы «Партнерства ради мира» (ПРМ) и многосторонние учения ПРМ в данном регионе, такие как учения в Ферганской долине.¹³ В новой военной доктрине акцент ставится на независимой роли воздушных сил, более легких и более гибких силах пехоты, силах специального назначения для противодействия асимметричным угрозам и – что более важно – роли военных сил в защите российских экономических интересов за рубежом и защите русскоговорящих меньшинств в странах СНГ. Следуя классической парадигме *геополитики*, доктрина связывает внутреннюю безопасность с контролем «Хартленда» через присутствие российских войск в Центральной Азии. Связывая хрупкие режимы, терроризм и «мягкие» угрозы безопасности с потребностью контроля над «Хартлендом», Москва демонстрирует, что геополитическая аргументация до сих пор играет важную роль в определении ее великой стратегии. Подобным образом новаторская система активизированной разведывательной координации действий укрепляет информационную позицию России, что касается асимметричных угроз, исходящих из региона, особенно, проникновения исламского фундаментализма, распространения наркотиков, сепаратистских движений и критических инфраструктур.¹⁴ Совместная база разведывательных данных по организованной преступности и терроризму, а также развитие Антитеррористического центра СНГ в Бишкеке иллюстрируют преимущества, предоставляемые бывшим наследием КГБ, которым все еще пользуются многие разведывательные службы по всему региону. Тесная разведывательная координация между Россией и Соединенными Штатами также продолжает оставаться важной для руководства обеих стран, так как сравнительные преимущества в аналитической и оперативной разведывательной области приносят дополнительные преимущества для обеих сторон в Центральной Азии. Обе стороны также извлекают пользу от разведки в деле содействия своим экономическим интересам, в особенности содействия лидирующим энергетическим корпорациям. Так как государства Центральной Азии, обладающие запасами углеводородов, используют принадлежащую России систему нефтепроводов и платят сборы за перекачку своих углеводородов, то

¹³ Новая военная доктрина была опубликована в начале октября 2003 года в виде 73-страничной распечатки Министерства обороны. В ней особо указывается на то, что, «если НАТО будет восприниматься как военный альянс с уже существующей военной доктриной, это потребует радикального пересмотра российского военного планирования, включая изменения в российской ядерной стратегии».

¹⁴ Например, предполагается, что ФСБ и Казахский комитет национальной безопасности (КНБ) будут обмениваться данными по религиозным исламским группам в Центральной Азии. Российская Служба внешней разведки (СВР) также, вероятно, будет использовать канал КНБ в отношении Турции.

Россия рассматривает разработку любого альтернативного маршрута транспортировки как угрозу безопасности.

Позиция Китая в отношении Центральной Азии характеризуется долгосрочной, последовательной и мотивированной в геополитическом плане внешней политикой и политикой в сфере безопасности. Благодаря этой последовательности, Китай, вероятно, станет самой важной державой на долгосрочную перспективу и ориентиром в Центральной Азии и для Центральной Азии. Российские потребности и интересы распределяются между Европой и Китаем, при этом первая рассматривается в качестве благоприятной возможности, а второй – как соперник и источник угрозы. Потенциальное экономическое сотрудничество между Россией и Китаем по энергетическим и водным ресурсам в Центральной Азии вряд ли будет существенно развиваться до тех пор, пока границы остаются уязвимыми, а демографический баланс – неблагоприятным. Роль Европейского Союза в регионе, вероятно, будет незначительной из-за практического отсутствия координации политических курсов и недостаточного интереса. В этом вакууме у Китая лучшее положение в его стремлении к экономической интеграции с Центральной Азией. Такая интеграция позволит Китаю удовлетворить свои непосредственные нужды в энергии и водоснабжении, но также послужит питательной средой для российско-китайских конфликтов в отношении роста китайского влияния и нелегальной миграции. Недавние долгосрочные массивные приобретения со стороны китайских нефтехимических корпораций, сделанные в гигантском казахстанском Северо-каспийском проекте, указывают на то, что третий крупнейший в мире потребитель энергии стремится к ускорению и так уже быстрого экономического развития в прибрежных районах.¹⁵ Это также указывает на то, что Китай сделал рывок вперед по сравнению с Россией и Соединенными Штатами, которые все еще находятся на начальном этапе обсуждений соглашений по нефти и газу в Каспийском бассейне.

Наконец, Турция и Иран вряд ли станут значимыми действующими субъектами в Центральной Азии, хотя и по разным причинам. Несмотря на то, что Турция приобрела существенное влияние и проявляла деловую активность в ряде проектов в Центральной Азии в 1990-х годах, недавний экономический спад подорвал воскресшие пантурские амбиции Эрдогана и лишил его необходимого материального доверия. Режимы Центральной Азии осознали, что турецкая модель для светского государства с исламскими традициями не может справиться с национальными и региональными проблемами, а также сеющие распри внутренние споры в отношении вступления Турции в Европейский Союз не рисуют

¹⁵ Долгосрочный характер подобных приобретений иллюстрируется, например, обязательством Китайской национальной нефтяной корпорации инвестировать развитие «Актобунунайгаз» в течение следующих двадцати лет. Китайская национальная нефтяная оффшорная корпорация также приобрела 8,5 % акций Британской нефтяной группы.

радужных перспектив перед режимами, которые пытаются сохранить внутреннюю стабильность. Роль Ирана как важного рынка для Кавказа и Центральной Азии не соответствует потенциалу этого государства, учитывая его более выгодную позицию в геополитическом плане. Причины этой неспособности многочисленны, но по существу связаны с бюрократической политикой, политической нестабильностью, накладываемыми санкциями и нерешительными реформами. С изменившимися внутренними и внешними параметрами Иран, вероятнее всего, четко сформулирует свои геополитические стремления и будет играть активную роль в Центральной Азии.

Структурные ограничения и предостережения

Изложенное выше свидетельствует о том, что Центральная Азия переживает временное возрождение внимания политики, но что это возрождение вряд ли даст какие-либо положительные результаты для устойчивого развития и демократизации региона или уступит место новой «великой игре» между державами за контроль над «Хартлендом». Подтверждением этому служит то, что внимание политики главным образом мотивировано негативно, концентрируясь на коротком сроке и собственной выгоде. Будучи частью бедного и удаленного региона, страны Центральной Азии умело продают на рынке свое географическое положение. Они извлекают краткосрочные выгоды из глобальной войны с терроризмом, заинтересованности США в нефтепроводе, идущем на запад, цели Москвы сохранить контроль над каспийской нефтью, стремления Китая в восточном маршруте через Казахстан и потребностей Ирана в операциях с нефтью для удовлетворения своих энергетических нужд на севере страны. Перспектива долгосрочных процессов уже тоже начинает вырисовываться. Во-первых, иностранные военные и оборонные обязательства в регионе уменьшаются до тактического минимума. Во-вторых, первоначальный энтузиазм в отношении сильно преувеличенных нефтяных запасов Каспия породил сценарии энергетических войн «Хартленда», которые оказались абсолютно необоснованными. Объем инвестирования капитала и технологий, требовавший модернизации бурового оборудования советских времен, оказался запредельно высоким. Из-за национальных положений и предписаний, а также бюрократических препон инвесторы отвернулись, например, от добычи нефти и газа в Туркменистане; а другие, более значительные энергетические ресурсы, имеющиеся в Сибири и Западной Африке, вероятно, переместят экономическое внимание из Центральной Азии на себя.

Другой, более позитивный набор предпосылок может понадобиться Центральной Азии для сохранения долгосрочного интереса ключевых игроков и, следовательно, извлечения какой-либо устойчивой выгоды. Однако на сегодняшний момент таких предпосылок не существует. Во-первых, Соединенные Штаты не высказали никакого желания развивать в регионе долгосрочную стра-

тегию. Хотя геополитические упрощения привели к возросшему американскому инвестированию в энергетический сектор, а также к военно-дипломатическому присутствию и наступлению, и то, и другое, вероятно, сократится в свете возросшей стабильности и более надежной альтернативы нефтяных и газовых запасов в каком-либо ином месте. Что касается сферы политики, то Ирак и Ближний Восток являются более значимой ареной, на которой должны быть выкованы механизмы урегулирования между исламом и демократическим правлением. Намного вероятнее то, что Ирак, а не Центральная Азия, станет ареной, на которой будут разрабатываться и проходить апробирование политические курсы, соответствующие новым вызовам мира после 11 сентября. Стабильность Центральной Азии тесно связана с функционированием российско-американских отношений, и регион будет оставаться в центре мирового внимания только при чрезвычайно настойчивом поведении Китая.

Во-вторых, российские геополитические амбиции в отношении «Хартленда» в том виде, в каком они выражены в новой военной доктрине, не оправдывают своих обещаний. Хочет и может ли Москва применять вооруженные силы для продвижения своих национальных интересов в Центральной Азии? Вряд ли у России существует сильное желание следовать этому курсу, как это выражено великой стратегией, если использовать терминологию Маккиндера. Однако, учитывая ее текущий потенциал и пропавшие оперативные вложения в Чечне, России недостает как экономических, так и технических средств, необходимых для любой длительной интервенции в Центральной Азии. Возможности для ударов дальнего действия и упредительных ударов по большей части отсутствуют (устаревшее оружие точного наведения, старые стратегические бомбардировщики и недостаточное количество многоцелевых радиолокаторов для «интеллектуальных» бомб). Разрыв между доктриной, основанной на *геополитике*, и ресурсами, имеющимися в наличии для выполнения этой доктрины, снижает вероятность российского участия в гипотетической новой «великой игре».

В-третьих, Китай более всего озабочен растущей политической нестабильностью в Центральной Азии. В то время, как Соединенные Штаты, возможно, не имеют долгосрочных намерений, а у России ощущается нехватка возможностей следовать своим геополитическим амбициям в «Хартленде», Китай единственно проявляет слишком серьезную обеспокоенность в отношении граничащей с ним Центральной Азии и осознание ее значения. Изменения режимов в регионе будут напрямую воздействовать на китайскую национальную безопасность. Продолжающееся подавление уйгурского населения в китайской провинции Цинзян представляет серьезную угрозу для центрального правительства, которое предпринимает попытки искоренения или сглаживания естественных этнических, языковых, культурных и религиозных аналогий, которые уйгуры имеют с боль-

шей частью народов центральноазиатской зоны.¹⁶ Как это было продемонстрировано китайскими приобретениями нефтехимических предприятий, Китай является ключевым игроком с наиболее рациональной основой для долгосрочной деятельности в Центральной Азии (растущие энергетические потребности, стесненность населения, вырисовывающийся сепаратизм), а также с соответствующими экономическими инструментами и военно-политическими средствами для защиты своих национальных интересов в регионе.

Наконец, хотя Турция и Иран, возможно, в своих великих стратегиях ориентированы на бумаге на «Хартленд», их амбиции еще больше, чем у России, не соответствуют реальности, так как ни Турция, ни Иран не развивают традиционные институциональные соединительные звенья, которые обеспечивают России удобный доступ ко всем правительствам Центральной Азии.

Центральная Азия поэтому вряд ли превратится опять в платформу для новой «великой игры», так как у заинтересованных держав либо недостаточно желания, ресурсов или интереса, либо другие приоритеты, которые поглощают дефицитные ресурсы. Выбор размещения экономических и военных средств для реализации тактических и стратегических решений не является легким. Разрыв между геополитическими доводами и возможностями следования им особенно отчетливо виден по отношению к Центральной Азии. Риторика, выдвинутая Турцией, Соединенными Штатами и Россией, выявляет в определенной степени незнание региона или живучесть и ошибочность исторически укоренившихся аналогий.

Какова реальность Центральной Азии? Почему территориальный контроль Центральной Азии может принести какие-либо геополитические преимущества, как это предполагается в географически детерминистской модели Маккиндера? Во-первых, даже будучи географически удаленным регионом, далеким от экономик открытого рынка, Центральная Азия не может рассматриваться «естественной крепостью». «Мягкие» угрозы безопасности делают регион еще более уязвимым, чем неприступность «Хартленда». Так, подобные проблемы, наряду с технологиями современных вооружений, превращают господство в «Хартленде», скорее, в помеху, чем во благо.

Во-вторых, несмотря на то, что технологический прогресс расширил возможности для быстрых передвижений войск и переброски сил и средств по железной дороге, он также изменил стратегические возможности воздушных перевозок вооруженных сил. Бомбардировщики дальнего радиуса действия ослабили фундаментальную значимость географии, таким образом ставя по сомнению тип инфраструктурного инвестирования в базы, который имел место после Второй мировой войны. Новые базы, позволяющие американцам осуществлять стратегические воздушные перевозки в Румынии, Болгарии, а также в Центральной Азии

¹⁶ См., например, Graham E. Fuller и S. Frederick Starr, *The Xinjiang Problem* (Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, SAIS, 2003).

с материально-технических позиций являются более гибкими и намного скромнее, чем первое поколение баз в Западной Европе.

В-третьих, центральное положение «Хартленда» делает доступным существенные стратегически уязвимые места вдоль огромного приморского «Римленда» и поэтому является источником постоянной ненадежности. Новая военная доктрина России, зиждущаяся на геополитическом принципе, таким образом, полностью согласуется с традицией поиска буферных зон против нападений через заставы. Что парадоксально, любые вторжения Соединенных Штатов и Китая в «Римленд» только еще более усугубляют эту глубоко укоренившуюся российскую ненадежность.

В-четвертых, будет иллюзией ожидать большого скачка производительности в «Хартленде» благодаря внешнему доминированию, так как суровые климатические условия делают сельское хозяйство и горнодобывающую промышленность трудоемким занятием. Добыча природных ресурсов требует прежде всего больших капиталовложений, которые вряд ли дадут какой-либо немедленный импульс для роста производительности на местном уровне. В сравнении с ролью Западной Европы в поддержке выдвижения США к стратегическому доминированию, Центральная Азия вряд ли сможет предложить подобного рода выгоду.

Хотя мифологическая роль Евразии в географическом позиционировании держав, стремящихся к мировому господству или сохранению его, продолжает принимать угрожающие размеры, «Хартленд» не предоставит никаких существенных преимуществ или благ ни его жителям, ни задействованным там державам. Оценки в отношении запасов ископаемого топлива в регионе должны были быть подвергнуты крупным исправлениям, а мифический характер геополитической аргументации обнаружился далее с появлением всякого рода сложностей и различий, которые заставляют сомневаться в общепризнанной мудрости. Прямое применение модели «Хартленда» Маккиндера к сегодняшней Центральной Азии является поэтому неэтичным, аморальным и не имеющим оправдания. Неэтичным - потому что оно предоставляет глубоко ошибочную основу внешней политики и политики в сфере безопасности, нечувствительную к разнообразию региона и угрозе безопасности, которые переступают пределы государственно-центристских решений. Аморальным – потому что позиции гегемона осуществляются за счет регионального местного развития и игнорируют потребность в эффективных превентивных мерах против асимметрических угроз. Не имеющим оправдания – потому что мощь «Хартленда» не предоставляет и никогда не предоставит мнимых выгод, обещанных этой моделью. Первым важным шагом на пути к региональной стабилизации и введению хорошего управления, основанного на принципах демократии, верховенстве закона и соблюдении прав человека, будет, следовательно, признание того факта, что движущей силой в выработке политики в отношении к Центральной Азии являлись непроверенные предположения, аналогии и устаревшие теории, которые в определенной степени

также ответственны за слабость региона. Следующим шагом должно стать содействие многосторонним усилиям, которые честно пытаются улучшить благосостояние Центральной Азии. Это может послужить географической пусковой установкой для истинно глобальной превентивной стратегии, которая предлагает решения проблем безопасности в мире после 11 сентября.

Кипр в Европе: возможно ли решение кипрской проблемы путем придания ей европейского масштаба?

Петер Зервакис *

Во время Римских договоров 1957 года, создавших Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), и соглашений в Цюрихе и Лондоне от 1959 года, основавших Республику Кипр, возникли две новые «постмодернистские формы правления», несмотря на отсутствие какого-либо исторического прецедента.¹ Основанные, скорее, на международных договорах, чем на внутренних конституциях, они были созданы для того, чтобы открыть традиционные суверенные национальные государства и их границы для транснациональной формы европейского правления.² Поскольку не были типичными государственными действующими субъектами, они не вписались в политический ландшафт эпохи. Учитывая сложные, но тщательно сбалансированные институциональные соглашения и соглашения по разделению власти между государствами-членами ЕЭС и наднациональными институтами, в одном случае, и расходящиеся друг с другом греческие и турецкие этнические характеристики Республики Кипр, принуждающие к поиску компромиссов в коллективном принятии решений, – в другом, все это не было похоже ни на классические суверенные национальные государства, ни на послевоенные современные международные организации, такие как Организация Объединенных Наций (ООН), которые основывались главным образом на дипломатическом взаимодействии между представителями правительств. Создание наднациональных органов, таких как Комиссия, с правовой компетенцией в определенных политических областях (внутренний рынок); непосредственно распространяющееся качество европейского (экономического) права в государствах-членах; введение прямых выборов в Европейском парламенте с 1979 года; а также единая валюта в 1999/2002 г.г. – все это отличительные характеристики Европейского Сообщества (ЕС) как «*un objet politique non-identifié*» (неидентифи-

* Петер Зервакис является старшим научным сотрудником Центра по изучению вопросов европейской интеграции, Бонн, Германия, и преподавателем политологии Университета Бонна; приглашенным лектором Университета Инсбрука, Австрия, и преподавателем Командно-штабного колледжа Вооруженных сил Германии в Гамбурге. Петер Зервакис выражает благодарность Х. Тарику Огузлы из Билькентского университета за ценные комментарии при рецензировании данной статьи.

¹ Thomas Dietz, ред., *The European Union and the Cyprus Conflict. Modern Conflict, Post-modern Union* (Manchester University Press, 2002), 203.

² Peter Zervakis, “Globalisierung und Europäisierung als Herausforderungen für den Wandel des Nationalstaats in Europa,” в *Ethik, Politik und Kulturen im Globalisierungsprozess, Eine interdisziplinäre Zusammenführung*, ред. Ralf Elm (Bochum, 2003), 295.

цированного политического объекта).³

Отличительные характеристики «незавершенной государственности Кипра»⁴ включавшие, во-первых, ограничения в суверенных правах для Республики Кипр, основывались на необходимом согласии держав-гарантов (Великобритании, Греции, Турции) в отношении любых внутренних конституционных изменений. Во-вторых, эти державы имели право вмешательства, либо вместе, либо по отдельности, с целью восстановления государственного единства. Более того, суверенные английские военные базы (почти три процента островной площади Кипра) являлись анахронизмом, сравнимым только со статусом Берлина, контролировавшегося четырьмя державами, а разделение власти между двумя противостоящими группами Кипра стало институционализированным из-за действия принципа большинства.⁵ И, наконец, с самого начала обеим негосударственным структурам недоставало объединяющей концепции национальной идентичности. Поэтому учредительные документы ЕЭС, а также киприотского *Volksgruppenstaat*⁶ (государства общин) гарантируют надежный мир, благосостояние и стабильность путем сохранения баланса между расходящимися национальными интересами через постоянные переговоры между его членами.⁷

Так как экономики Германии и Франции постепенно интегрировались друг с другом, разрушительный национализм, приведший к двум мировым войнам, начал исчезать. Следуя франко-германскому партнерству, заявленный политический паритет между Бонном и Парижем стал локомотивом будущей интеграции в Западную Европу, несмотря на различные соотношения населения и географические обстоятельства.⁸ В 1954-58 г.г. на Кипре, с одной стороны, греческие киприоты сражались в кровавой войне за независимость от британцев (и их союзников – турецких киприотов) и за *enosis* (единство) с Грецией. Впоследствии, сложный конституционный порядок, с обоюдной системой сдержек и противовесов, обязал представлявших большинство греческих киприотов предоставить турецким киприотам политическое равенство. Таким образом стремились пре-

³ Alberta M. Sbragia, "Thinking about the European Future: The Uses of Comparison," в *Euro-politics*, ред. Alberta M. Sbragia (Washington, D.C., 1992), 257; и Dimitris Chrysochoou, *Towards a civic conception of the European polity*, ESRC Working Paper 33 (University of Sussex Press, 2001), 24.

⁴ Christopher Brewin, *The European Union and Cyprus* (Huntingdon, 2000), 1-3.

⁵ Peter Zervakis, *Die politischen Systeme Zyperns*, в *Die politischen Systeme Osteuropas*, ред. Wolfgang Ismayr (Opladen, 2002), 847.

⁶ Christian Rumpf, "Verfassung und Recht," в *Handbook on South Eastern Europe. Vol. VIII. Cyprus*, ред. Klaus-Detlev Grothusen, Winfried Steffani и Peter Zervakis (Göttingen, 1998), 158–60.

⁷ Tozun Bahcheli, "Domestic Political Development," в *Handbook*, ред. Grothusen, Steffani и Zervakis, 98; и Geir Lundestad, "Empire" by *Integration* (Oxford, 1998), 3–4.

⁸ Peter Zervakis и Sébastien von Gossler, "40 Jahre Elysée-Vertrag: Hat das deutsch-französische Tandem noch eine Zukunft?" *Aus Politik und Zeitgeschichte* B 3-4 (2003): 6-13.

дотратить на долгую перспективу вспышку конфликта не только между греческими и турецкими киприотами, но также и между их бывшими метрополиями, обе из которых являлись членами НАТО. Однако политическая цель не была достигнута по большей части из-за того, что у греческого большинства отсутствовал интерес и желание к взаимному, основанному на равенстве прав сотрудничеству с турецким меньшинством. Действительно, за этим последовали три внутренние кипрские гражданские войны в 1963-64, 1967 и 1974 г.г., и все они характеризовались прямой интервенцией Греции и Турции.⁹

В последние десятилетия Европейский Союз с успехом выстраивает отношения мира, стабильности и благосостояния среди своих государств-членов. Несмотря на имеющиеся различия в размере территории и количестве населения, его политически равноправные государства-члены ЕС охотно научились управлять конфликтами между собой без применения насилия и без потребности в обращении к наднациональному институту с его собственной монополией власти. ЕС в мировом масштабе завоевал статус ролевой модели, демонстрирующей возможность достижения мира, благосостояния и предупреждения конфликтов через взаимное согласие, приносящее пользу всем сторонам. После объединения Германии в 1990 году члены ЕС как настоящие «мастера договоров» подписали Маастрихтский и Амстердамский договоры соответственно, все более превращая свою по существу экономическую ассоциацию в политический союз. Это происходило через введение единой валюты (против желания – не в последнюю очередь – немцев), через реформы существующих институтов ЕС и через создание политических областей дальнейшего развития, таких как Общий курс в сфере внешней политики и безопасности, а также Европейская политика безопасности и обороны, которые привели к так называемому «углублению» Сообщества. Прежде всего, ЕС предложил распахнуть двери перед ожидающими вступления в его ряды восемью восточноевропейскими странами бывшего коммунистического лагеря, а также Мальтой и Кипром. До этого момента в Сообществе по существу доминировали западноевропейские государства. Но с этим политическим проектом тысячелетия и пропорциями, связанными с развитием, ЕС через свое расширение будет способствовать делу стабилизации этих рождающихся демократий с рыночной экономикой в Центральной и Восточной Европе путем продвижения массовой модернизации, преобразований и внутренних реформ. Наряду с расширением НАТО, ЕС также предусматривает расширение в восточном направлении сообщества безопасности, основанного после Второй мировой войны, таким образом создавая фундамент для заявки Европы на будущую роль мирового игрока

⁹ Peter Zervakis, “Zypern,” в *Studienhandbuch Östliches Europa*, том 1, ред. Harald Roth (Cologne, 1999), 442–43.

двадцать первого столетия.¹⁰

Когда греческие киприоты в конечном итоге обратились за полным членством в ЕС, получив при этом сильную поддержку от греческой прародины, турецкие киприоты не имели никакого намерения позволить воссоединение с Грецией. Скорее, греческие киприоты стремились к эффективному противодействию угрозе безопасности, представленной присутствием турецкой армии в ответ на их претензию быть единственным суверенным народом на острове. С вовлечением превосходной экономической и финансовой мощи ЕС, особенно, что касается его доли в мировой торговле и его стремления действовать в качестве «Европы гражданского влияния»¹¹ (таким образом используя предпочтительно невоенные средства для продвижения демократических принципов по всему миру), греки настаивали на интеграции разделенного острова на своих условиях после того, как примиренческие, но исчерпавшие себя попытки ООН, длившиеся более тридцати лет, показали свою неэффективность.¹² Таким образом, передача до сих пор неразрешенного кипрского спора на рассмотрение ЕС стала их основной целью. Из Брюсселя, с другой стороны, первое применение концепции гражданского влияния на регион Средиземноморья выглядит вполне привлекательным, не в последнюю очередь, из-за абсолютного экономического превосходства Союза в его отношениях с Кипром и Турцией. Оба государства в своей торговле и развитии полностью зависят от Союза – одного из крупнейших доноров помощи в мире. Но эти страны также тесно связаны с ЕС политически и институционально из-за соглашений об ассоциации с Турцией от 1963 года и с Кипром от 1973 года соответственно. Последние промежуточные результаты активного участия Союза в Восточном Средиземноморье по программе «Региональный мир, безопасность, стабильность и благосостояние» включают:

- Начало существенной активизации переговоров между Никосией и Брюсселем начиная с весны 1998 года по принятию *acquis communautaire* (законодательства европейского Сообщества), условий для внутреннего рынка и общих политических курсов (Общего курса в сфере внешней политики, Ев-

¹⁰ Michael Kreile, “Die Osterweiterung der Europäischen Union,” в *Europa-Handbuch*, ред. Werner Weidenfeld (Bonn, 1999), 802; и Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik, *Die europäische Sicherheitsgemeinschaft. Das Sicherheitsmodell für das 21. Jahrhundert* (Bonn, 1995).

¹¹ François Duchêne, “Europe in World Peace,” в *Europe Tomorrow*, ред. R. Mayne (London, 1972), 32–49; и Stelios Stavridis, “Failing to act like a “civilian power”: the European Union’s policy towards Cyprus and Turkey (1974–2000),” *Studia Diplomatica* 54:3 (2001): 75–102.

¹² Peter Zervakis, “The Accession of Cyprus to the EU: The Greek Viewpoint,” в *Cyprus and the European Union, New Chances for Solving an Old Conflict?*, ред. Heinz-Jürgen Axt и Hansjörg Brey (Munich, 1997), 137–50.

ропейской политики в области безопасности, Совета по вопросам правосудия и внутренних дел) на всем острове;

- Осуществление Таможенного Союза с Турцией после снятия вето со стороны Греции;
- Долгосрочное включение Турции в будущее расширение Сообщества в южном направлении как необходимое завершение надвигающегося расширения в восточном направлении.

В данной работе будут рассмотрены взлеты и падения динамичного процесса европейской ассоциации и членства Кипра в ЕС (и Турции впоследствии). Они должны быть проанализированы в частности применительно к специальному случаю Кипра, чтобы выяснить, оказывает ли ЕС здесь больше влияния как действующий субъект или как простая «структура», предоставляющая основные условия по трансформации кипрского спора на внутреннем уровне.¹³ Поэтому следует проанализировать специфические исторические причины по нерешенному этнополитическому кипрскому вопросу, а также до сих пор не достигшие успеха политико-дипломатические подходы при посредничестве ООН. Исторический анализ того, почему все международные третейские усилия не смогли разрешить проблему Кипра, дает основу для дискуссии европеизации как успешной модели, которая должна со временем использоваться для разрешения конфликтующих внутренних этнических интересов.¹⁴ Кроме того, в данной статье будет предпринята попытка определить вклад ЕС в деле выработки взаимного подхода у строго разделенных греческих и турецких киприотов через гражданские общественные институты, такие как многочисленные неправительственные организации, которые в настоящее время расцвели пышным цветом на Северном Кипре и организуют массовые протесты против своего избранного правительства с целью возобновления переговоров об объединении.¹⁵ Наконец, будет поднят вопрос в отношении того, какого рода существует потенциал для разрешения непрекращающейся кипрской проблемы в общих рамках ООН, а также для расширения и углубления ЕС в конституциональном плане, учитывая наблюдаемое в настоящее время ослабление напряженности между обеими этническими группами на острове, а также между их бывшими метрополиями - Грецией и Турцией. Нужно, в конечном счете, принять во внимание то, что Турция тем

¹³ Thomas Diez, "Why the EU can nonetheless be good for Cyprus," *Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe (JEMIE)* 2 (2002): 14.

¹⁴ См. Ralf Zoll, ред., *Ein Modell zur Vermittlung konfliktärer Interessen. Die griechisch-türkischen Beziehungen und der Zypern-Konflikt* (Münster, 2000); и Patrick R. Hugg, "Cyprus advances towards Europe: Realism and rationalism," *Perceptions* 6:3 (2001): 94.

¹⁵ Nicole Schulze, "Cracks in the Wall": Bikommunale Aktivitäten und friedensstiftende Maßnahmen auf Zypern," в *Zypern. Gesellschaftliche Öffnung, europäische Integration, Globalisierung*, ред. Gisela Welz и Petra Ilyes (Frankfurt am Main, 2001), 23–43.

временем предпринимает серьезные шаги в реализации у себя дома высоких демократических стандартов Союза для того, чтобы быть квалифицированной для членства в ЕС, но все еще сопротивляется любым изменениям в отношении статус-кво на острове Кипр.¹⁶

История проблемы Кипра

Кипрская проблема включает с себя нерешенный гражданский конфликт между двумя этническими группами, живущими на острове. Эта проблема, представляющая собой последние остатки вековой судьбы падения Османской империи, действительно одна из самых сложных проблем в современной европейской истории.¹⁷ С закатом империи относительно либеральная позиция колониального правления Британии, к которой Кипр отошел в 1878 году от Османской империи, столкнулась как с проникновением греческого национализма (*enosis*, или объединение), так и позднее с турецким кемалистским оппозиционным движением «*таксим*» (отделение). Проистекая из уступок по расширенной административной автономии, особенно в системе образования, строгое разделение обеих религиозных групп благоприятствовало культурной предрасположенности каждой группы к своей соответствующей метрополии. Независимая, неразделимая, совместно определяемая национальность не могла развиваться в таких условиях. Таким образом, восстание греческих киприотов против британского правления, с требованиями по присоединению к Греции, походило более на движения ирредентистов в Юго-Восточной Европе, чем на антиколониальные движения третьего мира за независимость. «Консоциальная»¹⁸ демократия, в том виде, в каком она содержится в конституции Республики Кипр (с 1960 года), со своим расширенным самоуправлением для обеих этнических групп, пропорциональным этническим представительством в органах власти и всесторонней возможностью применения вето со стороны турецкой киприотской общины, не привела к дружескому разрешению кипрского вопроса из-за отсутствия общей согласованной политической культуры.¹⁹ В конце 1963 года эта пороховая бочка взорвалась: архиепископ Макариос III как президент Республики в одностороннем порядке потребовал от турецких киприотов пересмотра конституции, что означало потерю турецкими киприотами многих из гарантированных им прав. Ожидаемый с их стороны отказ усилил напряженность между разнообразными вооруженными

¹⁶ См. последний Отчет Комиссии ЕС, *Continuing Enlargement. Strategy Paper and Report of the European Commission on the progress towards accession by Bulgaria, Romania and Turkey* (Brussels, 2003), 15–16, на сайте http://europa.eu.int/comm/enlargement/report_2002/pdf/strategy_paper2003_full_en.pdf (последний вход: 10 ноября 2003 г.).

¹⁷ Peter Zervakis, “Historische Grundlagen,” 69–90.

¹⁸ Albert F. Reiterer, *Cyprus. Case study about a failure of ethno-national understanding* (Frankfurt am Main, 2003), 129.

¹⁹ Zervakis, “Die politischen Systeme Zyperns,” 847–51, 880.

радикалами, так что очень маленькой провокации со стороны греков было достаточно, чтобы раскрутить спираль насилия в Никосии, которая получала дополнительный толчок от различного рода вмешательств со стороны Греции и Турции. Гражданская война 1963-64 г.г. привела к разделению Никосии и цементированию турецкого анклава.

Проблема Кипра в ряде случаев приобретала международный характер, особенно с выходом резолюции Совета Безопасности ООН по разворачиванию Сил ООН по поддержанию мира на Кипре (UNFICYP) для предотвращения дальнейших столкновений, восстановления общественного порядка и возвращения к нормальному состоянию. Тем временем размещение «голубых касок», первоначально планировавшееся на три месяца, продолжается и поныне, перейдя тем самым в разряд самой долгой миротворческой миссии международной организации и являя собой международное дипломатическое фиаско. Обе местные конфликтующие стороны до сих пор не преуспели в нахождении пути к мирному управлению конфликтом, несмотря на помощь ООН и бесконечные мирные переговоры между политическими представителями обеих общин. Более того, вторжение турецкой армии в 1974 году было вызвано удачным ходом греков против президента Макариоса, ходом, который получил поддержку афинской хунты и был направлен на присоединение Кипра к Греции. В результате, под эгидой ООН последовали «обмен населением» и силовое военное разделение территории острова. Таким образом, конец военным действиям внутри Кипра был положен турецкой интервенцией и бесцеремонным разворачиванием сил UNFICYP, которые охраняют линию прекращения огня с 1964 года. Но этого не было достаточно для воцарения прочного мира на Кипре. Несмотря на благие намерения всех генеральных секретарей ООН с 1960-х годов по воссоединению острова мирным путем, представители обеих этнических групп стойко противятся достижению долговременного компромисса, так как модели возможных решений, предлагаемые конфликтующими сторонами, очень сильно расходятся друг с другом. С одной стороны, греческая сторона стремится к воссоединению, а именно, основанному на *status quo ante* в форме федерации с сильной, по преимуществу греческой, центральной властью. С другой стороны, решимость турецкого меньшинства в отношении отделения продолжает расти с 1964 года, материализовавшись в объявленной им 15 ноября 1983 года односторонней декларации независимости, которую признает только Турция.

Другим препятствием для разрешения проблемы среди островных групп является трудность для участвующих региональных (греческих и турецких) и международных (ООН/ЕС/США) действующих субъектов убедить киприотов изменить статус-кво, который имеет исторические корни, но также накладывает достаточно прочные устои. Обзор по Республике Кипр, проведенный в марте 1990 года, подтвердил возрастающее обоюдное отчуждение из-за полного отсутствия общественных, культурных и экономических контактов между этническими

группами в течение почти тридцати лет. Большинство опрошенных греческих киприотов хотят держаться на расстоянии от турецких киприотов и категорически отвергают более тесные и добрососедские отношения.²⁰ Турки, проживающие в северной части острова, наоборот, симпатизируют более тесным отношениям с ЕС по экономическим причинам. Их исторически правильное недоверие к приобретающему угрожающие размеры греческому превосходству заставляет их настаивать на независимости, а также по-прежнему на вступлении Турции в члены ЕС.²¹ Простое решение кипрского вопроса, основанное либо на воссоединении из-за постулированной островной тождественности (общее колониальное прошлое, обычаи, нормы и привычки), либо на мирном сосуществовании обеих общин в одном политическом образовании (официальный взгляд греков), либо, напротив, на сохранении статус-кво (взгляд турок), можно, таким образом, исключить в ближайшей перспективе. Но сегодня, с появлением европейских возможностей, проблема Кипра определенно перестала иметь то же значение, какое она имела в 1960, 1964 или 1974 г.г., несмотря на постоянные дипломатические переговоры в отношении воссоединения, которые продолжаются так, как будто за последние сорок лет ничего не изменилось.

Интернационализация кипрской проблемы

В марте 1964 года «марионеточное правительство» президента Макариоса было официально признано Генеральной ассамблеей и Советом Безопасности ООН (Резолюция 186/1964) как единственно легитимный в международном масштабе орган для всей республики. Начиная с того времени, политики, представляющие греческих киприотов, способны реализовывать свою претензию на то, чтобы единственно представлять остров – пренебрегая турецким населением острова – что дает им дипломатическое и экономическое преимущество. После разделения острова в 1974 году южная часть острова, населенная киприотскими греками, сотворила «маленькое экономическое чудо»²² благодаря массивной финансовой поддержке от международных организаций, туризму и оффшорной деятельности. Что касается политических поисков в преодолении разделения острова, Республика Кипр при поддержке Греции обратилась за помощью к ООН. Частично благодаря усилиям генеральных секретарей ООН, в 1977 и 1979 г.г. были заключены некоторые соглашения между лидерами обеих общин Кипра – Макариосом (а после его смерти – Спиросом Киприану) и Рауфом Денкташем.²³

²⁰ Nathalie Tocci, *The 'Cyprus Question': Reshaping Community Identities and Elite Interests Within a Wider European Framework*, рабочий документ 152 (Brussels, 2000), 9.

²¹ Dietz, *European Union*, 157–58.

²² См. Demetrios Christodoulou, *Inside the Cyprus Miracle* (Minneapolis, 1992).

²³ Paris Varvaroussis, *Deutschland und die Zypernfrage* (Munich, 1995), 249–51.

В таких соглашениях впервые содержались основные директивы для будущих переговоров²⁴:

- Образование двухобщинной федеральной республики, состоящей из двух частей и обеих этнических групп. Каждая группа должна иметь права на свою собственную территорию, но центральное правительство несет основную ответственность по гарантии национального единства;
- Последующая демилитаризация Кипра и обеспечение независимости, суверенитета, территориальной целостности и статуса неприсоединения республики в отношении интеграции или выхода любой части острова;
- Начало переговоров по восстановлению свободы передвижения, свободно-му выбору проживания и компенсации за права собственности перемещенных людей;
- Инициирование мер по строительству доверия между обеими общинами.

Хотя Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея восприняли эти принципы как прорыв в кипрском переговорном процессе и поддержали их в некоторых своих резолюциях, прихода к всеобъемлющему соглашению между обеими этническими группами так и не наступило. Истоками одной из причин этого служит диаметрально противоположное понимание термина «федерализм» между греческим и турецким населением Кипра. В то время, как греческие киприоты видят центральное правительство с конечной ответственностью за обеспечение так называемых трех свобод (свободы передвижения, собственности, места жительства) на всем острове, турецкие киприоты хотят иметь два частичных государства, каждое со своими собственными правами суверенности и связанных нежесткой конфедерацией.²⁵ Греческие киприоты ставят знак равенства между признанием суверенитета независимых турецких киприотов и цементированием разделения острова начиная с 1974 года; таким образом, они категорически отвергают конфедеративную концепцию для острова.²⁶

После инициативы генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, который в 1983 году предложил две дальнейшие схемы для разрешения этой проблемы, дружеские отношения вновь стали восстанавливаться. Но в то время эти предложения не были воплощены в жизнь не из-за Рауфа Денкташа, который как раз считал, что такую договоренность стоит подписать, а, скорее, из-за греческой стороны, которая опасалась, что такая договоренность слишком сильно расходится с ее собственными идеями.

²⁴ Nanette Neuwahl, *Cyprus, Which Way? - In Pursuit of a Confederal Solution in Europe*, Jean Monnet Working Paper 4 (Boston, 2000), 9.

²⁵ Там же.

²⁶ Bahcheli, "Domestic," 117.

Список советов, представленных Бутросом Бутросом-Гали в 1992 году, является наиболее всеобъемлющим на сегодняшний день предложением по проблеме Кипра. В этом предложении даются в деталях конкретные меры по будущему сосуществованию обеих групп. Совет Безопасности с энтузиазмом принял «набор идей» Бутроса-Гали в своих двух резолюциях (№ 774/1992 и № 789/1992) как основу для достижения урегулирования. В настоящее время греческие киприоты приняли по существу все 100 пунктов, тогда как турки согласились с 91 пунктом. Тем не менее, греческие киприоты высказали свои убедительные опасения: Денкташ требовал слабого центрального правительства с сильным, частичным суверенитетом в субгосударствах и представительного паритета в совете министров, при этом отстаивая ограничительный курс в отношении открытого вопроса возвращения беженцев (он отказался от переселения турецких киприотов и от уступки пригодных сельскохозяйственных земель в своем избирательном округе). Он также предусматривал введение действенных правил для защиты своей этнической группы в качестве условий для демилитаризации. Для того чтобы угодить Денкташу и достигнуть сближения обеих киприотских групп, Бутрос-Гали предложил пакет мер по укреплению доверия (среди прочих, открытие «зеленой линии» для пограничного транспорта, активизация встреч между членами обоих обществ, молодежные и студенческие обмены, языковые курсы) для обоих лидеров процесса переговоров.²⁷ Прежде всего, от этого пакета мер выигрывали турецкие киприоты, потому что он способствовал уменьшению их дипломатической и экономической изоляции и стимулировал рост их ВВП до 20 процентов.²⁸ Тем не менее, в апреле 1994 года руководство турецких киприотов отказалось от соглашения.

Впоследствии, отношения между враждебными партиями серьезно ухудшились и в 1997/98 г.г. стали небывало плохими. В дополнение к этому, политический курс греческих киприотов в направленности к Европе с ее активизированным сотрудничеством против сопротивления Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) был по существу ответственен за это. Во время этой тупиковой ситуации представитель США на Кипре Ричард Холбрук в ноябре 1997 года представил свой новый план.²⁹ Вдоль линии прекращения огня должно было быть предпринято создание третьей зоны со смешанным населением с последующей передачей этой зоны греческим киприотам. Там турецкие киприоты наряду с греческими киприотами, которые были ранее перемещены из этой области, могли бы работать и проживать совместно под защитой многонациональных войск, возглавляемых США. Временное правительство подготовило бы

²⁷ Maria Hadjipavlou-Trigeorgis, "Little Confidence in Confidence Building? Conflict Resolution in the Context of the United Nations," в *Cyprus*, ред. Axt и Brey, 36–54.

²⁸ Martin Pabst, "Zypern: UN, EU und der Status quo," *Vereinte Nationen* 49:4 (2001): 141.

²⁹ Jürgen Reuter, "Zypern, Vereinte Nationen und Europäische Union," *KAS/Auslandsinformationen* 9 (2001): 28–30.

строительство федеральной Киприотской Республики, а также вступление Кипра в ЕС, но с турецким участием.

Однако турки также отказались от этого предложения (после первоначального согласия), поскольку декабрьский саммит ЕС в Люксембурге практически лишил Турцию надежды квалифицироваться в качестве кандидата на членство в ЕС. Правительству греческих киприотов пришлось осознать, что ТРСК и Турция не проявляли никакого интереса в решении кипрского вопроса на условиях ООН, и обе стороны отделились друг от друга даже больше, чем это было при вспышке конфликта. Греческие киприоты стали рассматривать другие политические варианты.

Европейский масштаб кипрской проблемы

Обращение Республики Кипр к Сообществу

После интернационализации кипрского вопроса, когда безрезультатные усилия по достижению мира путем арбитража, предпринятые в свое время пятью генеральными секретарями ООН, потерпели крах и была выявлена политическая слабость этой организации, либеральный президент Георгиос Василиу под давлением греческого правительства Андреаса Папандреу 3 июля 1990 года от имени всего Кипра подал заявку на полное членство в ЕС. Этот шаг в значительной степени полагался на Соглашение об ассоциации от 1973 года, в котором были выстроены официальные связи между ЕС и Республикой Кипр, обеспечивая тем самым открытость традиционного британского рынка для кипрских продуктов. В дальнейшем планировалось создание таможенного союза в два этапа в течение двух лет. Соглашение также содержало многочисленные договоренности по устранению любых торговых и таможенных барьеров между обоими партнерами путем принятия общих таможенных тарифов, гармонизации некоторых областей политики (соревнования, государственных субсидий, правовой и административной конвергенции) и гарантии свободного движения по республике таких товаров, как сельскохозяйственная продукция. В дополнение к этому, в соглашение было включено положение о формировании общего Совета Ассоциации. После выполнения первого этапа и по прошествии некоторого времени из-за несчетных препятствий, касающихся разделения острова, был выработан «образ действия» в отношении второго этапа, в соответствии с которым таможенный союз будет полностью сформирован в два этапа к 2002 году.³⁰ В период с 1977 по 1994 г.г. Кипр получил в общей сложности 136 миллионов ЭКЮ от Сообщества в форме кредитов, безвозмездной помощи и специальных платежей. За исключением определенной пропорции, специально зарезервированной для турецкого населения Кипра, многие проекты финансировались из этих ресурсов для улучшения ин-

³⁰ Комиссия европейских сообществ, *Regelmäßiger Bericht 1998 der Kommission über Zyperns Fortschritte auf dem Weg zum Beitritt* (Brussels, 1998), 6–7.

фраструктуры в столице Никосии (городское планирование и развитие, удаление отходов и электричество). От этого все население острова получало пользу.³¹

Когда где-то в конце 1980-х годов таможенный союз просто перестал удовлетворять политических деятелей, представляющих греческих киприотов, они стали стремиться к полному членству, но тем не менее, двигаясь в этом направлении, они больше руководствовались политикой, а не экономикой. Они надеялись, что перспектива членства в ЕС сможет дать новый толчок к разрешению кипрской проблемы. На худой конец, они хотели просить Сообщество окончательно взять на себя ответственность за местное урегулирование конфликта. Это также предоставило бы минимальную гарантию безопасности для греческих патриотов от турецкой армии.³² Тем не менее, Василии не решался ввести это изменение в политике, поскольку он опасался, что европеизация кипрского вопроса без необходимости ляжет бременем на любые будущие соглашения с турецкими киприотами при вмешательстве ООН. Более того, «*Evropi*» не пользовалась уважением среди союзов и крупнейшей парламентской партии коммунистического толка Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЕЛ), так как люди боялись исчезновения своих собственных, активно субсидируемых малых предприятий и вспоминали вялую поддержку со стороны Сообщества во время турецкого вмешательства летом 1974 года. Поэтому поворот греческих киприотов в сторону Европы может быть воспринят как тактический ход для нейтрализации турецкой военной оккупации, которая рассматривалась в качестве угрозы претензии греческих киприотов на исключительное правление. Более того, Греция стала десятым членом ЕС и находится в его составе с 1981 года, в то время как Турция не является членом ЕС. В дополнение к этому, все греческие правительства до 1999 года настоятельно пытались убедить своих партнеров по ЕС, что Турция не может притязать ни на членство в Европе из-за сурового испытания Кипром, ни на то, чтобы их противник рассматривался частью средиземноморских интересов Сообщества.³³ (Только спустя три года Комиссия ЕС поддержала петицию от греческих киприотов – что по существу произошло из-за давления, оказываемого Грецией.³⁴) Однако Комиссия особо выделила экономическое неравенство между двумя частями острова и подчеркнула, что интеграция Кипра в Сообщество должна прежде всего потребовать мирного, сбалансированного и прочного разрешения кипрских вопросов.³⁵ Комиссия также заверила Генераль-

³¹ Комиссия европейских сообществ, *Stellungnahme der Kommission zu dem Beitrittsantrag der Republik Zypern* (Brussels, 1993), 15.

³² Neill Nugent, “EU Enlargement and the ‘Cyprus Problem’,” *Journal of Common Market Studies* 38:1 (2000): 136.

³³ Zervakis, “Accession of Cyprus,” 142.

³⁴ Комиссия, *Stellungnahme*, 22.

³⁵ Комиссия, *Stellungnahme*, 23.

ного секретаря ООН в поддержке Сообществом его усилий в политическом урегулировании кипрского вопроса.

В этом последнем пункте становится ясным проблематический характер заявки на вступление для турецких сторон, а также для (западно) европейских государств-членов. Турецкое руководство и Турция неистово возражали против односторонней заявки греческих киприотов на вступление в члены ЕС от имени всего острова. Они объясняли свое несогласие, ссылаясь на международные договоры 1959-60 г.г., которые не разрешали Кипру вступать в какую-либо международную организацию, которой не принадлежали бы вместе Греция и Турция.³⁶ Таким образом, они были категорически против любого вступления острова в ЕС, если не решался открытый вопрос кипрского статуса; в противном случае, они грозились включением ТРСК в состав Турции, если ЕС примет в свои ряды республику, в которой доминируют греки. Кроме того, турки усматривали связь между вступлением Кипра в ЕС и интеграцией острова с Грецией, которое соотносится со старым движением *énoxis*, «только иными средствами».³⁷ Руководство ТРСК не смягчило свои основные политические требования даже перед лицом потенциальных экономических выгод для населения. С того времени оно отказывается от участия в киприотской делегации по переговорам, поскольку такое участие означало бы подтверждение притязаний греческих киприотов на исключительное представительство, и из-за отношений большинства оно не могло бы выстроить свою собственную позицию на переговорах касательно ЕС.

Другая причина трехлетней задержки в выработке позиции ЕС по заявке греческих киприотов на вступление относится к минимальному интересу государств-членов ЕС в членстве разделенного Кипра, особенно в сравнении его деятельности с расширением ЕС в Восточной Европе.³⁸ В случае вступления разделенного Кипра в Сообщество 15 правительств, 16 парламентов и все значительные институты ЕС, включая Европейский инвестиционный банк и Европейский центральный банк, должны высказать свое мнение по этому вопросу. Учитывая, по-видимому, непреодолимые трудности, даже в 1990-х годах ни лидеры государств в Совете, ни Комиссия не проявили никакого интереса в прямой или косвенной арбитражной роли по данному конфликту в этом удаленном, проблематичном и периферийном регионе.³⁹ Вместо этого Сообщество скромно ограничилось поддержкой всех соответствующих резолюций ООН.

³⁶ См. Maurice H. Mendelson, *Why Cyprus Entry into the European Union Would Be Illegal*. Заключение юриста (London: Meto Print, 2001).

³⁷ Tozun Bahcheli and Nicholas X. Rizopoulos, "Beyond Partition," *War Report* 54 (1997): 18.

³⁸ Commission, *Stellungnahme*, 23, 43, 64; и Brewin, *European Union*, 3–14.

³⁹ Nugent, "EU Enlargement," 138–39.

Переговоры о вступлении как катализатор разрешения вопроса?

Позитивно отреагировав на заявку греческих киприотов о вступлении, Европейский Союз впервые оказался напрямую задействованным в островном конфликте. В начале октября 1993 года Совет министров ЕС назначил Комиссию для проведения подготовительных переговоров с Республикой Кипр для того, чтобы лучше ознакомить Кипр с *acquis communautaire* (законодательством Европейского Союза). Специфичность заявки Кипра стала вновь очевидной на саммите ЕС, проходившем в Корфу в июне 1994 года. По инициативе президентства Греции в ЕС, которая угрожала своим партнерам в противном случае не ратифицировать вступление Австрии, Швеции и Финляндии, было решено включить Кипр и Мальту в группу стран-кандидатов Центральной и Восточной Европы.

В конце концов, путем исторического компромисса президенту Франции впервые удалось 6 марта 1995 года определить действительную дату для начала переговоров о вступлении с греческим правительством Республики Кипр, не ставя эти переговоры в зависимость от условий предварительного согласия с турецкими киприотами. В 1999 году с Кипром был подписан Четвертый финансовый отчет на 72 миллиона ЭКЮ. Эти деньги направлялись на структурную подготовку вступления республики в ЕС (т.е. развитие гражданского общества и оказание содействия проектам, представляющим интерес для обоих этнических групп); за период 2000-2004 г.г. было выделено 54 миллиона евро.⁴⁰ Впоследствии Афины, несмотря на сильное сопротивление внутри страны, пообещали снять свое вето против установления таможенного союза с Турцией и прекратили бойкот процессу расширения. В конце 1997 года Европейский Совет в Люксембурге решил реализовать специальную стратегию конвергенции с Кипром и открыл выгодную для турецкого населения Кипра программу экономической адаптации; в то же самое время, однако, ЕС в категоричной форме отказал Турции в ее заявке на вступление в свои члены. 30-31 марта 1998 года начались официальные переговоры в отношении «условий вступления в Союз и соответствующих корректировок к договорам» с Венгрией, Польшей, Чешской Республикой, Эстонией, Словенией и Кипром.⁴¹

Однако никто из представителей турецких киприотов не участвовал в действительной подготовке к вступлению, такой как оценка или отбор, активизированные стратегии конвергенции или партнерство по программе вступления, из-за «негативной позиции» политического руководства.⁴² Первые уже в августе закрыли соглашение об ассоциации с Турцией, которое предвляло частичную ин-

⁴⁰ Комиссия европейских сообществ, *Regelmäßiger Bericht 1998 der Kommission über Zyperns Fortschritte auf dem Weg zum Beitritt* (Brussels, 1998), 8.

⁴¹ Комиссия, *Regelmäßiger Bericht 1998*, 5.

⁴² Комиссия, *Regelmäßiger Bericht 1998*, 8.

теграцию обоих партнеров в определенных политических областях.⁴³ Все же Сообщество обострило внутрикипрский конфликт своим грекофильским решением, поскольку оно отказалось, как и его упрямое балканское государство, относиться к турецким киприотам как к равным партнерам, что при данных обстоятельствах стало возможным без признания ТРСК. Только после давления со стороны Комиссии правительство греческих киприотов, наконец, ввело несколько представителей турецких киприотов в делегации (которая, в любом случае, имела перевес голосов по большинству ключевых вопросов). Исходя из этих подозрений и в целях демонстрации своей независимости, лидер турецких киприотов потребовал свою собственную делегацию на переговорах и отдельные референдумы по процессу вступления в ЕС, как предписывал в 1992 году Генеральный секретарь ООН Бутрос-Гали. ЕС напротив поддерживал свои переговоры с греческими киприотами в смутной надежде, что экономические преимущества и преимущества в плане безопасности и политики членства в ЕС для всего общества будут выгодны обоим этническим группам. Соответственно, греки, согласно решениям Комиссии, упорствовали в притязаниях на то, что перспектива членства в ЕС будет выполнять функцию «катализатора» в деле разрешения конфликта.⁴⁴

На Хельсинкском саммите в декабре 1999 года Европейский Совет предпринял свои наиболее далеко идущие шаги, учитывая «оттепель» греко-турецких отношений: он признал Турцию в качестве будущего кандидата, желающего вступить в члены ЕС. Однако это повлекло определенные политические оговорки (соблюдение прав человека, защиту меньшинств, демократизация, верховенство закона, институциональную стабильность), то, что Европейский Совет определил в Копенгагене в 1993 году для всех стран-кандидатов. В ответ, лидеры государств-членов ЕС подчеркнули, что политическое разрешение облегчило бы вступление Республики Кипр в ЕС. Если к концу переговоров о вступлении не будет выработано решение, то Совет тогда примет решение о вступлении без использования политического решения как изначального условия, рассматривающего все существенные факторы.⁴⁵

⁴³ Pabst, "Zypern," 142.

⁴⁴ Комиссия европейских сообществ, *Regelmäßiger Bericht 2000 der Kommission über Zyperns Fortschritte auf dem Weg zum Beitritt* (Brussels, 2000), 10; Heinz-Jürgen Axt, "Enttäuschte Hoffnungen auf Zypern," *Europäische Rundschau* 29:2 (2001): 77; Patrick R. Hugg, "Cyprus in Europe: Seizing the Momentum of Nice," *Vanderbilt Journal of Transnational Law* 34:5 (2001): 1360; Joseph S. Joseph, "Cyprus: From Past of Ethno-Political Division to a Future of Euro-Unity?" в *Transformationserfahrungen. Zur Entwicklung der politischen Kultur in den EU-Kandidatenländern*, ред. Gábor Erdödy (Baden-Baden, 2003), 230. Критическую оценку в отношении «каталитического эффекта» см. Dietz, "Why the EU," 3–6.

⁴⁵ SN 300/99, 3.

Хельсинкские резолюции были изображены как «шедевры византийской дипломатии».⁴⁶ В то время как в Афинах были продемонстрированы осязаемые преимущества политики ослабления напряжения на европейском уровне, Турции был предоставлен статус кандидата в члены ЕС по прошествии долгих лет после согласия Греции. Переговоры с греческими киприотами о членстве в ЕС, с другой стороны, успешно завершились к концу 2002 года, независимо от политического разрешения конфликта. В конце концов, на последнем саммите, проходившем 12-13 декабря 2002 года в Копенгагене, Совет ЕС единогласно заключил, что кандидатура Кипра (а не «Республики Кипр», как это государство официально называлось ранее во всех документах ЕС)⁴⁷ была официально одобрена в качестве нового члена ЕС к маю 2004 года после ратификации договоров о вступлении всеми будущими и настоящими государствами-членами и парламентом ЕС. В то же самое время Турции предоставили так называемую «статью рандеву»: к декабрю 2004 года Союз обязательно примет решение о соответствии Турцией всем политическим критериям для начала переговоров о вступлении «без каких-либо дальнейших задержек».⁴⁸ Тем не менее, оговорки некоторых членов ЕС относительно вступления разделенного Кипра остаются, и ЕС не связывает себя юридически с решением проблемы, хотя он продолжает благоволить вступлению воссоединенного острова.

Членство ЕС, следующее за политическим урегулированием, предоставит эффективную структуру для гарантирования фундаментальных демократических прав и прав человека и для повышения уровня жизни и уменьшения неравенства в доходах. Участие в программах и сетях ЕС и конкретные политические курсы ЕС по содействию структуральной корректировке подкрепят экономическое развитие на севере.⁴⁹

Все же у Сообщества есть некоторая «система рычагов» для привлечения обеих групп к последующим переговорам, поскольку только взаимно согласованное вступление может привести к ослаблению или разрешению конфликта; однако, это потребует специального соглашения. Поэтому некоторые высокопоставленные представители Комиссии и члены Совета часто посещали остров с визитами в 2002-2003 г.г. для объяснения сложной позиции ЕС.⁵⁰ Там европейцы

⁴⁶ Peter Zervakis, "Griechenland," в *Jahrbuch der Europäischen Integration 1999/2000*, ред. Werner Weidenfeld и Wolfgang Wessels (Bonn, 2000), 338.

⁴⁷ Heinz-Jürgen Axt, "Gordischer Knoten in Kopenhagen nicht durchschlagen: Zypern, die Türkei und die EU," *Integration* 26:1 (2003), 77, сноска 27.

⁴⁸ См. <http://europa.eu.int/council/off/conclu/index.htm> (последний вход: 10 ноября 2003 г.).

⁴⁹ Комиссия европейских сообществ, *2002 regular report on Cyprus's progress towards accession* (Brussels, 2002), 29.

⁵⁰ Oliver Bauer, "Die Zypernpolitik der Europäischen Union. Interessen, Akteure und Szenarien," *Perspektiven im Zypernkonflikt*, ред. Abraham Ashkenasi и Georgia Duprés (Frankfurt am Main, 2002), 244.

пообещали принять условия всестороннего урегулирования в Договоре о вступлении как максимум до мая 2004 года:

... в соответствии с принципами, на которых основан Европейский Союз; в качестве государства-члена (которое является свободным в определении своих конституционных договоренностей!) Кипру будет необходимо выступать одним голосом и гарантировать должное применение законодательства ЕС. ЕС внесет существенный финансовый вклад в поддержку развития северной части воссоединенного острова.⁵¹

И Брюссель продолжает продвигать двухобщинные проекты, такие как семинары по разрешению конфликта и т.д., обычно организуемые в буферной зоне или за рубежом, главным образом, в сотрудничестве с ООН. Два последних десятилетия профессионалы, в основном, из обеспеченных слоев общества и ученые с обеих сторон (более или менее свободно говорящие по-английски - языке общения на таких встречах) пытаются создать климат взаимного доверия и понимания среди киприотов обеих этнических принадлежностей с целью постепенного развития общей кипрской идентичности, которая может оказаться необходимым условием для разрешения кипрской проблемы.⁵² Но участники из обеих общин часто сталкиваются с общественным сопротивлением со стороны своих собственных средств информации и политиков, обвиняющих их в отсутствии патриотизма и даже предательстве. Это может рассматриваться как наглядный показатель для не идущих на компромиссы политических лидеров, которые не дают кипрскому спору погаснуть ради личной выгоды, чтобы сохранить свою традиционную власть над обоими слабыми обществами с помощью двух соперничающих видов этнического национализма на острове, в процессе, останавливающим развитие роста все еще недостаточно развитых кипрских гражданских обществ.⁵³

Поэтому без внешнего давления на внутренние реформы – главным образом в результате надвигающегося вступления острова в ЕС – мало надежды на то, что

⁵¹ Комиссия, *2002 regular report*, 26.

⁵² См. Sonja Bienert, "Konflikt und Kommunikation. Peacebuilding-Aktivitäten der bikommunalen Gruppen auf Zypern," в *Perspektiven*, ред. Ashkenasi и Duprés, 301–49; Oliver Wolleh, "Zypern: Gesellschaftliches Rapprochement im Spannungsfeld von impliziter Anerkennung und Repression," *Südosteuropa Mitteilungen* 42:2 (2002): 83–99; и *Culture in Common – Living Cultures in the Cypriot Communities. Труды конференции Германо-киприотского форума, 22-24 мая 2003 г., Берлин/Юдерзее*.

⁵³ Хотя, кажется, что существуют определенные асимметричные взаимоотношения в двух гражданских обществах в отношении устойчивости действующих неправительственных организаций. См. Caesar V. Mavratsas, *Ethnikí omopsychía kai politiki omofonía. I atrofia tis ellinokypríakis koinonías ton politón stis aparchés tou 21ou aióna* (Национальное единодушие и политический консенсус. Ослабление гражданского общества греческих киприотов на заре 21-ого века), (Афины, 2003).

твердо установившая власть политиков над своими соответствующими гражданскими обществами будет ослаблена. Таким образом, доминирование националистического отношения в обоих этнических лагерях препятствует созданию атмосферы доверия, которая является предпосылкой для обоюдного разрешения кипрской проблемы и будущей функции сосуществования обеих общин в двухобщинном государстве. Иначе остаются некоторые нерешенные вопросы с единственным фактическим (если не юридическим) членством в ЕС греческой части острова: каким образом Кипр может вступить в ЕС без официального признания турецкой оккупации северной части острова? Не углубит ли членство лишь одной группы киприотов разделение острова еще больше? А тем временем, не является первоначальный подход ООН принять только официальный статус греческих киприотов как представителей всего острова (что упрямо преследуется Грецией и ЕС) контрпродуктивным, хотя и собирает их вместе за столом переговоров, как если бы они были равны? И, как недавно выразился на европейском парламенте комиссар, отвечающий за вопросы расширения ЕС, Гюнтер Верхойген, как можно терпеть продолжающееся развертывание сил ООН по поддержанию мира в государстве-члене ЕС?

Внутреннее сближение в рамках ЕС?

После отчета ЕС о ходе работ от 13 ноября 2001 года, Союз заявил, что его целью на Кипре является «нахождение политического решения под эгидой ООН до момента вступления Кипра в ЕС, хотя это не представляет собой никакого первоначального условия для вступления».⁵⁴ Вступление в ЕС и переговоры в ООН по разрешению конфликта между обеими этническими группами, таким образом, воспринимаются в качестве дополняющих друг друга, с намерением внесения корректировок в любые отклонения от законодательства Сообщества в окончательный вариант Договора о вступлении. ЕС не рассматривает себя в качестве активного арбитра по конфликтам, поэтому он никогда не разрабатывал свою собственную стратегию в решении кипрской проблемы, и с 1993 года он регулярно направляет специальных посланцев для простого наблюдения за мирными переговорами ООН. Но в динамике вступления ЕС видит возможность, которая может быть использована для того, чтобы прийти к соглашению. Однако неудача может активизировать разделение на острове, нанося ущерб обоим сообществам (которые не смогут достигнуть результатов по вопросам территории, беженцев и компенсации, искоренения различий в благосостоянии или признания прошлых неудач), и как последствий - их бывшим метрополиям (которые потенциально могут лишиться двустороннего баланса и вступления Турции в ЕС).⁵⁵

⁵⁴ Комиссия европейских сообществ, *Regelmäßiger Bericht 2001 der Kommission über Zyperns Fortschritte auf dem Weg zum Beitritt* (Brussels, 2001), 25.

⁵⁵ William Wallace, "Reconciliation in Cyprus: The Window of Opportunity," Robert Schuman Centre Discussion Paper (Florence, 2002), 2.

Когда на Хельсинкском саммите в декабре 1999 года Турция была названа кандидатом на вступление в ЕС в будущем, решение по Кипру было почти достигнуто на следующий год, учитывая новые непрямые раунды так называемых «переговоров близости» в Женеве и Нью-Йорке между представителями этих двух этнических групп и специального посредника ООН Альваро де Сото. Там он представил конкретные, детальные предложения в отношении хода дискуссии по центральным темам распределения власти между обеими этническими группами в киприотском «общем государстве» и в «составных государствах».⁵⁶ Осенью 2000 года комментарии Генерального секретаря ООН Кофи Аннана показали свою особую значимость для переговорного процесса, а также для будущего разрешения конфликта. Кофи Аннан призывал к признанию политически равных прав обеих этнических групп для того, чтобы достигнуть всеобъемлющего баланса между претензией на исключительное право представительства в Республике Кипр и претензией на суверенитет Турецкой Республики Северного Кипра.⁵⁷ Тем не менее, турецкие киприоты отказались от предложений Аннана, а их руководство отказалось от дальнейшего участия в переговорах ООН. В противоположность этому, саммит ЕС в Ницце приветствовал попытки Аннана и активно поддержал их. Союз критиковал негативную позицию лидера турецких киприотов и обратился к Турции как к средству «системы рычагов» путем постановки в зависимость хода процесса по вступлению Турции в ЕС от позиции Турции по кипрскому вопросу.⁵⁸

При рассмотрении предложений, выдвинутых Аннаном, которые позднее стали основой для его общего генерального плана в ноябре 2002 года, ясно видно, что переселение турецких поселенцев-иммигрантов не будет иметь место, как и не будет разрешено всем греческим беженцам вернуться на север острова; это, безусловно, сделало предложения менее привлекательными для греческих киприотов, которые не изъявляли никакого желания разбираться со щекотливыми вопросами из прошлого и идти на необходимые компромиссы в отношении деталей будущего национального строительства.⁵⁹ Тем не менее, президент Клиридис объявил о своем желании найти компромисс с тем, чтобы снять с себя ответственность за провал новых переговоров. В ответ турецкая сторона требовала восстановления конфедерации, поскольку она не была согласна с условиями переговоров о выступлении единым голосом в ЕС. В то же самое время турецких киприотов попросили частично отказаться от суверенитета в едином и целом Кипре. Кроме того, ставится под вопрос и оккупация Северного Кипра.

⁵⁶ Reuter, “Zypern,” 29–36.

⁵⁷ Pabst, “Zypern,” 143.

⁵⁸ Комиссия, *Regelmäßiger Bericht 2001*, 22.

⁵⁹ Возможную альтернативу этой проблеме см. Neophytos G. Loizides и Marcos A. Antoniadis, “A credible commitment model: Settler, refugee, and immigration issues in post-settlement Cyprus,” *Journal of Peace Research* (в печати).

Военное присутствие смешанных греческих и турецких подразделений под командованием ООН, НАТО или ЕПБО казалось Аннуну более реалистичным, поскольку Турция не могла позволить какого-либо активизированного участия в области безопасности, учитывая ее собственные перспективы членства в ЕС.

Когда Рауф Денкташ предложил встретиться со своим бывшим школьным другом Глафкосом Клиридисом впервые с 1997 года, это предложение было выдвинуто при поддержке из Анкары, чтобы показать позитивные знаки возобновленного желания Турции провести переговоры до начала конференции Европейского Совета в Лаекене 14-15 декабря 2001 года. Таким образом, начался новый марафон переговоров в Никосии между представителем ООН де Сото и двумя ключевыми фигурами, которые в течение десятилетий управляют политическими махинациями на острове. Новые переговоры, по образцу предыдущих лет, рассматривались многими наблюдателями в качестве, возможно, единственно оставшейся возможности решить проблему разделения острова до момента вступления республики в ЕС.⁶⁰ Таким образом, актуальный и срочный характер переговоров выдвинул установочное расписание на следующие шесть месяцев (до конца июня 2002 года) о проведении переговоров три раза в неделю в буферной зоне при поддержке ООН, отдельно от общественности. Подобным образом греческие киприоты и ЕС, который принуждал обе стороны к компромиссу, надеялись включить критерии по разрешению конфликта в формулировки договора о вступлении до окончания переговоров о вступлении. Иначе Союз столкнулся бы с нерешенной кипрской проблемой после своего расширения, и это было бы осложнением, которое могло угрожать возможностям ЕС управлять региональной стабильностью и безопасностью.

Несмотря на то, что более сорока двусторонних встреч в итоге закончились без каких-либо конкретных результатов, условия для разрешения конфликта, как кажется, стали более благоприятными, чем это было когда-либо с момента образования Республики Кипр. ЕС как мирное сообщество и его государства-члены должны были играть более активную роль в кипрском вопросе, и в этом они согласились способствовать готовности идти на компромисс с соответствующими финансовыми, а также политико-дипломатическими стимулами для обеих сторон конфликта. Иначе вступление разделенного Кипра в ЕС могло повысить вероятность конфликта на острове, а также между Грецией и Турцией. Впоследствии, это могло подорвать безопасность Восточного Средиземноморья, а также доверие к Общему курсу ЕС в сфере внешней политики и безопасности.⁶¹ До этого момента только на Комиссии ЕС лежала ответственность за ведение переговоров

⁶⁰ Jürgen Reuter и Paris Varvaroussis, "Der Beitritt Zyperns zur Europäischen Union: Risiko für neue Instabilität der EU?" *Südosteuropa-Mitteilungen* 42:2 (2002): 66.

⁶¹ Ludger Kühnhardt, "Stolperstein im Mittelmeer. Zypern vor dem Beitritt," *Internationale Politik* 57:1 (2002): 51. См. George S. Yiangou, "The Accession of Cyprus to the EU: Challenges and Opportunities for the New European Regional Order," *JEMIE* 2 (2002).

с Кипром и Турцией, поскольку большинство государств-членов не выразило особого желания участвовать в этом процессе. В отличие от случая с Македонией, куда представители ЕС и государства-члены направляли внушительные денежные суммы и видных государственных лиц, относительное отсутствие интереса к Кипру и участия в его делах является вопиющим, хотя ситуация там такая же нестабильная.⁶² Учитывая прежний опыт, нужно ожидать возникновения серьезных трудностей в следующих областях:

- связывание конституциональных соглашений в контексте будущего членства Кипра в ЕС;
- возвращение собственности (главным образом, принадлежавшей греческим киприотам) и территориальные изменения (с бременем, ложащимся в основном на турецких киприотов);
- вопрос будущего турецких поселенцев на Северном Кипре;
- внушающие доверие гарантии безопасности экономического существования турецких киприотов;
- единство в отношении переходных шагов по укреплению взаимного доверия и созданию системы поддержки обеих народностей в неизбежном процессе корректировки.

Несмотря на эти предсказуемые трудности, заслуживает внимания тот факт, что обе стороны при первой же возможности начали переговорный процесс для устранения барьеров межэтнических и экономических контактов на демаркационной линии. Цель состояла в том, чтобы выполнить это еще до того, как будут решены вопросы в отношении статуса, и ЕС пообещал поддержать такие переходные шаги финансовыми стимулами.

Все же остается опасность нерешенного кипрского вопроса, воздействующего на сложные процессы принятия решений внутри ЕС, если в последний момент политическое решение не будет принято. Для того чтобы не попасть в самодично установленный кипрский капкан, Комиссия ЕС попыталась уменьшить асимметрию в своих греко-турецко-киприотских отношениях. В то же самое время, она на долгое время сконцентрировала свою деятельность на том, чтобы убедить турецких киприотов в преимуществах для них общего с греческими киприотами членства в Европейском Союзе⁶³:

- Турецкие киприоты должны быть свободны в определении своей собственной внутренней структуры и мер безопасности после вхождения в Сообщество. Все существующие соглашения с Турцией в отношении разрешения кипрского вопроса не должны подпадать под влияние вхождения в ЕС,

⁶² Wallace, *Reconciliation*, 7–12.

⁶³ Комиссия, *Regelmäßiger Bericht 2001*, 25 и Комиссия, *2002 regular report*, 26.

чтобы не мешать киприотам выступать единым голосом в комитетах ЕС и выполнять свои требования в качестве членов ЕС.

- С февраля 2002 года Комиссия ЕС работает над единовременной программой, касающейся только специального корректирования, на осуществление которой выделяется сумма в размере более 206 млн. евро (с 2004 до 2006 г.г.) в поддержку турецких киприотов, с созданием функционирующей рыночной экономики в случае предшествующего урегулирования кипрского спора. В этом случае ЕС может предложить дальнейшие структуральные программы для модернизации сельского хозяйства и туризма на Северном Кипре – который будет входить в список беднейших регионов расширенного Союза, – чтобы помочь уменьшить боязнь доминирования от экономически более успешных греческих киприотов. Более того, предполагается, что Информационный центр ЕС в Торговой палате турецких киприотов внесет действенный вклад в работу деловых людей и функционирование политики ЕС, а также поддержит движения союзничества в обеих частях острова. В результате, ЕС надеется достигнуть улучшений в отношениях между этническими группами и развить обоюдный интерес до вступления в ЕС. Подобным же образом коммуникационная стратегия стремится содействовать информированности общественности в отношении ЕС и развитию заинтересованности ЕС в обеих общинах киприотов.
- ЕС ссылаясь на опросы общественного мнения по Северному Кипру, где более 90 процентов турецких киприотов признают экономические и политические преимущества членства в ЕС и благоволят вступлению в ЕС после разрешения кипрской проблемы. ЕС также ссылаясь на неправительственные организации левого толка, которые представляют и организуют тысячи недовольных турецких киприотов, обеспокоенных ситуацией, а также проводят кампанию за партнерское государство.
- Сообщество гарантировало всем киприотам первичность демократических прав и прав человека, включая защиту культурного, религиозного и языкового разнообразия. Кроме того гарантировались демократия и применение верховенства закона, как и включение греческих и турецких киприотов в институты ЕС.
- ЕС также уведомило ТРСК о том, что расширение является их последним шансом иметь те же блага, что и у жителей южной части острова.
- В заключение, Комиссия постоянно работает с 1995 года – частично в сотрудничестве с двухобщинными проектами ООН, а также с программой мер по укреплению доверия – по строительству сильного гражданского об-

щества в обеих частях Кипра.⁶⁴ По крайней мере, треть суммы из 57 млн. евро, выделенных Кипру со стороны ЕС на приготовления к вступлению, используется поэтому на финансирование проектов урегулирования отношений между двумя этническими группами.

Однако, мероприятия все еще не могут быть осуществлены между двумя группами населения Кипра, поскольку руководство турецких киприотов уже долгое время назад создало существенные помехи участию людей в любой деятельности, которая требует пересечения демаркационной линии. Впоследствии, организации, оппозиционные партии и союзы возглавили в июле 2001 года демонстрацию под лозунгом «Это наша страна!», в которой участвовало около 3000-4000 турецких киприотов. Протестовавшие выступали против дальнейшей экономической деградации турецкого Кипра и требовали, чтобы их правительство заняло положительную позицию в отношении двухобщинной деятельности.⁶⁵ Более того, летом 2002 года около 86 неправительственных организаций, представлявших 38 тысяч членов, подписали декларацию, озаглавленную «Общее видение гражданского общества турецких киприотов».⁶⁶ Эта декларация призывала к взаимному урегулированию кипрской проблемы и полному членству Кипра в ЕС. «Общее видение» не благоприятствует двум отдельным и суверенным государствам, оно, скорее, радуется за то, чтобы две политически равные стороны создали «партнерское государство» с единой международно-правовой составляющей и с действенным демократическим процессом для управления его отношениями с ЕС, согласно предложениям, выдвинутым Аннаном.⁶⁷ Наконец, в 2002-2003 г.г. массовые демонстрации, требовавшие даже отставки Денкташа, продолжались в Лefкосе.⁶⁸ Действительно, Союз, и в особенности Германия, ожидали от обеих переговаривающихся сторон и лидеров этнических общин рассмотрения следующих основных требований по успешному завершению текущих греко-турецких переговоров⁶⁹:

- Политические представители обеих частей острова должны окончательно признать, что односторонние предложения не приведут к приемлемым решениям для единства, свободы и процветания Кипра. Поэтому эти две этнические группы должны навсегда отказаться от варианта присоединения к своим бывшим метрополиям.

⁶⁴ См., например, вклад дочери бывшего президента греческих киприотов и члена парламента Кати Клеридес, "Citizens as Peacemakers: The Experience of Cyprus," в *Cyprus. In Search of Peace and Justice*, ред. R. C. Sharma and Stavros A. Epaminondas (New Delhi, 1997), 248.

⁶⁵ Комиссия, *Regelmäßiger Bericht 2001*, 10, 22.

⁶⁶ См. полный текст на сайте: <http://www.dzforum.de> (последний вход: 10 ноября 2003 г.).

⁶⁷ Axt, "Gordischer Knoten," 73.

⁶⁸ *Athener Zeitung*, 5 апреля 2002 г., 22–24.

⁶⁹ Там же.

- Ни одна этническая группа также не должна стремиться к господству над другой. Действенная концепция двадцать первого века - это основанное на доверии сотрудничество всех киприотов в объединенной Европе, в которой государства-члены ЕС, а также регионы и сообщества обладают полномочиями, основанными на принципах федерализма и дополнительности. Таким образом, государства-члены ЕС, в особенности те, которые характеризуются высоким уровнем этнического разнообразия, должны обеспечить всесторонние общественные и культурные права автономии как стимул для лояльного участия в центральном правительстве в качестве пути недопущения сепаратистских тенденций.
- Подобно случаю Бельгии, этнические группы не должны ограничиваться регионом своего проживания; скорее, должно быть достигнуто федеральное решение с двумя областями и двумя общинами. Прочное мирное решение по Кипру, основанное на двухобщинных переговорах, делает необходимым не только посредничество ООН, но также и участие Союза как вероятного регионального гаранта стабильности всего Кипра.

Когда стало ясно, что турецкое правительство начало решительно реформировать конституцию для ее полного соответствия строгим демократическим критериям Союза, и когда религиозно-консервативный исламист (не еврофил) реформатор Реджеп Тайип Эрдоган стал в ноябре 2002 года премьер-министром, Кофи Аннан, наконец, решил передать на рассмотрение обеим киприотским сторонам свою общую Основу для соглашения по всеобъемлющему урегулированию кипрской проблемы. В этом документе, в частности, говорилось: «В качестве модели для статуса и взаимоотношений государства Кипр, его правительства «общего государства» и его «составляющих государств» взят статус взаимоотношений Швейцарии, ее федерального правительства и кантонов».⁷⁰ «Составляющие государства» призваны гарантировать, насколько это возможно, максимальную автономию для обеих этнических групп, исключая лишь полный суверенитет. Вместе с президентством, осуществляемым на основе ротации, такая модель гарантирует реальное политическое равенство для греческих и турецких киприотов и позволяет Кипру выступать одним голосом как государству в форме «нерушимого партнерства», аналогичного с конституцией 1959 года. Все граждане Кипра должны также получить внутренний статус граждан «составляющих государств». Что касается европейского гражданства, то данный статус будет дополнять, а не заменять киприотское гражданство.

В то же время Аннан настаивал на проведении отдельного референдума в обеих общинах по своему плану к концу марта 2003 года, в особенности подчеркивая для обеих сторон тот факт, что его предложение либо «принимается, либо

⁷⁰ См. <http://www.mfa.gov.tr>, <http://www.european-cyprus.net/cgi-bin/hweb?-A=612&-V=eucy>; и Axt "Gordischer Knoten," 68–71.

отвергается». Действуя таким образом, он хотел предотвратить новые бесконечные раунды обсуждений с последующим пересмотром, после того как в его первоначальный план уже два раза вносились дополнения.⁷¹

Данный план оставлял место для дипломатических переговоров только по двум основным аспектам кипрского диспута: проблеме беженцев, чьи дома остались за линией противника после турецкого нашествия, и в вопросе того, каким образом две общины будут совместно проживать на территории Кипра. Вопреки своей риторике, большинство киприотских политиков греческого происхождения все еще имеют следующие возражения:

- Если Кипр будет состоять из двух суверенных «составных государств», турецкие киприоты смогут стать настолько независимыми, что они постепенно выйдут из «Объединенной Кипрской Республики».
- План Аннана устанавливает сеющую распри и дисфункциональную систему правления, которая не отвечает требованиям управления таким островом, как Кипр.
- План по существу узаконивает продолжающееся присутствие поселенцев из Турции и открывает двери для изменения демографической обстановки на острове.

Должностные лица, представляющие интересы турецких киприотов, с другой стороны, недовольны господствующей позицией греческих киприотов в мощных институтах центрального правительства предполагаемого федерального государства (законодательные и исполнительные ветви власти), той позицией, которая для ООН является лишь отражением количественного превосходства греческих киприотов. Независимо от этого, приводились доводы, что существенная часть законодательства будет формироваться в соответствии с рамками ЕС. Этот план также не предоставляет ТРСК полного признания до тех пор, пока она его не подпишет. И, наконец, в то время как греки требуют полных прав по возвращению беженцев в свои дома, занимаемые ими до 1974 года на Северном Кипре, включая повторное заселение, турки только хотят предложить компенсацию, поскольку лишь немногие турецкие киприоты хотели бы снова жить среди греческих киприотов.⁷²

В окончательном анализе Аннанду вновь не удалось провести свой маневр, так как 10 марта Денкташ вместе с турецким правительством окончательно отказа-

⁷¹ См. <http://www.swp-berlin.org/produkte/brennpunkte/zypernchance1B.htm> (последний вход: 17 декабря 2002 г.); и http://www.pio.gov.cy/other/revised_un_plan.pdf.

⁷² “Cyprus-Question. Recent developments on Cyprus,” Учредительный центр изучения Турции (FRAME), 20 апреля 2003 г., на сайте: <http://www.zft-online.de/news/article/detail.php?ds=090ff54ae1afbd8427af91917d2fe173> (последний вход: 10 ноября 2003 г.).

лись от третьего Плана Аннана⁷³ и референдума, несмотря на более примиренческую реакцию со стороны нового реформаторского правительства в Анкаре пересмотреть свою политику в отношении Кипра.⁷⁴ Сейчас же они, наоборот, полагали, что план Аннана не служит интересам Турции. Несомненно, они имели несколько веских причин для такого решения: продолжающийся с того момента иракский кризис; раскол в Европе в отношении того, быть или нет союзником США и Великобритании; разочарование Турции решением ЕС отложить открытие переговоров о членстве до 2004 года; внутренние споры между Эрдоганом и турецкими военными в отношении того, кто обладает конечной политической властью; и, наконец, выборы в феврале нового президента греческих киприотов Тассоса Пападопулоса при поддержке традиционно прокипрской и умеренной партии АКЕЛ, поскольку Тассос Пападопулос рассматривался традиционным националистом и «политиком, придерживающимся твердой линии на отказ от воссоединения» из-за своего длительного участия в прошлом в организации ЕОКА.⁷⁵ Опросы общественного мнения, проведенные в то время среди греческих киприотов, также показали негативное отношение к плану Аннана. Они резко контрастировали с позитивными взглядами, выраженными в Афинах, поскольку среди греческих киприотов была широко распространена боязнь, что страстное желание турецких киприотов иметь политическую автономию, может аннулировать традиционное греческое большинство по ключевым решениям территориальных вопросов и вопросов собственности.⁷⁶

Но именно турецкий отказ внес неопределенность в план Аннана - наиболее активные попытки ООН решить кипрскую проблему на основе детального плана действий по всеобъемлющему урегулированию. В середине апреля 2003 года при президентстве Греции в ЕС года в церемониальном акте президент Пападопулос собственноручно подписал договоры о вступлении в ЕС в Афинах. Лишь неделю спустя заместитель премьер-министра Сердар Денкташ, сын президента, официально открыл внутренние «границы» Северного Кипра для посетителей из обеих общин, комментируя в прессе, что «киприоты, возможно, могут приступить к разрешению кипрской проблемы самостоятельно, без вмешательства со стороны – и они должны делать это постепенно».⁷⁷ Кажется, что этот потрясающий ход по частичному снятию ограничений в свободном передвижении на острове был главным образом предназначен для того, чтобы направить в определенное русло

⁷³ См. http://www.typos.com.cy/nqcontent.cfm?a_id=28596 (последний вход: 10 ноября 2003 г.).

⁷⁴ Paris Varvaroussis, "Der Beitritt Zyperns zur Europäischen Union und die Sicherheit in der Region," *Südosteuropa Mitteilungen* 43:3 (2003): 63, сноска 13.

⁷⁵ Caesar V. Mavratsas, "Aspects of the Cyprus Problem: Political and Culture and Civil Society," *Culture in Common*, 38.

⁷⁶ Axt "Gordischer Knoten," 76.

⁷⁷ Mavratsas, "Aspects," 38.

все более и более усиливающееся внутреннее разочарование режимом Денкташа. Но, как и немцы в Германии после падения Берлинской стены в 1989 году, на Кипре тысячи обычных греческих и турецких киприотов испытывали поначалу, по крайней мере, эйфорию при переходе через «зеленую линию», которая разделяла остров с 1963 года. Эти внезапные и драматические изменения преобразовали кипрскую проблему, результат которых до сих пор не известен: эксперимент должен показать, пойдут ли гражданские общества впереди политиков и сможет ли сейчас кипрская проблема решаться «снизу вверх». Если да, то это может привести к кардинальному улучшению отношений между двумя общинами на долгую перспективу.

Парламентские выборы на Северном Кипре в декабре 2003 года покажут, достаточно ли решительна оппозиция, выступающая против Денкташа, убедить при поддержке ЕС большинство избирателей, что президент ТРСК более не должен автоматически рассматриваться делегатом своей общины в следующих межобщинных переговорах. И, впервые за все время, Комиссия ЕС в своем последнем отчете о ходе работ (ноябрь 2003 года) по вступлению Турции в ЕС, хотя до сих пор и избегавшая предпринимать какое-либо прямое посредничество в разрешении кипрской проблемы, оказала необычайно прямое политическое давление на Турцию, чтобы, наконец, заставить правительство турецких киприотов возобновить переговоры на основе плана, предложенного Аннаном. Иначе, она открыто грозила тем, что «отсутствие урегулирования может стать серьезным препятствием на пути желания Турции вступить в ЕС». В то же время, она предложила свою помощь в поиске «быстрого решения кипрской проблемы».⁷⁸

Послание, которое ЕС направил Турции, звучит ясно: существует связь между урегулированием кипрского спора и членством Турции в ЕС. Когда греческая часть Кипра станет членом ЕС в качестве Республики Кипр, то Турция после мая 2004 года будет встречаться за столом переговоров со страной, которую Анкара официально не признает. Более того, Турция окажется в ситуации оккупационной силы на территории ЕС. Поэтому решение этой проблемы настолько важно для осуществления турецкого членства в ЕС. Однако Турции нужно почувствовать, что у ЕС имеются серьезные намерения в отношении ее членства; только тогда она захочет пойти на компромиссы в решении этой проблемы на основе плана Аннана, который не соответствует ожиданиям националистов с обеих сторон.

Интеграция Кипра в ЕС: эффективная модель разрешения расходящихся этнических интересов?

Кипр представляет собой особый случай в предстоящем раунде расширения ЕС, учитывая его отличительную островную географию между христианским запа-

⁷⁸ Комиссия ЕС, *Continuing Enlargement*, 5, 20.

дом и мусульманским востоком, а также его, по-видимому, непреодолимые международные и исторические проблемы внутреннего сосуществования, касающегося двух различных этнических групп с различной религиозно-этнической идентичностью. Исходя из этого, остров предлагает уникальное «окно возможностей», если использовать лексику Кофи Аннана, в апробации новых моделей разрешения конфликта. Содействующая роль ЕС как гаранта стабильности, миротворца и благодетеля процветания в Восточном Средиземноморье может возрасти, если ЕС удастся применить динамику расширения как стратегический инструмент гибкого сотрудничества в деле выхода из дипломатического тупика в продолжающемся на острове конфликте.

Но применение «демократической обусловленности»⁷⁹ как наиболее часто возникающей характеристики процесса расширения привело к асимметричным результатам: Сообщество, под давлением своего государства-члена Греции, разрешило только греческим киприотам вступить в ЕС в качестве единственного представителя объединенного правительства уже приказавшей долго жить Республики Кипр. Таким образом, Союз потерял свое беспристрастие в этом споре, встав на сторону греческой стороны. Затем ЕС инициировал процесс переговоров с турецкими киприотами исключительно материального плана, предлагая привлекательные финансовые стимулы для принятия условий плана Аннана и присоединения в Брюсселе в статусе меньшинства к группе переговорного процесса, в которой доминируют греческие киприоты. В то же время ЕС будет держать Турцию на листе ожидания на членство в ЕС, во время действия которого приверженность этой страны демократическим нормам и ценностям, а также ее роль в разрешении кипрского спора будут находиться под пристальным вниманием ЕС. Надежность ЕС в качестве политического действующего субъекта, как и надежность политических представителей в обеих общинах с их противоречивым реагированием на план Аннана, проходят испытание на прочность. Если обе части не смогут к маю 2004 года официально вступить в ЕС вместе, за это им придется расплачиваться: «греческие киприоты не получают обратно оккупированные земли, а турецкие киприоты будут продолжать жить в политической изоляции и экономической нищете».⁸⁰

Однако необходимое сближение глубоко разделенных конфликтующих сторон на Кипре требует такого подхода к решению проблемы, который выходит за рамки национального государства. Тем временем ЕС экспериментирует с новыми формами правления в европейской многоуровневой системе.⁸¹ Это

⁷⁹ См. Frank Schimmelfennig, Stefan Engert и Heiko Knobel, “Costs, Commitment, and Compliance. The impact of EU democratic conditionality on Latvia, Slovakia, and Turkey,” *Journal of Common Market Studies* 41:3 (2003): 495–517.

⁸⁰ Mavratsas, “Aspects,” 39.

⁸¹ См. Комиссия европейских сообществ, *European Governance. A White Paper* (Luxembourg, 2001).

европейское правление идеально вписывается в комплексный, сбалансированный диалог, который ведут правительства, институты ЕС и гражданское общество в Европе, и в то же время заинтересовано в коллективной, обязывающей системе арбитража и принятия решений. Если ЕС удастся перенести успех своего подхода правления к разрешению кипрской проблемы, тогда можно будет далее содействовать большей гибкости, желанию сотрудничать и решению конфликтующих сторон положить конец дилемме безопасности и разделения острова. Как образовательное сообщество, ЕС может действовать в качестве примера для политических элит разделенного Кипра и служить иллюстрацией того, насколько радикально в результате европейской интеграции меняются отношения в многоуровневой системе. Из этого следует, что классические определения национального государства, суверенитета и государственности теряют свою повседневную политическую значимость. Кроме того, нужно рассмотреть большое разнообразие политических и конституционных систем внутри ЕС, которые варьируются от относительно централизованных моделей Франции и Великобритании до свободной федеральной структуры Бельгии. Поэтому для Сообщества не будет очень трудным предложить внушительные гарантии защиты общине турецких киприотов на ее ограниченной территории.⁸²

Беря кипрский вопрос в свои руки, ЕС должен в ближайшем будущем далее разрабатывать практические меры по недопущению того, чтобы маленький остров – родина Афродиты – стал самой большой проблемой в расширении ЕС. Одновременно, укрепление стабильности может наступить только в том случае, если ЕС сумеет более ясно определиться в своих отношениях с Турцией. Все же может оказаться полезным, что Кипр – первая вступающая в ЕС страна, которая должна свести вместе на национальном уровне две противостоящие культуры, основывающиеся на христианских и мусульманских традициях. ЕС должен показать, что вступление Кипра не может восприниматься как победа греческих киприотов над меньшинством турецких киприотов, а идет на пользу всего кипрского населения. Таким образом, должно быть проанализировано, можно ли – после того, как на пороге международного признания Северного Кипра увеличилась свобода передвижения, – исключить обязательное переселение, и может ли ТРСК участвовать в свободной торговле и таможенном союзе. В дополнение к этому, при кодификации турецкого языка как официального языка ЕС в договоре о вступлении, нужно убедить Республику Кипр внести свой конструктивный вклад в этот процесс.⁸³ Будущее Сообщества зависит в значительной степени от того, удастся ли ЕС установить широкий демократический диалог в коллективно используемых западных и светских политических рамках между традиционно

⁸² Wallace, *Reconciliation*, 9.

⁸³ Deutsch-Zyprisches Bürgerforum. *Projektbericht* (Köln, 2001), 11–19.

непримиримыми христианскими и исламскими соперниками.⁸⁴ Здесь ЕС будет должен принимать более активное участие, чем это было раньше, в сотрудничестве с обеими группами на Кипре, для того чтобы продемонстрировать для этих новых европейских граждан свою целостность и доверие к себе. В конечном счете, смогут ли киприоты обеих этнических групп разрешить свои конфликты по-дружески при поддержке ЕС в рамках общей Европы, в конце концов, будет зависеть от количества и размера создаваемых двухобщинных сетей. Действуя в этом русле, турки и греки Кипра должны прежде всего уяснить, что действительное, выгодное и эффективное развитие их интересов возможно только в их совместном членстве в расширенном Европейском Сообществе.

“*Wandel durch Annäherung*” (преобразование на основе взаимного подхода), если цитировать Эгона Бара - архитектора внутринемецкой политики ослабления напряженности в 1970-х годах, может быть реализовано на Кипре только в том случае, если эти две стороны будут сближать свои позиции от проекта к проекту в прочных рамках ЕС, гарантирующих неправительственным организациям свободу проведения межобщинной деятельности, создание взаимного доверия и взаимопонимания для межэтнического сотрудничества. Затем оба лагеря должны будут принять тот факт, что две существующие политические системы в одной стране⁸⁵ могут в действительности мирно и взаимовыгодно сосуществовать при нестрогой государственной федерации, и вместе с Грецией и Турцией, тесно интегрированными в Европейский Союз, внесут в конечном итоге свой вклад в дело мира и стабильности в Восточном Средиземноморье. Таким образом, реальная сила ЕС в решении кипрской проблемы кроется в ее «силе притяжения».⁸⁶ Окончательное и полное членство в ЕС для Кипра и Турции предоставляет необходимые стимулы, а также экономические, политические, правовые рамки и рамки безопасности для успешного процесса интеграции после разрешения кипрского спора. Но это во многом будет зависеть от политических интересов всех внутренних и внешних сторон, участвующих в деле восстановления дружеских отношений как условия для надежных и связующих обязательств по окончательному урегулированию межобщинного сосуществования на основе плана, предложенного Аннаном.

⁸⁴ Larry Siedentop, *Democracy in Europe* (London, 2000), 207.

⁸⁵ Zervakis, “Die politischen Systeme Zyperns,” 889; и Н. Tarik Oguzlu, “The EU as an actor in the solution of the Cyprus dispute: The question of ‘how’,” *JEMIE 2* (2002): 21.

⁸⁶ George Christou, “The European Union and Cyprus: The power of attraction as a solution to the Cyprus issue,” *JEMIE 2* (2002): 22.